

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все примечания, комментарии и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Slav 830.17.10

**Harvard College
Library**

THE GIFT OF
Archibald Cary Coolidge
Class of 1887
PROFESSOR OF HISTORY

ПАТІАРХЪ НИКОНЪ

И

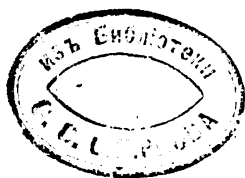
ЕГО ПРОТИВНИКИ

ВЪ ДѢЛѢ ИСПРАВЛЕНІЯ ЦЕРКОВНЫХЪ ОБЯДОВЪ.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

ВРЕМЯ ПАТІАРШЕСТВА ІОСИФА.

Н. Кантерева.

МОСКВА.

1887.

ПАТІАРХЪ НИКОНЪ

И

ЕГО ПРОТИВНИКИ

ВЪ ДѢЛѢ ИСПРАВЛЕНІЯ ЦЕРКОВНЫХЪ ОБРЯДОВЪ.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

ВРЕМЯ ПАТІАРШЕСТВА ІОСИФА.

Н. Кантерева.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.

1887.

Star 830.17.10

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
26 OCT. 1925

L

Из № 1, 2, 4 и 12 Православнаго Обозрѣнія за 1887 г.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВАГО ВЫПУСКА.

Время патріаршества Іосифа.

Стр.

ГЛАВА I. Характеръ отношеній къ кіевлянамъ и кіевской литературѣ при патріархѣ Іосифѣ.

Подозрительныя отношенія патріарха Филарета Никитича къ кіевлянамъ и ихъ литературнымъ произведеніямъ. — Измѣненіе въ характерѣ этихъ отношеній при преемникѣ Филарета патріархѣ Іоасафѣ. — Время патріаршества Іосифа было временемъ усиленнаго вліянія кіевской литературы на ученыхъ кіевлянъ. — Кириллова книга, ея происхожденіе и составъ. — Книга о Вѣрѣ и другія южно-русскія произведенія, напечатанныя въ Москвѣ при Іосифѣ. — Вызовъ въ Москву при Іосифѣ ученыхъ кіевлянъ: Арсенія Сатановскаго, Дамаскина Птицкаго, Елифанія Славонцаго. 3—22

ГЛАВА II. Характеръ отношеній къ греческой вселенской церкви при патріархѣ Іосифѣ.

Отношеніе русскихъ къ грекамъ послѣ флорентійской уніи и паденія Константинополя. — Крайнія воззрѣнія нѣкоторыхъ русскихъ на грековъ, какъ на потерявшихъ истинное благочестіе, и значеніе въ этихъ отношеніяхъ постановленій Стоглаваго собора. — Церковно-правительственный взглядъ на грековъ какъ на православныхъ, но только неудержавшихъ во всемъ древняго церковнаго чина и обряда. — Напечатанныя при Іосифѣ книги признають грековъ *во всемъ* строго православными. — Самъ патріархъ Іосифъ не только признаетъ строго-православною греческую церковь, но и ея высшій авторитетъ въ русскихъ церковныхъ дѣлахъ. . . . 23—41

ГЛАВА III. Книжныя исправленія при патріархѣ Іосифѣ.

Испорченность нашихъ церковныхъ книгъ и необходимость ихъ исправленія издавна признавалась нашею церковію, на это постоянно указывали и разные книжные справщики. — Во время патріарха Іосифа книжные справщики открыто и настойчиво заявляютъ о необходимости исправлять наши книги по греческому тексту и самую книжную справу поручать людямъ научно-образованнымъ. — При патріархѣ Іосифѣ уже дѣлаются попытки исправить нѣкоторыя наши книги по греческому тексту 42—49

ГЛАВА IV. О книжныхъ справщикахъ при патріархѣ Іосифѣ и происхожденіи двуперстія.

✓ Несправедливость того мнѣнія, что книжными справщиками при патріархѣ Іосифѣ были Нероновъ, Аввакумъ, Лазарь и другіе расколоучители, или что въ ихъ рукахъ находилось по крайней мѣрѣ высшее руководство книжною справкою. — Господствующею и преобладающею формою перстосложенія въ московской Руси было двуперстіе, тоже самое было и въ кievской Руси до Петра Могилы. — Двуперстіе существовало у сербовъ, существовало въ извѣстное время, какъ господствующій обычай, и въ самой константинопольской церкви, которая и передала его русскимъ при ихъ обращеніи въ христіанство. — Какъ слѣдуетъ съ исторической точки зрѣнія и въ интересахъ православія рѣшать вопросъ о формѣ перстосложенія въ крестномъ знаменіи 50—91

ГЛАВА V. О попыткахъ при патріархѣ Іосифѣ устроить въ Москвѣ школу съ помощію ученыхъ грековъ и кievлянъ.

Во время патріарха Іосифа сказывается особая заботливость относительно распространенія у насъ просвѣщенія, является сознаніе необходимости для русскихъ правильнаго научнаго образованія. — Какъ слѣдствіе этого сознанія, при Іосифѣ являются дѣятельныя попытки образовать въ Москвѣ правильно устроенную школу, для которой стараются подыскать учителей въ кievской Руси и на востокѣ 92—101

ГЛАВА VI Кругъ ревнителей благочестія, образовавшийся въ Москвѣ во вторую половину патриаршества Іосифа.

Царскій духовникъ, протопопъ Благовѣщенскаго собора Стефанъ Вонифатьевъ. — Его вліяніе на царя и характеръ этого вліянія. — Его заботы о насажденіи на Руси истиннаго благочестія и объ уничтоженіи различныхъ церковныхъ безпорядковъ. — Образование Стефаномъ въ Москвѣ кружка ревнителей благочестія. — Іоаннъ Нероновъ, главный помощникъ Стефана въ Москвѣ. — Предшествующая дѣятельность Неронова какъ ревнителя благочестія и его московская дѣятельность. — Характеръ другихъ ревнителей благочестія. — Задачи и цѣли кружка ревнителей благочестія: борьба съ пороками, недостатками и суевѣріями въ жизни народа, борьба съ различными недостатками въ жизни и дѣятельности тогдашняго блага и чернаго духовенства, борьба противъ многогласія въ церковномъ чтеніи и пѣніи. — Заботы кружка ревнителей о возстановленіи на Руси совѣтъ — было забытаго церковнаго учительства. — Различіе во взглядахъ и убѣжденіяхъ между ревнителями столичными и провинціальными и необходимость вслѣдствіе этого раздѣленія между ними. — Особенности въ воззрѣніяхъ провинціальныхъ ревнителей: ихъ особый взглядъ на русскую церковь и русское благочестіе вообще, ихъ взглядъ на сравнительное достоинство русскихъ церковныхъ книгъ и печатныхъ греческихъ, ихъ особое отношеніе къ ученымъ грекамъ и кіевлянамъ. Враждебное отношеніе ревнителей къ патриарху Іосифу и ихъ борьба съ нимъ. — Общія заключительныя замѣчанія о времени патриаршества Іосифа по отношенію къ времени Никона. 502—161

П Р И Л О Ж Е Н І Я.

№ 1.

Челобитная патриарха Іосифа 1649 года, февраля 11, государю Алексѣю Михайловичу съ жалобою на царскаго духовника, Благовѣщенскаго протопопа Стефана Вонифатьева, что Стефанъ публично поносилъ бранными словами его, патриарха Іосифа, и весь освященный соборъ 162—166

IV

Стр.

№ 2.

Челобитная неизвестнаго патриарху Іосифу съ просьбою
предпринять мѣры противъ разныхъ укоренившихся церков-
ныхъ безпорядковъ, которые подробно указаны въ самой
челобитной..... 166—170

№ 3.

Челобитная старца [Григорія] иконописца 1651 года царю
Алексѣю Михайловичу съ просьбою исправить различные
пороки, недостатки и суевѣрія, особенно процвѣтавшіе среди
духовенства и народа въ г. Вязьмѣ..... 171—173

№ 4.

Грамота царя Михаила Феодоровича къ суздальскому и то-
русскому архіепископу Іосифу съ обвиненіемъ различныхъ
преступленій архіепископа и съ объявленіемъ ему, что онъ
лишается архіепископскаго сана и ссылается на показаніе
въ Соловецкій монастырь..... 173—175

О П Е Ч А Т К И.

<i>Стр.</i>	<i>Строка:</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ читать:</i>
22	4	поселяются	поселившисѣ
30	18 сверху	въ концѣ	съ конца
43	10 снизу	ея	ся
66	13 сверху	овѣрѣ овѣрѣ	о вѣрѣ
68	11 —	появляться	появиться
—	10 снизу	и аеониты	аеониты
70	13 сверху	одунадесяти	о двунадесяти
76	11 —	простѣ	правѣ
80	19 —	Рованомъ	Романомъ
87	20 снизу	и сего	сего
90	2 сверху	исторію	исторіи
95	16 —	иже	лжи
—	15 снизу	гордожець	гордоусецъ
96	3 сверху	изрядное	изряднѣ
98	16 —	въ 1663	съ 1653
107	16 —	ими	имѣ
116	2 снизу	въ Москвѣ	въ Лысковѣ
122	12 —	съ безстрастіемъ	съ безстрапіемъ
126	4 сверху	постригается	постригаются
128	6 снизу	Обличая господствую щіе	съ красной строки
137	7 сверху	появлялись	появлялись ревпители
138	7 —	или	ему
139	5 снизу	просто	про то
144	1 сверху	кругъ	особый кругъ
147	2 —	современнымъ	совершеннымъ
—	11 снизу	Рима	Руси
148	15 —	уже	иже
154	20 —	повыхъ въ митрополиты	овыхъ въ митрополиты
—	9 —	пригодныя ли	природныя ли
—	5 —	какъ	како
167	10 —	Симъ	Симѣ
169	13 —	ни	на
—	12 —	съ молитвы	въ молитвы
172	13 —	жива	жпла

Значеніе Никона, какъ реформатора, можетъ быть правильно понято и оцѣнено подѣ тѣмъ только необходимымъ условіемъ, если будетъ установленъ правильный взглядъ на время, непосредственно предшествовавшее Никону, т.-е. на время патріаршества Іосифа. Это сдѣлать тѣмъ болѣе необходимо, что о времени патріарха Іосифа и его отношеніи къ времени Никона существуютъ очень неправильныя представленія, которыя мѣшаютъ безпристрастной оцѣнкѣ реформаторской дѣятельности самого Никона ¹⁾).

Въ виду такого положенія дѣлъ мы позволяемъ себѣ нѣсколько долѣе остановиться на времени патріарха Іосифа, чтобы уяснить тѣ событія изъ этого времени, которыя находились въ не-

¹⁾ Въ послѣднее время о патріархѣ Никонѣ появились капитальныя изслѣдованія: митрополита Макарія—обширный XII томъ его «Исторіи русской церкви» и Гиббенета «Историческое изслѣдованіе дѣла патріарха Никона» въ двухъ томахъ. Цѣнность послѣдняго изслѣдованія заключается по преимуществу въ обширныхъ приложеніяхъ, состоящихъ изъ документовъ по дѣлу Никона, извлеченныхъ главнымъ образомъ изъ государственнаго архива и ранѣе нигдѣ ненапечатанныхъ въ ихъ цѣломъ видѣ. Появленіе указанныхъ капитальныхъ изслѣдованій о Никонѣ, какъ намъ кажется, не исключаетъ нужды новыхъ изслѣдованій по этому предмету. Намъ казалось, что вопросъ о Никонѣ реформаторѣ и его противникахъ не только не исчерпанъ окончательно въ указанныхъ сочиненіяхъ, но даже допускаетъ нѣсколько иную его постановку, иное освѣщеніе и рѣшеніе нѣкоторыхъ вопросовъ и сторонъ и для своего окончательнаго уясненія еще требуетъ новыхъ предварительныхъ изысканій, предварительной разработки многихъ частныхъ вопросовъ. Показать это на дѣлѣ и есть цѣль нашего изслѣдованія. Оно однако вовсе не претендуетъ на полное и окончательное рѣшеніе взятаго вопроса, а имѣетъ въ виду только поставить самый вопросъ и по мѣрѣ силъ облегчить и подготовить путь будущему историку для окончательнаго рѣшенія вопроса о Никонѣ въ связи съ возникновеніемъ у насъ раскола.

посредственной органической связи со всею дѣятельностію Никона и благодаря которымъ Іосифъ былъ непосредственнымъ предшественникомъ Никона не только по времени, но и по характеру своей дѣятельности, такъ что Никонъ, какъ церковный реформаторъ, является только продолжателемъ Іосифа.

Время патріаршества Іосифа характеризуется слѣдующими выдающимися явленіями въ тогдашней церковной жизни: а) сближеніемъ Московской Руси съ Кіевскою и усиленнымъ вліяніемъ у насъ кіевской литературы и ученыхъ кіевлянъ; б) сближеніемъ съ греками и признаніемъ авторитета греческой церкви въ церковныхъ русскихъ дѣлахъ; в) сознаниемъ неисправности древнихъ переводовъ нашихъ церковныхъ книгъ и сознаниемъ необходимости ихъ исправленія съ греческихъ подлинниковъ людьми, получившими правильное научное образованіе; г) сознаниемъ несостоятельности стараго московскаго образованія и необходимости завести въ Москвѣ правильную школу съ помощію греческихъ и южно-русскихъ ученыхъ; е) стремленіемъ уничтожить различные господствовавшіе въ то время церковные безпорядки и возвысить всю вообще религіозно-нравственную жизнь народа.

Г Л А В А I.

На соборѣ 1620 года патріархъ Филаретъ Никитичъ говорилъ: „егда быхъ въ польскомъ и литовскомъ государствѣ, многая въ нихъ видѣ несогласія церковная, въ самѣхъ тѣхъ христіанехъ, яже суть бѣлорусцы въ нихъ нарицаются, и нарицаются убо христіане, а правила святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ седми вселенскихъ и девяти помѣстныхъ соборовъ и инѣхъ святыхъ отецъ преданія, мнози въ нихъ не соблюдаютъ; и во единомъ убо долгу у нихъ у отца съ дѣтьми, и у мужа съ женою, и у господина съ рабы, вѣры три или четыре: и овъ держить въ нихъ вѣру христіанскую, инъ же папешскую, и инъ люторскую, и инъ же кальвинскую, и инъ же новокрещенскую, инъ же сасскую, и инъ аріанскую. И вкупѣ убо на единой трапезѣ ядять, и пють и бракомъ совокупляются, а инѣ вкупѣ и молитву творять. Мнози же изъ нихъ и за папу изверженнаго Бога молятъ во святѣй литургіи въ приношеніи, и во ектеніяхъ и литіяхъ; инѣ же терпятъ бѣды и напасти правды ради нашея христіанскія вѣры и непреклонни пребываютъ въ папино ученіе“. Въ виду такого положенія дѣлъ, патріархъ предлагаетъ собору рѣшить, какъ слѣдуетъ относиться къ тѣмъ бѣлоруссамъ, которые пожелаютъ перейти на житіе въ московское государство и сдѣлаться здѣсь истинными христіанами? Соборъ подъ руководствомъ патріарха рѣшилъ дѣло такимъ образомъ: всѣхъ бѣлоруссовъ, хотя бы и православныхъ, но крещенныхъ чрезъ обливаніе, слѣдуетъ крестить вновь, въ три погруженія, и если они не миропомазаны, то миропомазать; бѣлоруссовъ, крещенныхъ уніатскимъ священникомъ, перекрещивать вновь; кре-

щенныхъ православно и миропомазанныхъ, кто такимъ признаетъ себя самъ, хотя бы на это и не имѣлось свидѣтелей, не крестить вновь и не миропомазывать, а заставлять ихъ поститься недѣлю, и если они на исповѣди подтвердятъ духовнику прежнее заявленіе о своемъ православіи, то считать ихъ съ архіерейскаго разрѣшенія такими же православными, какъ и москвичи; тѣхъ, которые крещены были чрезъ обливаніе и причащались въ костелахъ, или, хотя бы и не причащались, не только крестить вновь въ три погруженія, но и заставлять проклинать латинскую ересь, именъ же ихъ не перемѣнять, не говорить и младенческаго отрицанія; тѣхъ же, которые были въ иной вѣрѣ и крещены потомъ уніатскимъ русскимъ священникомъ, не только крестить вновь, но они должны еще при крещеніи произносить отрицанія и латинское, и еретическое, и младенческое ²⁾).

Соборныя постановленія 1620 года о бѣлоруссахъ, вызванныя главнымъ образомъ Филаретомъ Никитичемъ, строго приводились въ исполненіе во все время его патріаршества. Когда въ 1630 году прибылъ въ Москву для вѣчнаго житія въ ней бывший уніатскій архіепископъ Аѳиногенъ, то въ Москвѣ его окрестили вновь, несмотря на его архіепископскій санъ ³⁾. Что же касается бѣлорусовъ православныхъ, крещенныхъ въ три погруженія, то ихъ, согласно соборному постановленію во все время патріаршества Филарета отдавали въ Москвѣ подъ начало въ какой-либо монастырь, прежде чѣмъ окончательно принять ихъ въ среду православныхъ. Такъ, въ апрѣлѣ 1626 года въ Москву для вѣчнаго житія прибыло девять старцевъ изъ Лубенскаго Мгарскаго монастыря.

Старцы были приняты въ Москвѣ, но „по указу великаго государя, святѣйшаго патріарха тѣ старцы даны съ государева патріаршаго двора *для исправленія вѣры подъ начало по монастыремъ*“. Такъ же поступаютъ въ томъ же году съ двумя старцами Межигорскаго монастыря и съ другими старцами въ 1630,

²⁾ Дѣянія собора 1620 г. напечатаны въ Потребникахъ мірскомъ и иноческомъ 1639 года при патріархѣ Іоасафѣ.

³⁾ Ист. рус. церкви, Макарія, т. XI, стр. 33—34.

1631, 1632 годах⁴⁾. Что собственно значило быть подъ началомъ и въ чемъ заключалось подначальство, видно изъ слѣдующаго факта: въ 1632 году въ Москву вѣхали на государевомъ имя два инока изъ Литвы и одинъ инокъ грекъ. Старцамъ кѣвлянамъ патріархъ велѣлъ помѣститься на подворьѣ подлѣ Богоявленскаго монастыря „и приходить имъ къ церкви, говорить патріаршій наказъ, въ Богоявленскій монастырь, а въ церковь ихъ не пущать, а пѣнія слушать въ трапезѣ, или въ паперти, а святыми имъ никакіе не давать и крестомъ воздвизательнымъ не благословлять и ко образомъ не прикладываться; а буде изъ нихъ который изнеможетъ и о томъ извѣстить и доложить государя патріарха, а жить на подворьи до сырныя недѣли, а на сырной недѣлѣ, въ послѣдній день въ недѣлю, притить на патріарховъ дворъ подъ начало“. Любопытно при этомъ, что относительно старца грека, явившагося на житье въ Москву вмѣстѣ съ старцами изъ Литвы и тоже отданнаго подъ начало, инструкция дается патріархомъ значительно иная. Именно, старцу греку, какъ и литовскимъ выходцамъ, велѣно было жить также на подворьи у Богоявленскаго монастыря, „а въ церковь его, говорить наказъ, пущать и отъ попа воздвизательнымъ крестомъ на молебнахъ благословлятися и ко образомъ прикладыватися, а на сырной недѣлѣ въ послѣдній день въ недѣлю, послѣ обѣда, быть на патріаршемъ дворѣ“⁵⁾. Очевидно, что отношенія патріарха Филарета къ православнымъ южно-руссамъ были болѣе подозрительны и суровы, чѣмъ къ православнымъ грекамъ.

Не только сами выходцы изъ южной Россіи, но и книги литовской печати встрѣчали въ Москвѣ, при Филаретѣ Никитичѣ, большое недовѣріе и даже, наконецъ, открытое преслѣдованіе со стороны московскаго правительства. Въ 1626 году прибылъ въ Москву извѣстный южно-русскій протопопъ Лаврентій Зизаній. Онъ привезъ съ собою книгу Катихизисъ, которую и просилъ напечатать въ Москвѣ. Патріархъ назначилъ богоявленскому игумену Ильѣ и книжному справщику Григорію Онисимову раз-

⁴⁾ Малороссійскія дѣла (въ Главномъ Московскомъ Архивѣ мин. иностранныхъ дѣлъ) 1626 г. №№ 4 и 8. 1630 г. № 3. 1631 г. № 3 и др.

⁵⁾ Греческія дѣла 1714 г. №№ 18 и 19 (въ томъ же архивѣ).

смотреть и исправить привезенную Лаврентіемъ книгу, которая потомъ, послѣ произведенныхъ въ ней исправленій и была напечатана въ Москвѣ. Но эта книга, такъ-называемый большой Катехизисъ (въ отличіе отъ малаго, напечатаннаго въ Москвѣ въ 1649 году), не имѣла выходнаго листа, а это показываетъ, что Филаретъ Никитичъ, несмотря на всѣ московскія исправленія, все-таки смотрѣлъ на книгу южно-русскаго сочинителя очень подозрительно и потому не рѣшился пустить ея въ обращеніе въ московской Руси⁶⁾. Другой случай окончательно вооружилъ Филарета Никитича противъ всѣхъ вообще южно-русскихъ книгъ, какъ печатныхъ, такъ и рукописныхъ. Въ 1627 году прибылъ въ Москву извѣстный Кирилль Транквилліонъ Ставровецкій и привезъ съ собою свое сочиненіе „Учительное Евангеліе“, чтобы напечатать его въ Москвѣ. Но игуменъ переяславскаго Никитскаго монастыря Аѳанасій Китайчикъ, самъ кіевлянинъ, заявилъ патриарху, что Учительное Евангеліе Транквилліона уже осуждено въ Кіевѣ соборомъ архипастырей за содержащіяся въ немъ многія ереси. По приказанію царя и патриарха розысканіемъ и указаніемъ ересей, заключающихся въ Учительномъ Евангеліи Транквилліона, занялись: упомянутый игуменъ Аѳанасій, богоявленскій игуменъ Илья и ключарь успенскаго собора Иванъ Настѣдка. Придирчивая до излишества критика дѣйствительно счумѣла отыскать въ книгѣ много ересей⁷⁾, вслѣдствіе чего окружною грамотою царя и патриарха приказывалось повсюду сожигать Учительное Евангеліе Транквилліона, вмѣстѣ со всѣми другими сочиненіями этого автора, хотя ихъ въ Москвѣ и не разсматривали. Но на уничтоженіи только книгъ Транквилліона, какъ подозрительныхъ, уже не остановились, а перенесли подозрѣнія на всѣ вообще литовскія книги, какъ печатныя, такъ и рукописныя. Вмѣстѣ съ приказомъ повсюду отбирать и жечь книги Транквилліона, давался еще и другой приказъ, чтобы „впередъ никто никакихъ книгъ литовскія печати и письменныхъ литовскихъ

⁶⁾ Пренія Лаврентія Зизанія съ игуменомъ Иліею и Онисимовымъ по поводу исправленія Катехизиса Зизанія напечатаны обществомъ древне-русской письменности. Спб. 1876 г. XVII. О пребываніи Зизанія въ Москвѣ см. «Русская историческая бібліотека» т. IX, стр. 439—457.

⁷⁾ См. объ этомъ: Оп. рукоп. Моск. Синод. библ. Отд. 11, 3, № 294.

(книгъ) не покупали, а кто нынѣ такія книги литовскія печати Кириллова слогу у себя утаитъ или кто впередъ учнетъ *литовскія книги какія-нибудь покупать*, а сыщется то послѣ мимо ихъ, и тѣмъ людямъ отъ насъ быть въ великомъ градскомъ наказаніи, а отъ отца нашего великаго государя святѣйшаго патріарха Филарета Никитича и всея Русіи быть въ великомъ духовномъ наказаніи и въ проклятій⁴. Въ 1628 году состоялся новый указъ царя и патріарха: велѣно было описать и отобрать тоѣ всѣхъ церквей и монастырей книги церковныя литовской печати и замѣнить ихъ книгами печати московской,—точно также и у частныхъ лицъ повелѣвалось описать и отобрать всѣ печатныя и рукописныя литовскія книги⁵).

Указанныя подозрительныя и очень суровыя отношенія къ южно-руссамъ и къ ихъ книгамъ, практиковавшіяся при Филаретѣ Никитичѣ, должны были, повидимому, окончательно разобщить южную Русь отъ сѣверной и прекратить всякій доступъ вліянію южно-русской учености на московскую Русь. Въ дѣйствительности однако этого не случилось, да и не могло случиться⁶). Съ одной стороны самый ходъ тогдашнихъ церковныхъ и политическихъ событій въ южной Руси невольно заставлялъ ее искать тѣснаго сближенія съ Москвою, чтобы найти въ ней опору и защиту отъ религіозныхъ и политическихъ преслѣдова-

⁴) Собр. государ. гр. и догов. III, № 77. Дворц. разр. т. I. стр. 980—981. Т. II, стр. 821, 822.

⁵) Самъ Филаретъ Никитичъ, приказывавшій отбирать отъ всѣхъ церквей, монастырей и отъ частныхъ лицъ книги литовской печати, имѣлъ однако и держать такія книги въ своей патріаршей библіотекѣ, какъ это значитъ въ описи патріаршей книгохранительной палатки, произведенной въ 1633 году. Здѣсь между книгами значитъ: книга *Евангеліе толковое*, печать литовская (№ 68); книга *Евангеліе толковое*, воскресное, печать литовская (№ 69); книга *Василія Кесарійскаго*, въ десть, печать литовская (№ 73); книга *Евангеліе толковое*, печать литовская (№ 127); книга *Евангеліе* на престольное, въ десть, печать литовская (№ 128. Опись патріаршей ризницы 1831 года, А. Викторова, глава XXVI). Нѣкоторыя изъ этихъ книгъ литовской печати привозились въ Москву самими южно-руссами. Такъ въ 1623 году пріѣхалъ въ Путивль служитель Кіевской Лавры Андрей Николаевъ и заявилъ, что его послать келарь Лавры, старецъ Захарія Экзархъ поднести царю и патріарху «по двѣ книги новой печати Ивана Златоустаго бесѣды Апостольскія». Въ 1624 году, 11 сентября, пріѣхалъ въ Пу-

ний Польскаго правительства ¹⁰⁾; съ другой стороны и сама Москва событиями смутнаго времени принуждена была во многомъ измѣнить свои старинныя взгляды и отношенія особенно къ образованнымъ и свѣдущимъ иностранцамъ, такъ какъ и въ Москвѣ все болѣе крѣпло и развивалось убѣжденіе о необходимости имѣть у себя людей свѣдущихъ и научно-образованныхъ, о необходимости завести въ самой Москвѣ правильно устроенную школу, руководимую православнымъ научно-образованнымъ учителемъ ¹¹⁾. Суровыя подозрительныя отношенія московскаго правительства къ кіевлянамъ и ихъ книгамъ были вызваны между прочимъ преувеличенными слухами объ успѣхахъ въ малой Россіи уни, отчасти личными взглядами Филарета Никитича и отчасти соблазнительнымъ поведеніемъ нѣкоторыхъ южно-русскихъ

тивъ изъ Кіевопечерской Лавры протосингелъ Памво «книжной печатной мастеръ», и привезъ царю и патріарху «по двѣ книги печатныя своего мастерства Дѣянія Апостольскія» (Малороссійскія дѣла 1623 года № 1, 1624 г. № 2). Иногда же эти книги литовской печати покупались. Такъ въ упомянутой выше описи патріаршей книгохранительной палаты значится (подъ № 127): «книга Евангеліе толковое, печать литовская, а куплена на панскомъ дворѣ».

¹⁰⁾ Такъ въ 1624 году прибылъ въ Москву лучшій епископъ Исаакій, который по порученію кіевскаго митрополита Іова Борецкаго былъ челоуѣкомъ государю, чтобы онъ принялъ утішеніемъ поляками Малороссію подъ свою высокую руку. И хотя въ этомъ ходатайствѣ было отказано Исаакію, однако переговаривавшіеся съ нимъ болѣе въ заключеніе заявили, что если южно-руссамъ и впредь будетъ утішеніе отъ поляковъ, а они противъ нихъ соединятся и укрѣпятся «тогда вы дайте знать царскому величеству и святѣйшему патріарху, и они будутъ о томъ мыслить, какъ бы православную вѣру и церкви Божіи и васъ всѣхъ отъ еретиковъ въ избавленіи видѣть» (О посольствѣ Исаакія и его пребываніи въ Москвѣ см. Греческія дѣла 7130 г. № 1; и связка 2 (въ которой находятся дѣла за нѣсколько дѣтъ) № 10 и дѣла Малороссійскія за 1622 годъ; за 1624 годъ № 1—4; за 1625 г. № 1). Такимъ образомъ въ Москвѣ, если и не выразили желанія немедленно принять Малороссію подъ высокую руку царя, то все-таки не отказались сдѣлать это на будущее время, въ виду чего сношенія Москвы съ кіевскою Русью естественно, несмотря на всѣ препятствія, становились все болѣе частыми, оживленными и интимными, что по необходимости открывало удобнѣйшій путь для кіевскихъ ученыхъ вліяній на передовое московское общество. Взаимные интересы, нужды и потребности необходимо вели къ тѣсному сближенію московской и кіевской Руси.

¹¹⁾ Самъ Филаретъ Никитичъ въ послѣдній годъ своего патріаршества задался мыслию устроить въ Москвѣ школу. Въ 1632 году въ Москвѣ былъ оставленъ протосингелъ александрійскаго патріарха Іосифъ, ранѣе жившій въ южной Руси,

выходцевъ въ Москвѣ¹²⁾. Ближайшее ознакомленіе москвичей съ положеніемъ южно-русскихъ церковныхъ дѣлъ убѣдило ихъ, что большинство южно-руссковъ по прежнему не только осталось православнымъ, но что оно ведетъ тамъ неустанную энергическую борьбу за православіе, мужественно и съ успѣхомъ охраняя его отъ всевозможныхъ покушеній на него со стороны различныхъ иновѣрцевъ. Въ виду этого, послѣ смерти Филарета Никитича отношенія московскаго правительства къ кіевлянамъ рѣшительно измѣняются. Въ 1637 году къ намъ переселяются иноки Прилуцкаго Густынскаго монастыря и иноки Ладинскаго Покровскаго монастыря. Выходцевъ принимаютъ въ Москвѣ и отводятъ для жительства старцамъ Дудинъ нижегородскій монастырь, старицамъ—Алатырскаго Никольскій монастырь. Затѣмъ къ намъ переселяются старцы Лубенскаго Мгарскаго монастыря и друг.¹³⁾ Характерная особенность этихъ переселеній къ намъ иноковъ и инокинь изъ разныхъ южно-русскихъ монастырей состоитъ въ томъ, что теперь выходцевъ южно-руссковъ уже не отдають, какъ прежде, подъ начало для исправленія ихъ христіанской вѣры. Послѣ смерти Филарета Никитича состоявшееся въ 1620 году соборное постановленіе относительно православныхъ бѣлоруссовъ, на практикѣ уже болѣе не исполнялось, хотя соборныя дѣянія 1620 г. и внесены были въ печатный Потребникъ 1639 г. Вторая не менѣе характерная особенность указанныхъ переселеній къ намъ иноковъ и инокинь южно-русскихъ монастырей состоитъ въ томъ, что вывезенныя выходцами разныя церковныя и богослужебныя книги литовской печати у нихъ уже не отбираются и не замѣняются, какъ при Филаретѣ, книгами московской печати. Очевидно, что кіевляне и ихъ книги, недавно

съ тѣмъ, чтобы онъ переводилъ книги съ греческаго языка на славянскій и училъ «на учительскомъ дворѣ малыхъ ребятъ греческаго языка и граматъ» (О попыткѣ Филарета Никитича основать школу въ Москвѣ см. нашу книгу: «Характеръ отношеній Россіи къ православному востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ», стр. 482).

¹²⁾ Въ послѣднемъ отношеніи особенно выдается такъ-называемый у насъ архіепископъ суздальскій Іосифъ. Царская грамота, въ которой изображается соблазнительное поведеніе Іосифа, печатается нами въ приложеніи.

¹³⁾ См. объ этихъ переселеніяхъ къ намъ южно-русскихъ иноковъ и инокинь въ Арх. Юг.-Зап. Рос. т. III, №№ 2—16 и др.

еще преслѣдуемая, получили теперь въ Москвѣ полное право гражданства, вслѣдствіе чего въ Москвѣ быстро начинается усиливаться кievское вліяніе. Въ 1639 году въ Москвѣ печатаются иноческій и мірской Потребники, въ концѣ которыхъ помѣщенъ такъ-называемый эпитимійный Номоканонъ... Этотъ эпитимійный Номоканонъ есть простая перепечатка кievскаго Номоканона, изданнаго во второй разъ въ Кіевѣ въ 1624 году. Такимъ образомъ въ 1639 году уже находили возможнымъ въ московскія церковныя печатныя книги вносить статьи, заимствованныя изъ кievскихъ печатныхъ книгъ. Въ 1640 году кievскій митрополитъ Петръ Могила предлагалъ устроить въ Москвѣ школу съ помощью ученыхъ кievлянъ, которыхъ онъ вышлетъ въ Москву. Уже одна возможность со стороны кievскаго митрополита обращаться съ подобнымъ предложеніемъ къ московскому правительству показываетъ, что православные кievляне не только не встрѣчали въ Москвѣ прежнихъ подозрительныхъ отношеній къ себѣ, но что тамъ уже признавали превосходство кievской учености надъ старою московскою книжною одностороннею начитанностію, и не прочь были учредить въ Москвѣ школу съ помощію кievскихъ ученыхъ.

Время патріаршества Іосифа было не только временемъ частыхъ и оживленныхъ сношеній съ кievскою Русью, но и временемъ усиленнаго вліянія у насъ кievской литературы и ученыхъ кievлянъ, которые со временъ Іосифа прочно и надолго водворяются въ сѣверной Руси и оказываютъ сильное вліяніе на все ея дальнѣйшее умственное развитіе.

Прежде всего и болѣе замѣтно сказалось при патріархѣ Іосифѣ вліяніе кievской полемической литературы,—изъ нея берутся цѣлыя отдѣлы и почти безъ всякихъ измѣненій вносятся въ наши рукописные сборники. Такъ напримѣръ встрѣчающіяся во множествѣ нашихъ сборниковъ статьи: „объ образѣхъ, о крестѣ“ и пр., которыя представляютъ изъ себя простое переложеніе на современный литературный московскій языкъ южно-русской книжки: „о образѣхъ, о крестѣ, о хвалѣ Божіей, о хвалѣ и о молитвѣ святыхъ, и о иныхъ артикулѣхъ вѣры“, напечатанной, какъ полагаютъ, въ Вильнѣ въ 1602 году ¹⁴⁾. Къ числу

¹⁴⁾ Эта южно-русская книга цѣликомъ вошла во множество нашихъ сборниковъ

такихъ сборниковъ принадлежить между прочимъ и известное „Изложение на лютеры“, приписываемое обыкновенно Ивану Насѣдкѣ¹⁵⁾. Авторъ этого сборника не только беретъ цѣлый рядъ главъ изъ южно-русскихъ сочиненій, но и прямо отсылаетъ къ нимъ своихъ читателей. Такъ въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: „и о томъ имъ всѣмъ еретикамъ той-же отвѣтъ. иже князя Константина Острожскаго собраніе есть“; въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ: „яко мало нѣчто приложимъ къ словесѣмъ собранія князя Острожскаго“, или полемизируя противъ прилога слова „и огнемъ“ въ молитвѣ на освященіе богоявленской воды, онъ говоритъ: „и о семъ молю вы возлюбленніи взыщите усердно и виждѣте и о семъ въ бесѣдѣ 15 правоученіе въ книзѣ

и между прочимъ въ сборникѣ «Изложение на лютеры», приписываемый обыкновенно Ивану Насѣдкѣ. Книга состоитъ изъ 12 главъ, которыя имѣютъ слѣдующія заглавія: 1) объ образѣхъ и отказъ образоборцовъ; 2) о томъ, котораго часу отъ самихъ христіанъ образоборство повстало и которіе цари образоборцами были и на которомъ соборѣ вселенскомъ за то провѣданы; 3) образоборцовъ на нѣкоторые противные ихъ слова отказъ; 4) о крестѣ видимомъ знаменіи сына человѣческаго; 5) о крестѣ: для чего знаменуемъ лице свое крестообразно рукою; 6) о хоженіи со кресты; 7) о хвадѣ и чести святыхъ угодинокъ Божиихъ; 8) о молитвѣ святыхъ, иже святѣи и теперь молятся о насъ; 9) о постѣ; 10) о исповѣди; 11) о пречистомъ тѣлѣ и крови Христовой; 12) о отшедшихъ свѣта сего, иже о нихъ памяти чинити и милостивно давати, стараго и новаго закону писъмо святое повелѣваетъ.

¹⁵⁾ Филаретъ черниговскій (Обз. рус. дух. лит. № 208) авторомъ сборника «Изложение на лютеры» считаетъ Насѣдку и относитъ составленіе сборника къ 1642 году. Г. Соколовъ въ своей книгѣ «Отношеніе протестантизма къ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ» (стр. 80) говоритъ: «какія именно идеи и возраженія протестантовъ произвели теперь новое смущеніе и опасенія, объ этомъ можно судить изъ изданнаго протопопомъ Іоанномъ Насѣдкою (въ 1642 году) сборника подъ заглавіемъ: «Изложение извѣстно... на окаянныя и злоименныя Лютеры». Что сборникъ «Изложение на лютеры» появился не въ 1642 году, а ранѣе, въ этомъ удостовѣряетъ слѣдующая современная приписъ, имѣющаяся въ концѣ этого сборника, хранящагося въ нашей академической (московской духовной) библіотекѣ (№ 178): «154 года мая въ 6 день списывана сія книга отвѣты и обличенія на различныя еретическіе вѣры лютерскіе и римскіе и латынскіе и иныхъ—въ Якутскомъ острогѣ съ книги, которая куплена на Москвѣ въ прошломъ въ 149 (1641) году съ Покровки отъ пречистыя ись Кожевниковъ у пономаря Івана Иванова». Впрочемъ и въ самомъ сборникѣ есть указанія на то, что онъ написанъ былъ ранѣе 1642 года. См. Опис. славян. рукоп. Моск. Синод. библи. II, 3, стр. 361.

князя Константина Острожскаго на латинь, яко Златоустъ глаголетъ ¹⁶⁾.

Не только въ наши рукописные сборники вошли цѣлые обширные трактаты изъ южно-русскихъ сочиненій, но и самыя выдающіяся печатныя книги времени патріарха Іосифа, каковы: такъ называемая Кириллова книга, книга о Вѣрѣ, малый Катихизисъ, столь уважаемыя и доселѣ нашими старообрядцами, не есть въ дѣйствительности московскія произведенія, а южно-русскія.

Кириллова книга была составлена московскимъ черниговскимъ протопопомъ Михайломъ Роговымъ ¹⁷⁾, однимъ изъ видныхъ книжныхъ справщиковъ при патріархѣ Іосифѣ. О достоинствахъ и характерѣ самой книги въ послѣсловіи говорится, что государь „повелѣ сію предобрую книгу *отъ различныхъ святыхъ отецъ учиненную* на различныя ереси во единѣ купѣ совокупити и яко корабль многимъ богатствомъ наполнити и печатнымъ тисненіемъ вообразити, и пустити ю во всю свою русскую землю всякому православному христіанину, хотящему ея прочитати, и божественныя догматы видѣти, и та еретическая уста заградити. Воистину подобна сія предобрая книга великому кораблю, обремененному великимъ богатствомъ, понеже обогащена довольно божественнымъ писаніемъ, на злыя еретики щить и заграда, или будетъ подобна велицѣй рѣцѣ, текущей широстію и напаяющей всякаю животно. Такжеже и сія книга усладитъ и напоитъ всякаго читающаго ю, аки сладкою водою, или медвенными соты, еретикомъ же и раскольникомъ наша православныя вѣры уста заградитъ“.

Совершенно было бы ошибочно этотъ восторженный отзывъ о великихъ достоинствахъ Кирилловой книги ставить въ счетъ ея московскому составителю; его роль въ дѣлѣ сочиненія этой

¹⁶⁾ По рукописи нашей академич. библ. № 177, лл. 332, 335, 404.

¹⁷⁾ Дьяковъ Федоръ говоритъ: «А же печатная московская Кириллова книга глаголется, и та нѣсть Кириллова, но *собиралъ* ее черниговскій протопопъ Михайлъ Роговъ съ прочими избранными мужи, по повелѣнію царя и патріарха, на многія ереси латынскія и арменскія и нѣмецкія и прочія. Начаша они писать отъ тоя самыя Кирилловы книги, потому и славеть Кириллова, и тѣхъ словъ-святыхъ Кирилла нѣсть въ ней ни единого, но два листа только» (Матер. для ист. раск. Н. Субботина, т. VI, стр. 152, 153).

книги была самая скромная: она ограничивалась почти исключительно простею дословною выпискою изъ разныхъ южно-русскихъ книгъ, такъ что въ дѣйствительности Кириллова книга не только не „отъ различныхъ святыхъ отецъ учимена“, какъ заявляетъ послѣсловіе, а представляетъ изъ себя только чисто механическую выборку изъ разныхъ южно-русскихъ авторовъ. Въ составъ ея вошли произведенія извѣстныхъ южно-русскихъ ученыхъ: Стефана Зизанія, Захарія Копыстенскаго, священника Василія Острожскаго, статьи изъ такъ-называемаго Просвѣтителя литовскаго и др. ¹⁶⁾.

¹⁶⁾ Первая очень обширная часть Кирилловой книги, носящая заглавіе: «книга иже во святыхъ отца нашего Кирилла архієпископа іерусалимскаго на осмый вѣкъ» есть простая перепечатка (конечно съ переложеніемъ на тогдашній литературный московскій языкъ) сочиненія извѣстнаго южно-русскаго ученаго и поборника православія Стефана Зизанія, которое подъ заглавіемъ: «Казанье св. Кирилла патріарха іерусалимскаго о антихристѣ и знакахъ его», было напечатано въ Вильнѣ въ 1596 году (см. это сочиненіе Зизанія въ Рум. Муз. № 67). Затѣмъ первая глава Кирилловой книги: «о святѣй Троицѣ» взята изъ книги Захарія Копыстенскаго: «о вѣрѣ единой, святой, соборной, апостольской церкви», или иначе называемой просто Азаріевой вѣрой. Она была напечатана въ Кіевѣ, какъ полагаютъ въ 1620 году. (Книга о вѣрѣ Копыстенскаго или Азаріева вѣра находится въ нашей академической библіотекѣ № 414). Эта же глава могла быть заимствована и изъ просвѣтителя литовскаго, въ которомъ она занимаетъ 14 главу (см. Опис. рукоп. Ундольскаго № 426). Вторая глава Кирилловой книги: «О предвѣчномъ божественномъ рождествѣ Господа нашего Іисуса Христа» есть простое переложеніе второй главы Азаріевой вѣры или Просвѣтителя литовскаго (гл. 15). Третья глава: «Отъ писаній пророческихъ о истинномъ Божествѣ и чловѣчествѣ Христовѣ» — переложеніе третьей главы Азаріевой вѣры или просвѣтителя литовскаго (гл. 16). Главы: четвертая: «О пророцѣхъ, иже пророчествоваше о Божествѣ и Христовѣ рождествѣ и о иныхъ будущихъ» и пятая: «О еллинскихъ мудрецѣхъ иже отчасти пророчествоваху о ирвышнемъ Божествѣ и о рождествѣ Христовѣ отъ пречистыя Богородицы» — не имѣются ни въ Азаріевой вѣрѣ, ни въ Просвѣтителѣ литовскомъ, а встрѣчаются въ рукописныхъ московскихъ сборникахъ (см. напр. Оп. рук. Царскаго № 719). Глава шестая: «Отъ писаній апостольскихъ и ихъ учениковъ и наслѣдниковъ св. отецъ о истинномъ Божествѣ и чловѣчествѣ Господа нашего Іисуса Христа» — переложеніе четвертой главы Азаріевой вѣры или Просвѣтителя литовскаго (гл. 17). Глава седьмая: «О Божествѣ Св. Духа» переложеніе пятой главы Азаріевой вѣры или просвѣтителя литовскаго (гл. 18). Глава восьмая: «О исхожденіи Св. Духа» — передѣлка восьмой главы Азаріевой вѣры или переложеніе просвѣтителя литовскаго (гл. 19). Глава девятая: «Отвѣты досадителямъ и губителямъ противнымъ Божеству Христову» — переложеніе шестой главы Азаріевой вѣры или просвѣтителя литовскаго (гл. 20).

Другою замѣчательною книгою, напечатанною при патріархѣ Іосифѣ въ 1648 году, по его „совѣту и благословенію“ и тоже пользующеюся доселѣ особымъ уваженіемъ нашихъ старообрядцевъ, была книга о Вѣрѣ, которая есть уже прямо чисто южно-

стой главы Азаріевой вѣры или просвѣтителя литовскаго (гл. 20). Глава десятая: «О святыхъ иконахъ, яко назначала быша»—переложеніе изъ Азаріевой вѣры (ч. 2, стр. 2—18) или просвѣтителя литовскаго (гл. 2). Глава одиннадцатая: «О томъ, когда и въ какое время отъ самѣхъ христіанъ иконоборство возстало»—переложеніе изъ Азаріевой вѣры (ч. 2, стр. 31—36) или просвѣтителя литовскаго (гл. 3). Глава двѣнадцатая: «Иконоборцомъ на противныя ихъ рѣчи нашъ отвѣтъ»—переложеніе изъ Азаріевой вѣры (ч. 2, стр. 36—43). Глава тринадцатая: «О крестѣ, видимомъ знаменіи сына человѣческаго»—переложеніе изъ Азаріевой вѣры (ч. 2, стр. 44—65) или просвѣтителя литовскаго (гл. 4). Глава четырнадцатая: «О крестѣ, чего ради знаменуемъ лицо свое крестообразно»—переложеніе изъ Азаріевой вѣры (ч. 2, стр. 66—74) или просвѣтителя литовскаго (гл. 6). Глава пятнадцатая: «О хожденіи со кресты»—переложеніе изъ Азаріевой вѣры (ч. 2, стр. 82—90) или просвѣтителя литовскаго (гл. 7). Глава шестнадцатая: «О святомъ постѣ»—переложеніе изъ Азаріевой вѣры (ч. 2, стр. 146—163) или просвѣтителя литовскаго (гл. 10). Глава семнадцатая: «О пречистомъ тѣлѣ и крови Христовой»—изъ просвѣтителя литовскаго (гл. 12), Глава восемнадцатая: «О исповѣданіи грѣховъ въ церкви предъ священники»—изъ просвѣтителя литовскаго (гл. 11). Глава девятнадцатая: «Отвѣтъ ко аріаномъ на противныя ихъ рѣчи о пречистѣй Богородицѣ»—изъ просвѣтителя литовскаго (гл. 22). Глава двадцатая: «Родословіе святыя Богородицы»—изъ просвѣтителя литовскаго (гл. 23). Глава двадцать первая: «О похвалѣ и чести святыхъ Божіихъ угодникъ»—изъ просвѣтителя литовскаго (гл. 8). Глава двадцать вторая: «О молитвѣ святыхъ»—изъ просвѣтителя литовскаго (гл. 9). Глава двадцать третья: «О отшедшихъ свѣта сего, иже о нихъ памяти творити»—изъ Азаріевой вѣры (ч. 2, стр. 106—113) или Просвѣтителя литовскаго (гл. 13). Глава двадцать четвертая: «О новуреніи новокрещенцовъ»—изъ Азаріевой вѣры, глава седьмая или просвѣтителя литовскаго (гл. 21). Глава двадцать пятая: «О римскомъ отпаденіи»—изъ просвѣтителя литовскаго (гл. 24). Глава двадцать шестая: «О латынскихъ ересѣхъ»—изъ просвѣтителя литовскаго (гл. 25). Глава двадцать седьмая: «Ереси римскія, яже прііма отъ мелхисидикіянъ и жидовъ и армянъ»—изъ потребника, напечатаннаго въ Москвѣ въ 1639 году и содержитъ извлеченіе изъ дѣяній собора 1620 года при патріархѣ Филаретѣ. Глава двадцать восьмая: «О несогласіи еретиковъ и ихъ различныхъ сопротивныхъ ересѣхъ»—откуда взята эта глава, занимающая одинъ только листъ, мнѣ неизвѣстно. Глава двадцать девятая: «О Лютерѣ и его ереси» изъ просвѣтителя литовскаго (гл. 28). Глава тридцатая: «О арменской ереси»—изъ просвѣтителя литовскаго (гл. 29). Глава тридцать первая: «О постѣ арменскомъ арццурцовѣ, о Линѣ, учителѣ арменскомъ, о арменскомъ дѣбаніи, сирѣчь причастіи»—изъ нашихъ старинныхъ сборниковъ. Глава тридцать вторая: «Преніе

русское произведение, только переведенное съ бѣлорускаго нарѣчія на великорусское и въ Москвѣ напечатанное. Авторомъ книги о Вѣрѣ былъ Наѣаннѣль, игумень кievскаго Михайловскаго

святаго Иларіона епископа меглинскаго съ манихѣи—изъ просвѣтителя литовскаго (л. 309 об.). Глава тридцать третья: «Преніе святаго Иларіона со арменъ» изъ просвѣтителя литовскаго (л. 315). Глава тридцать четвертая: «О опрѣснокахъ и о агньцѣ»—дословное заимствованіе изъ книги священника Василя Острожскаго: «О единой истинной православной вѣрѣ и о святой соборной апостольской церкви, откуда начало приняла и како повсюду распрострѣся» (по рукописи нашей академической бібліотеки № 232, л. 319—373). Глава тридцать пятая: «О прѣтѣненіи дней и праздниковъ»—изъ того же сочиненія Василя Острожскаго (л. 397—482). Глава тридцать шестая: «Преподобнаго Максима грека слово на латиновъ», находится и въ Азаріевой вѣрѣ (ч. 2, стр. 184 до конца книги). Главы: тридцать седьмая до сорокъ шестой включительно, содержащія въ себѣ: посланія alexandpійскаго патріарха Мелетія, посланія Константина Острожскаго, посланіе иноковъ горы Аѣонской, составляютъ переложеніе книжки, напечатанной въ Острогѣ въ 1598 году (см. Библиографическій указатель Ундольскаго № 137), подъ заглавіемъ: Мелетія патріарха alexandpійскаго посланія (числомъ 10) къ неунитаѣмъ. Въ этой же книжкѣ напечатаны и посланія Константина Острожскаго и посланіе иноковъ горы Аѣонской.

Изъ приведеннаго сличенія Кирилловой книги оказывается, что она за самими незначительными исключеніями представляетъ изъ себя простой сводъ изъ разныхъ южно-русскихъ сочиненій и потому составители ея говорятъ несправедливо, что будто бы она «учинена отъ различныхъ святыхъ отецъ»; въ дѣйствительности этими святыми отцами были южно-русскіе ученые. Что же касается того, насколько и какъ московскіе собиратели Кирилловой книги воспользовались южно-русскими произведеніями, что въ нихъ они передѣляли, насколько внесли въ нихъ своего, отвѣтомъ на это служить слѣдующее произведенное нами дословное сличеніе: первая часть Кирилловой книги, носящая заглавіе: «книга иже во святѣхъ отца нашего Кирилла архіепископа іеросалимскаго на осмий вѣкъ» есть простое, безъ всякихъ перемѣнъ переложеніе на великорусское нарѣчіе книги Стефана Зизанія: «Казанье св. Кирилла патріарха alexandpійскаго о антихристѣ». Дословное сличеніе первой главы Кирилловой книги «о святѣй Троицѣ», съ Азаріевой вѣрой, показываетъ, что и тутъ имѣло мѣсто простое, безъ всякихъ перемѣнъ переложеніе (исключая незначительныхъ выпусковъ изъ Азаріевой вѣры, именно выпущено изъ Азаріевой вѣры начиная съ 6 страницы до середины 9-й (Кир. кн. л. 85 об.); съ конца 9 стр. до середины 11 и потомъ выпущены страницы 26—29 (Кир. кн. л. 93) Кромѣ того, въ Кирилловой книгѣ, въ концѣ первой главы, помѣщенъ маленькій трактатецъ: «Толкованіе како явился Богъ Аврааму въ троицѣ» (л. 94 об.—97), котораго вовсе нѣтъ въ Азаріевой вѣрѣ. Главы Кирилловой книги: вторая, третья, шестая и седьмая представляютъ изъ себя дословное переложеніе соответствующихъ главъ Азаріевой вѣры, даже безъ всякихъ пропусковъ. Восьмая глава Кирилловой книги «о исхожденіи Св. Духа» сравнительно съ очень обширною главою

монастыря, а напечатана она была, по свидетельству дьякона Феодора, „тщательствомъ царскаго духовника протопопа Стефана Вонифантьевича ¹⁹⁾“. Составлена была книга о Вѣрѣ еще въ 1644

объ этомъ Азаріевой вѣры, сильно сокращена и значительно, почти сходнаго начала, передѣлана. Глава 9 Кир. кн. и 6 гл. Азар. вѣры сходны дословно. Гл. 10 Кир. кн., соответствующая трактату Азаріевой вѣры (ч. 2) «объ образѣхъ» имѣетъ не то начало, (которое сходно съ Просвѣтителемъ литовскимъ), но потомъ съ двумя незначительными пропусками, идетъ буквально сходно до л. 153 Кир. кн. и до стр. 18 (ч. 2) Азаріевой вѣры. Последующія страницы (19—30) этого трактата Азаріевой вѣры не вошли въ Кириллову книгу, а замѣнены были въ ней (л. 153—159) трактатомъ, взятымъ изъ вышеупомянутого сборника «Изложеніе на Лютеры», гл. 19, л. 105 (по рукописи нашей академической бібліотеки № 178). Главы Кирилловой книги: одиннадцатая, двѣнадцатая и тринадцатая буквально сходны съ Азаріевою вѣрою. Начальныхъ словъ четырнадцатой главы (о крестномъ знаменіи) Кирилловой книги: «во истину не презрѣ насъ Господь своимъ милосердіемъ, но и паче и помилова и призрѣ на насъ своею милостію съ высоты святія своея и подаде намъ нима ново, еже зватися христіанни» — нѣтъ въ Азаріевой вѣрѣ (нѣтъ этого и въ Просвѣтителѣ литовскомъ). Но далѣе идетъ буквально сходно съ Азаріевою вѣрою, кромѣ вставки въ Кириллову книгу въ ученіи о перстословеніи слѣдующихъ словъ: «той же средній великій перстъ мало преклонити, иновѣдуется тайна, еже есть Сынъ Божій преклонъ небеса и сниде на землю и бысть человекъ нашего ради спасенія» (л. 180); затѣмъ въ Кирилловой книгѣ (л. 180 об.), сравнительно съ Азаріевою вѣрою, встрѣчается новая вставка, именно: приводится извѣстное слово о крестномъ знаменіи блаженнаго Феоодорита, котораго нѣтъ въ Азаріевой вѣрѣ. Далѣе слѣдуетъ опять дословная выписка изъ книги о Вѣрѣ до 74 страницы этой книги. Конецъ этого трактата въ книгѣ о вѣрѣ (стр. 74—81) вовсе не вошелъ въ Кириллову книгу, гдѣ помѣщены: извѣстное сказаніе о чудѣ святаго Мелетія и слово о крестномъ знаменіи Максима грека сл. 183—185), вовсе не имѣющіяся въ книгѣ о вѣрѣ. Главы Кирилловой книги: пятнадцатая и шестнадцатая буквально сходны съ книгою о Вѣрѣ, только имѣющіяся въ послѣдней трактатъ въ концѣ 16 главы о субботнемъ постѣ и о папѣ (ч. 2, стр. 163—181), вовсе не вошелъ въ Кириллову книгу. Глава 24 Кир. кн. и 7 гл. книги о Вѣрѣ сходны буквально. Точно также двѣ обширныя главы Кирилловой книги 34— «о опрѣснокахъ и агнцѣхъ» и 35—«о премѣненіи дней и праздниковъ» представляютъ изъ себя дословное переложеніе изъ указаннаго выше сочиненія священника Василя Острожскаго. Тоже нужно сказать и о характерѣ всѣхъ другихъ указанныхъ выше заимствованій изъ южно-русскихъ сочиненій.

¹⁹⁾ Дьяконъ Феодоръ говоритъ: «книга о вѣрѣ правой, въ ней же о истинномъ. Дусъ особная глава писана нѣкимъ игуменомъ Назанайломъ благочестивымъ. Михаловскаго (киевскаго) монастыря на уніатское отступленіе и на Москвѣ въ печатъ издава повелѣніемъ царевымъ и тщательствомъ благого духовника его Стефана Вонифантьевича, благоушескаго нашего протопопа, во время благочестивое и тихое» (Матер. для ист. раскола, т. VI, стр. 143).

году, какъ это видно изъ свидѣтельства Медвѣдева ²⁰⁾, подтверждаемаго существованіемъ этой книги въ рукописи, относящейся къ 1644 году ²¹⁾.

Въ 1648 году въ Москвѣ напечатана была славянская грамматика извѣстнаго Мелетія Смотрицкаго ²²⁾, при чемъ въ Москвѣ ей предпослано было обширное и очень важное по своему содержанию введение, о которомъ мы скажемъ въ другомъ мѣстѣ. Въ 1649 году въ Москвѣ „ради ученія и вѣдѣнія всемъ православному христіанамъ наипаче дѣтемъ учащимся, по повелѣнію государя... и по благословенію великаго господина святѣйшаго Іосифа патріарха московскаго и всея Русіи“ напечатана была такъ-называемый малый Катихизисъ, который есть ничто иное какъ простая перепечатка краткаго катихизиса Петра Могилы напечатаннаго въ кіевопечерской типографіи въ 1645 году ²³⁾.

Въ 1649—50 годахъ была въ первый разъ напечатана въ Москвѣ Кормчая книга. 51-я глава въ этой книгѣ, носящая над-

²⁰⁾ Чт. общ. ист. 1846 г. кн. 3.

²¹⁾ Описаніе бібліотеки Хлудова, сост. Поповымъ, № 90.

²²⁾ Грамматика славянская Мелетія Смотрицкаго была напечатана въ первый разъ въ Евю, въ 1618 году, и затѣмъ снова была напечатана тоже въ Евю и въ Вильнѣ въ 1619 году (Ундольскаго: очеркъ слав. рус. библ. №№ 222, 225, 226).

²³⁾ Малый катихизисъ Петра Могилы, напечатанный въ Кіевѣ въ 1645 году носитъ заглавіе: «Собраніе короткой науки о артикулахъ вѣры православно-каѳолической христіанской». Въ немъ (стр. 25—26) ученіе о крестномъ знаменіи изложено такъ: «пытанье: якимъ способомъ знакъ креста святаго на себѣ класти маемъ? Отповѣдь: рукою правою три пальца сложивши, знакъ креста святаго зачинай на челѣ, а кладучи мови: во имя Отца; потомъ тнижъ пальцы на перси мовячи: и Сына; потомъ на правое раме кладучи, мовѣ: и Духа; потомъ на лѣвое раме кладучи, мовѣ: Святаго; кладучи на себѣ крестное знаменіе мовѣ: Господи Іисусѣ Христѣ Сыне Божій помилуй мя грѣшнаго, кончати тымъ словомъ—аминь». Между тѣмъ въ Московскомъ катихизисѣ ученіе о перстосложеніи изложено (л. 16 об. и 17) такъ: «совокупити три персты правыя руки (сирѣчь великаго и малаго и третіею, что подлѣ малаго); въ нихъ же исповѣдуемъ таинство божественную тріехъ вѣпостасей: Отца и Сына и Святаго Духа, единого Бога въ тріехъ лицѣхъ. Два же перста (вышній и средній) протянути и симъ показуемъ тайну самого Господа нашего Іисуса Христа, яко совершенъ Богъ и совершенъ человекъ бысть нашего ради спасенія. И тако, сложивше персты, полагаемъ первое руку на чело»... и т. д. Это ученіе о перстосложеніи въ катихизисѣ 1648 года изложено не по катихизису Петра Могилы, а по книгѣ о Вѣрѣ, напечатанной въ Москвѣ 1648 года (въ 9 главѣ).

писаніе: „о тайнѣ супружества сі есть законнаго брака“, главз очень важная по своему значенію и во все послѣдующее время, была внесена сюда, съ небольшими измѣненіями, изъ большаго Требника Петра Могилы, а имѣ она была заимствована изъ католическихъ требниковъ ²⁴⁾. При исправленіи нашихъ церковно-учительныхъ книгъ, въ концѣ патріаршества Іосифа, наши книжные справщики, по ихъ собственнымъ заявленіямъ, уже справлялись и съ изданіями южно-русскими. Такъ въ послѣсловіи учительнаго Евангелія, изданнаго въ Москвѣ въ 1652 г. по благословенію патріарха Іосифа, справщики заявляютъ: „къ сему же да не усумнишися православный читателю; егда обрящещи въ святой книзѣ сей исправленія (противъ прежнихъ изданій московскихъ) рѣченій, въ клоненіихъ измѣнена и другая таковая и возмнитися нова быти и самосмышлена, но нѣсть сиче: *понеже за ихъ же святительскимъ благословеніемъ*, со многихъ переводовъ свидѣтельствованнѣ исправлена суть; переводы же собраны быша, единѣ святія соборныя великія церкви пресвятыя Богородицы Успенія, и другіи Чудова монастыря и чудотворца Алексія, и два Симонова монастыря, древнихъ писмъ, *къ симъ же имъ Острожскія печати*“ ²⁵⁾.

Вслѣдъ за южно-русскими книгами въ Москву начинаютъ, при патріархѣ Іосифѣ, перебираться и самые ученые кіевляне. Еще въ 1640 году кіевскій митрополитъ Петръ Могила присылалъ въ Москву своего намѣстника Игнатія Оксеновича Старушича ²⁶⁾, который, между прочимъ, отъ имени Могилы предлагалъ устроить въ Москвѣ монастырь, населить его учеными кіевскими монахами и открыть при немъ школу. Это предложеніе Могилы, не принятое въ то время, было потомъ осуществлено, съ разрѣшенія царя и по благословенію патріарха Іосифа, извѣстнымъ ревнителемъ просвѣщенія Ѳеодоромъ Ртищевымъ. Послѣдній, какъ говоритъ его житіе ²⁷⁾, имѣлъ особую любовь къ Кіевопечерской лаврѣ, которой онъ давалъ „милостыню не малу“, а это,

²⁴⁾ См. объ этомъ въ книгѣ свщ. М. Горчакова «О тайнѣ супружества». Спб. 1880 г.

²⁵⁾ Опис. старопеч. книгъ Царскаго, № 176.

²⁶⁾ Объ немъ см. Обз. дух. литер. Филарета, № 174.

²⁷⁾ Древн. вивл. ч. XVIII, изд. 2.

конечно, привело его къ сближенію съ учеными кievскими монахами. Въ этомъ же смыслѣ могъ вліять на Ртищева его родной дядя Спиридонъ Потемкинъ, человѣкъ образованный, знавшій хорошо греческій и латинскій языки, постоянно сидѣвшій надъ книгами и вступавшій въ состязанія съ латинами и уніатами. Свою любовь къ наукѣ и къ людямъ ученымъ Потемкинъ могъ передать и своему племяннику²⁸⁾. Какъ бы то ни было, только, съ благословенія патріарха Іосифа, Ртищевъ устроилъ близъ Москвы извѣстный Андреевскій монастырь, куда поселилъ изъ кievской лавры и другихъ южно-русскихъ монастырей до тридцати иноковъ „въ житіи и чинѣ и во чтеніи и пѣніи церковномъ и келейномъ правилѣ изрядныхъ“. Между этими иноками, конечно, заходились и лица ученые, съ которыми охотно бесѣдовалъ и занимался въ свободное отъ служебныхъ занятій время, самъ Ртищевъ²⁹⁾. Житіе говоритъ даже, что будто бы и ученаго Епифанія „изъ святыхъ лавры печерскія“ вызвалъ Ртищевъ³⁰⁾. Послѣ устройства около Москвы (въ двухъ верстахъ), съ разрѣшенія

²⁸⁾ Свѣдѣнія о Потемкинѣ сообщаетъ дьяконъ Ѳеодоръ. Матер. для ист. раск. т. VI, стр. 230—232.

²⁹⁾ Впрочемъ Андреевское братство не оставило послѣ себя какихъ-либо замѣтныхъ въ нашей литературѣ слѣдовъ. Оно не пользовалось и хорошей репутаціей у москвичей. Въ 1669 году власти построеннаго Никономъ Иверскаго монастыря обращаются къ чудовскому архимандриту Іоакиму съ просьбой, чтобы онъ не переводилъ къ нимъ въ Иверскій монастырь бывшаго игумена Андреевскаго монастыря Петронія, потому что, говорятъ они, «Петроній человѣкъ крамолнистый, своеобразный и необщезителный: какъ и прѣжъ сего былъ въ Андреевскомъ монастырѣ игуменомъ, и онъ всю братію бунтовалъ и всякіе крамолы чинилъ... И прѣжъ которые у насъ въ Иверскомъ монастырѣ были Андреевскаго монастыря старцы, и они, за смуту и бунтовство, высланы оны; и нынѣ того жъ Андреевскаго монастыря іеромонахъ Анастасій, будучи у насъ, говоритъ и бьетъ челомъ, чтобъ отнюдь тотъ Петроній въ Иверскомъ монастырѣ не былъ, потому что человѣкъ развратной и своеобразной» (Рус. истор. библ. т. V, № 276). Къ этому присоединялось и то обстоятельство, что Никонъ, сдѣлавшись патріархомъ, враждебно столкнулся съ Ртищевымъ и потому не могъ поддерживать внутренне-разлагавшееся Андреевское братство, тѣмъ болѣе, что онъ построилъ Иверскій монастырь, который заселенъ былъ южно-русскими выходцами и замѣнилъ для нихъ Андреевскій монастырь.

³⁰⁾ Нужно замѣтить, что свѣдѣнія объ Епифаніѣ въ житіи Ртищева не отличаются особою точностію. Житіе называетъ Епифанія инокомъ Печерскія лавры,

патріарха, монастиря, населеннаго кїевскими учеными иноками, не было уже ничего удивительнаго въ томъ, что и само правительство рѣшилось наконецъ вызвать въ Москву ученыхъ кїевлянъ и поручить имъ такое важное и отвѣтственное дѣло, какъ новый переводъ Библіи съ греческаго языка на славянскій. Еще въ 1648 году государь посылалъ въ Кіевъ инокъ Марка (который ранѣе былъ служилый человѣкъ; отправившись разъ на богомолье въ Кіевъ, тамъ захворалъ и постригся въ Печерской лаврѣ, а въ 1648 году прибылъ въ Москву) въ Печерскій монастырь „до боголюбезнаго епископа Засима“, котораго просилъ грамотою прислать въ Москву Дамаскина Птицкаго „для своего государева дѣла“, но тогда „послати того старца невозможно было для монастырскія потребы“³¹⁾. Въ маѣ 1649 года государь снова обратился уже къ кїевскому митрополиту и къ властямъ кїевского братскаго монастыря, чтобы присланы были въ Москву старцы: Арсеній (Сатановскій) и Дамаскимъ (Птицкій) для перевода Библіи съ греческаго языка на славянскій. Вслѣдствіе этой вторичной просьбы царя кїевскій митрополитъ и власти братскаго монастыря послали въ Москву Арсенія Сатановскаго, а вмѣсто Дамаскина, который былъ инокомъ печерской лавры и потому не зависѣлъ отъ властей братскаго монастыря, они послали въ Москву ученаго Епифанія Славенецкаго. 12 іюля Арсеній и Епифаній, въ сопровожденіи старца Θεодосія, прибыли въ Москву и поселены были здѣсь сначала въ большомъ посольскомъ дворѣ, а потомъ въ Чудовъ монастырь. Но правительство, несмотря на прїѣздъ Арсенія и Епифанія, все-таки рѣшилось

тогда какъ онъ былъ инокомъ кїевского Братскаго монастыря. Житіе говоритъ, что вызовъ Епифанія и другихъ ученыхъ кїевлянъ принадлежитъ Ртищеву, тогда какъ въ дѣйствительности ученыхъ иноковъ вызывалъ самъ царь (хотя можетъ быть и по рекомендаціи Ртищева) и вызывалъ только Арсенія и Дамаскина, Епифаній же былъ посланъ въ Москву по рѣшенію кїевского митрополита и властей Братскаго монастыря, вмѣсто Дамаскина, а не по вызову изъ Москвы. Житіе говоритъ, что Епифаній, по прїѣздѣ въ Москву, поселился въ Андреевскомъ монастырь, а потомъ переселился въ Чудовъ, но подлинныя документы о прїѣздѣ въ Москву Епифанія и Арсенія прямо говорятъ, что сначала они были поселены на большомъ посольскомъ дворѣ, а оттуда были прямо переведены въ Чудовъ монастырь (см. Малороссійскія дѣла св. 4, 1649 г. № 4; 1650 г. № 3).

³¹⁾ Малороссійскія дѣла, св. 4, 1650 г. № 8.

вызвать въ Москву и Дамаскина Птицкаго, тѣмъ болѣе, что Арсеній, долженствовавшій переводить Библію на славянскій языкъ съ греческаго, оказался совѣтъ не знающимъ послѣдняго. Въ мартѣ 1650 года онъ проситъ, по особымъ домашнимъ обстоятельствамъ, отпустить его, хотя бы на время, въ Кіевъ, причемъ въ челобитной заявляетъ: „зѣ азъ уже мало потребный къ исправленію Библии, понеже азъ призванъ по сугубой твоего царскаго пресвѣтлаго величества грамотѣ, уже иніи старцы разсмотряють и труждаются, азъ бо по гречески не умю“. Въ 1650 году упомянутый выше инокъ Маркъ снова отправился въ Кіевъ и на этотъ разъ дѣйствительно привезъ въ Москву Дамаскина Птицкаго, взятаго имъ изъ печерской лавры ³²⁾.

Вслѣдъ за указанными учеными кіевлянами въ Москву стали пріѣзжать и другіе кіевляне. Такъ въ 1652 году, еще при патріархѣ Іосифѣ, въ Москву прибыли: кіевского братскаго монастыря архидіаконъ Михайло, „да съ нимъ спѣваки: Оеодоръ Тернопольскій съ товарищи, одиннадцать человекъ“. За пѣвчими вѣдиль въ Кіевъ путивльскій соборный попъ Иванъ, по порученію Оеодора Ртищева и съ разрѣшенія государя. Пѣвчіе, вызванные только на время, „пошли въ Андреевскій монастырь на житье“, а двумъ пѣвчимъ: Ивану Бережанскому и Михаилу Быковскому какъ они сами заявляютъ въ челобитной царю, „по твоему государеву указу велѣно писати твое государево дѣло: книгу Камень“ и состоятъ при посольскомъ приказѣ. Съ своей стороны и архидіаконъ Михайло, по его собственному заявленію, занимался въ Москвѣ переводомъ книги учителя Августина. „которую велѣлъ мнѣ переводити дякъ думный преставльшійся Михайло Юрьевичъ“, и которую архидіаконъ дѣйствительно успѣлъ перевести въ Москвѣ до своего возвращенія въ Кіевъ ³³⁾.

Такимъ образомъ время патріаршества Іосифа по всей справедливости можетъ быть разсматриваемо какъ время относительно усиленнаго кіевского вліянія, когда кіевская ученая литература въ первый разъ получаетъ у насъ полное признаніе, такъ что произведенія разныхъ кіевскихъ ученыхъ цѣлкомъ

³²⁾ Тамъ же.

³³⁾ Тамъ же, св. 5, 1652 г. № 15.

начинають перепечатывать въ Москвѣ и даже иногда выдавать ихъ здѣсь за произведенія святыхъ отцовъ; когда сами кievскіе ученые и частными лицами, и правительствомъ вызываются въ Москву для важныхъ ученыхъ работъ и, навсегда поселяются въ Москвѣ, являются у насъ первыми представителями науки и научнаго образованія, и необходимо содѣйствуютъ распространенію и усиленію въ Москвѣ реформаціонныхъ идей.

Г Л А В А II.

Флорентійская унія и паденіе Константинополя имѣли рѣшающее значеніе для послѣдующей русской церковной жизни. Съ этого времени именно русская церковь признала себя самостоятельной, способною жить своею собственною, независимою отъ грековъ жизнью. Если ранѣе различные возникавшіе у насъ церковные вопросы и недоумѣнія рѣшались греками, то теперь они рѣшаются уже исключительно самими русскими. Въ русской церкви съ конца XV вѣка до половины XVI появляется нѣсколько ересей, изъ которыхъ нѣкоторыя приобрѣтаютъ значительную силу и распространенность, но русская церковь борется съ ними исключительно только своими силами и средствами, вовсе не прибѣгая къ содѣйствію и авторитету современной греческой церкви. Съ конца XV вѣка у насъ возникаютъ горячіе споры о платѣ за посвященіе въ церковныя должности, о вдовыхъ священникахъ, о монастырскихъ имуществахъ и пр. и эти всѣ вопросы рѣшаются русскими іерархами безъ всякаго участія грековъ и сношеній съ греческою церковію. Но проявленія самостоятельности русской церкви относительно греческой на этомъ не остановились, а пошли значительно далѣе.

Русскіе приняли отъ грековъ извѣстный церковный обрядъ, который большинство изъ нихъ ставило наравнѣ съ вѣроученіемъ и потому старалось разъ принятое держать неизмѣнно, хотя у самихъ грековъ обрядъ былъ не одинаковъ въ различныхъ помѣстныхъ церквахъ, не одинаковъ въ различное время въ одной и той же церкви; по самому существу своему обрядъ развивался постепенно и видоизмѣнялся по требованію тѣхъ или

другихъ историческихъ обстоятельствъ. На ряду съ другими древними обрядами русскіе заимствовали у грековъ и двоеперстіе въ крестномъ знаменіи, сугубую аллилуію и др., которые у грековъ съ теченіемъ времени подверглись видоизмѣненіямъ. Двоеперстіе окончательно вытѣснено было у нихъ троеперстіемъ³⁴⁾, которое, вѣроятно съ половины XV вѣка, и стало у грековъ преобладающимъ, равно какъ прежнее безразличное двоеніе или троеніе аллилуіи замѣнилось исключительно троеніемъ. Русскіе же относительно перстосложенія для крестнаго знаменія остались при древнѣйшей его формѣ—двоеперстной, а относительно аллилуіи у нихъ сугубая стала преобладать надъ трегубой, благодаря чему между греческими и русскими обрядами явилась рознь. А между тѣмъ видоизмѣнившійся греческій обрядъ мезамѣтно сталъ проникать на Русь и находить себѣ здѣсь приверженцевъ,—отсюда на Руси стали возникать споры: какому обряду надлежитъ слѣдовать, тому ли, который издревле преобладалъ на Руси, или тому, который позднѣе сдѣлался господствующимъ у грековъ. До насъ дошли горячіе споры объ аллилуіи, но несомнѣнно подобные же споры возникали и относительно другихъ обрядовъ, что конечно и заставило Стоглавый соборъ заняться этими спорными вопросами и сдѣлать относительно ихъ опредѣленные постановленія.

Итакъ, на границѣ, по нашему мнѣнію, XV и XVI вѣка русскіе разошлись съ греками въ нѣкоторыхъ обрядахъ, и эти разности возбуждали толки и споры въ русскомъ обществѣ,—одни ратовали за русскій обрядъ, другіе за греческій³⁵⁾. Стоглавый

³⁴⁾ Объ этомъ подробно будетъ сказано ниже.

³⁵⁾ Въ преніяхъ объ аллилуіи противникъ преп. Евфросина говоритъ, что греки «на сихъ лѣтѣхъ (т.-е. еще очень недавно) къ своей погибели отъ истины свернулись и печать антихристову на челѣ и на десницѣ пріяша» и что теперешнимъ развращеннымъ грекамъ вѣрить не слѣдуетъ. На Стоглавомъ соборѣ царь говорилъ: «а *которые обычаи въ прежніе времена, послѣ отца моего великаго князя Василія Ивановича всея Руси и до сего настоящаго времени поимстаталися, или въ самовластіи учинено, по своимъ волямъ, или преданія законы нарушены, или ослабно дѣла и небрегомо Божіихъ заповѣдей, что творилося* » обо всемъ просить позаботиться пастырей въ видахъ исправленія этихъ недавно появившихся въ церковной жизни безпорядковъ. Такимъ образомъ, по сознанию самихъ русскихъ, греки отъ истины «свернулись» и «печать антихристову на челѣ

соборъ призванъ былъ рѣшить указанные спорные вопросы и дѣйствительно рѣшаетъ ихъ, но на основаніи только русской церковной старины, на основаніи имѣвшихся у него подъ руками только русскихъ данныхъ, вовсе не принимая въ расчетъ современной греческой практики, не обращаясь къ грекамъ за совѣтомъ, указаніями и разъясненіями. Простымъ игнорированіемъ грековъ Стоглавый соборъ однако не ограничивается, а идетъ далѣе. Онъ не только признаетъ правыми и узаконяетъ въ русской церкви тѣ именно обрядовыя особенности, которыми русскіе порознились въ послѣднее время отъ грековъ, но, такъ какъ современный греческій обрядъ сталъ проникать на Русь и

и на десницѣ приняли», только «на сихъ глѣхъ», или, по опредѣленію Грознаго царя, только послѣ смерти отца его великаго князя Василія Ивановича, т.-е. на границѣ XV и XVI вѣка. Еслибъ троеперстіе проникло къ намъ ранѣе, еще при митрополитахъ грекахъ, то оно конечно и утвердилось бы у насъ уже въ то время вмѣсто двоеперстія, такъ какъ митрополиты греки естественно постарались бы ввести на Русь тотъ обрядъ, который господствовалъ и всѣмъ принимался въ греческой церкви, а русскіе, такъ какъ авторитетъ грековъ въ то время еще ничѣмъ не былъ поколебленъ въ ихъ мнѣніи, охотно подчинились бы требованіямъ своихъ митрополитовъ. Къ этому нелѣпное прибавить указаніе и на то обстоятельство, что у самихъ грековъ ясное и опредѣленное ученіе о троеперстіи, насколько это намъ извѣстно, изложено въ первый разъ въ сочиненіи извѣстнаго солунскаго иподіакона Дамаскина Студита начала XVI вѣка, а у русскихъ только со второй половины XV вѣка появляется такъ-называемое Феодоритово Слово, въ которомъ опредѣленно выражено ученіе о двоеперстіи въ крестномъ знаменіи, и которое во все послѣдующее время служило главнымъ оправданіемъ двоеперстія. Появленіе у насъ Феодоритова Слова именно со второй половины XV вѣка и его быстрая распространенность съ этого времени указываетъ, по нашему мнѣнію, на то, что именно въ это время явилась нужда оправдать двоеперстіе какимъ-либо авторитетнымъ свидѣтельствомъ, подыскать для него данныя въ церковно-исторической древности, явилась потребность защитить этотъ древній русскій обычай отъ проявившихся на него въ то время какихъ-то нападеній. Въ виду этого время появленія у насъ Слова Феодорита о крестномъ знаменіи служитъ указателемъ, когда именно въ первый разъ стало проникать на Русь усвоенное въ то время греками троеперстіе, которое необходимо вступило у насъ въ борьбу съ двоеперстіемъ, почему для оправданія послѣдняго и понадобилось теперь Феодоритово Слово. По нѣтъ само собою, что русское двоеперстіе въ крестномъ знаменіи мы вовсе не считаемъ произведеніемъ Феодоритова Слова,—наоборотъ появленіе самаго Слова Феодорита (будетъ ли оно подложное или подлинное) было вызвано потребностію оправдать уже существовавшій у насъ обычай двоеперстія, какъ это мы увидимъ ниже.

находить въ ней своихъ сторонниковъ и защитниковъ, то соборъ ограждаетъ узаконяемый имъ обрядъ, несогласный съ современнымъ греческимъ, страшною соборною клятвою, съ цѣлю предупредить возможность его измѣненія въ пользу греческаго обряда и на все послѣдующее время. Очевидно іерархи, присутствовавшіе на Стоглавомъ соборѣ, были твердо убѣждены, что православный обрядъ во всей его первоначальной чистотѣ и неповрежденности сохранился только у русскихъ, тогда какъ современные греки допустили въ немъ въ послѣднее время нѣкоторыя новшества и искаженія.

Постановленія Стоглаваго собора имѣли громадную важность для послѣдующихъ отношеній русскихъ къ грекамъ. Уже вслѣдъ за «лорентійскою уніею и паденіемъ Константинополя у насъ раздѣлись голоса, обвинявшіе грековъ въ неправославіи. Эти обвиненія грековъ подхвачены были нашими книжниками-грамотѣями, которые и построили на основаніи ихъ особую теорію объ исключительномъ призваніи Москвы и о благочестіи русскихъ, какъ высшемъ и совершеннѣйшемъ въ цѣломъ мірѣ³⁶⁾. Понятно, что эти крайнія воззрѣнія на грековъ, какъ на потерявшихъ истинное православіе, нашли себѣ въ постановленіяхъ Стоглаваго собора новую опору, подтвержденіе и оправданіе и потому все болѣе и болѣе распространялись въ средѣ русскаго общества, для большинства котораго существованіе въ русской церкви обряда, несогласнаго съ греческимъ, всегда служило нагляднымъ и убѣдительнымъ подтвержденіемъ справедливости возводимыхъ на современныхъ грековъ обвиненій въ потерѣ ими истиннаго православія. Но какъ бы ни былъ широко распространенъ этотъ взглядъ на грековъ среди русскаго общества, все-таки онъ никогда не былъ взглядомъ всеобщимъ, а тѣмъ болѣе церковнымъ. Онъ высказывался только какъ частное мнѣніе и притомъ высказывался только во время горячихъ споровъ, когда возникалъ ненормальный вопросъ: у кого православіе сохранилось въ неизмѣнномъ видѣ,—у грековъ или у рус-

³⁶⁾ Эти воззрѣнія русскихъ на грековъ и роль этихъ воззрѣній въ русской жизни подробно нами указаны въ нашей книгѣ: Характеръ отношеній Россіи къ православному востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ, во введеніи.

скихъ,—причемъ естественная національная гордость и самомнѣніе русскихъ побуждали ихъ безмѣрно хвалить свое и всячески унижать греческое.

Русскіе іерархи хорошо знали, что флорентійская унія была дѣломъ только политическаго разсчета, дѣломъ немногихъ, а не всего народа, что въ дѣйствительности греки относились къ уніи съ ненавистію и никогда не признавали ея, такъ что и послѣ флорентійской уніи православіе въ Греціи сохранилось попрежнему. Въ этомъ смыслѣ наши іерархи и дѣлали заявленія. Такъ первый самими русскими поставленный митрополитъ Іона, въ посланіи къ кievскому князю Александру Владиміровичу, пишетъ: „ты самъ знаешь, что случилось въ Царьградѣ *съ царяxъ и патріаршествомъ*... въ великой соборной церкви и въ палатѣ царской начали поминать имя папы, *тогда какъ ни въ монастыряхъ, ни въ одной изъ церквей въ Царьградѣ и во всей Святой горѣ нидѣ не поминается имя папы, а держатъ все, по милости Божіей, добрую старину*, т.-е. митрополитъ Іона обвинялъ въ уклоненіи въ латинство только царя и патріарха, признавая весь остальной греческій народъ строго держащимся православія ²⁷⁾). Митрополитъ Θεодосій, призывая въ 1464 году новгородцевъ и псковичей къ дачѣ милостыни Св. Гробу, пишетъ, что іерусалимскій патріархъ „самъ бы пошелъ въ землю нашу, желая *по выше данной ему силѣ и по благодати Божіей, дать намъ благословеніе отъ своей руки* и даровать прощеніе грѣховъ тѣмъ, которые бы съ вѣрою ему исповѣдали“, но по обстоятельствамъ не могъ исполнить своего желанія, а прислалъ вмѣсто себя протосингела своего Іосифа съ тѣмъ, чтобы онъ былъ рукоположенъ въ Москвѣ въ митрополиты Кесаріи Филипповой, что Θεодосій, согласно желанію патріарха, и исполнилъ ²⁸⁾). Этотъ фактъ ясно говоритъ за то, что и послѣ флорентійской уніи между греками и русскими попрежнему существовало церковное единеніе.

Скоро русскіе, поддерживавшіе съ православнымъ Востокомъ постоянныя живыя сношенія, убѣдились въ томъ, что и господ-

²⁷⁾ А. Н. 1, № 47.

²⁸⁾ А. Э. 1, стр. 127.

ство турокъ не искоренило православія на востокъ. Поэтому, параллельно съ существованіемъ крайнихъ воззрѣній, признающихъ грековъ потерявшими православіе, мы встрѣчаемъ у русскихъ и мнѣнія совершенно противоположныя. Извѣстный нашъ путешественникъ XVI вѣка по святымъ мѣстамъ, Трифонъ Корабейниковъ, въ описаніи своего путешествія, которое было столь любимымъ и распространеннымъ чтеніемъ въ древней Руси, говоритъ въ одномъ мѣстѣ: „и видѣ патриархъ (іерусалимскій) святѣйшій (въ великую церковь) съ православными христіанами (иже) суть: греки и сиряне, и серби, и вери, и Русь, ареланите (?), волохи. А латыни и всѣ еретики, игумены и попы ихъ, взимають огонь отъ христіанскаго кадила, что на гробъ Господни, и своя кадила зажигаютъ, а святѣйшій патриархъ сеще имъ изъ своихъ рукъ съ огнемъ небеснымъ не даетъ, удаляется отъ нихъ и не совѣтуетъ съ ними ничто же... Служилъ патриархъ (александрійскій въ Синайской обители) со всѣмъ соборомъ, у Николы чудотворца и облачался все по нашему руссійскому обычаю“. О синайскихъ инокахъ, удивляясь ихъ суровой жизни и терпѣнію, Корабейниковъ замѣчаетъ, что онѣ „подобни ангеломъ“, „зѣло подвижны къ Богу“. Прибывъ въ Раифу онъ замѣчаетъ: „въ Раифѣ же грековъ нѣсть, живутъ сиріяне, вѣра православная христіанская“³⁹). Въ одномъ хронографѣ (списокъ котораго относится къ 1647 году) разсказывается, что четыре вселенскіе патриарха, „подвижнѣе отъ Св. Духа“, совѣщались между собою посланіями, чтобы „отъ своего четверочисленнаго и благочестиваго лика“ послать единаго въ Москву къ царю Михаилу Феодоровичу, дабы онъ поставилъ на Москвѣ патриарха, чтобы русская церковь болѣе не вдовствовала. Патриархи рѣшили для этой цѣли послать въ Москву іерусалимскаго патриарха Θεοφана, который дѣйствительно отправился на Русь и, прибывъ въ Москву, поставилъ здѣсь, съ согласія царя, патриархомъ Филарета Никитича⁴⁰). Въ старинныхъ космографіяхъ (которыя А. Поповъ

³⁹) Рукопись нашей Академической бібліотеки № 436, стр. 14 об., 20, 59 об. 5, 67 и 74.

⁴⁰) Изборникъ славянскихъ и русскихъ сочиненій и статей внесенныхъ въ хронографы русской редакціи, Андрея Попова, стр. 208.

подраздѣляетъ на три редакціи), про грековъ говорится въ космографіи первой редакціи: „патріархи же (греческіе) и митрополиты, и архіепископы, и епископы, и святія Божія церкви ничимже вреждены суть, но тяжкими данми усмирены суть; въ космографіи второй редакціи: греки „вѣру христіанскую держать, какъ великихъ чиновъ люди, тако же и общій народъ, и въ церковныхъ чинѣхъ такоже по стариннымъ обычаямъ содержатся“; въ космографіи третьей редакціи: „грецы вѣру христіанскую имутъ непремѣнну“. Греки, живя подъ турецкимъ игомъ „патріарха же и митрополиты и архіепископы своя имутъ, православніи попрежнему и монастыри и церкви имутъ, аще и утѣсняеми отъ турокъ, но благочестіе непремѣнно соблюдающе ⁴¹⁾“).

Но для насъ болѣе важны, конечно, не мнѣнія лицъ частныхъ и случайныхъ, а мнѣнія правительственныхъ и церковныхъ.

Что наши великіе князья, а потомъ цари московскіе признавали греческій Востокъ православнымъ, это съ несомнѣнностію слѣдуетъ изъ того, что они всѣмъ четверемъ восточнымъ патріархамъ, затѣмъ на Афонъ, Синай и въ другіе знаменитѣйшіе восточные монастыри, правильно посылали значительныя дачи милостыни въ видахъ поддержанія православія на востокъ. Посылая „задравныя“ и „заупокойныя“ милостыни на востокъ, наши цари требовали, чтобы въ патріаршихъ церквахъ и въ различныхъ восточныхъ монастыряхъ молились о здравіи государя и его семьи и поминали за упокой его умершихъ предковъ ⁴²⁾ Такия отношенія нашихъ государей къ православному востоку были бы совершенно невозможны, еслибы они смотрѣли на грековъ, какъ на народъ уже потерявшій истинное православіе.

Что сама русская церковь признавала свое единеніе съ церковію греческою, признавала старѣйшинство послѣдней и ея полное православіе, это съ несомнѣнностію слѣдуетъ изъ учрежденія у насъ патріаршества. Первый нашъ патріархъ Іовъ былъ поставленъ константинопольскимъ патріархомъ Іереміею, права нашего патріарха были опредѣлены и узаконены константинопольскимъ соборомъ; въ нашихъ церквахъ при богослуженіи, въ

⁴¹⁾ Ibid. стр. 462, 499, 520.

⁴²⁾ См. объ этомъ въ нашей книгѣ: Характеръ отношеній Россіи къ православному востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ, гл. 4, стр. 105—145.

знакъ единенія русской церкви съ греческою, возносилось имя константинопольскаго и другихъ восточныхъ греческихъ патріарховъ. Филаретъ Никитичъ былъ поставленъ въ патріархи іерусалимскимъ патріархомъ Теофаномъ. Еслибы русская церковь дѣйствительно считала грековъ утерьявшими истинное православіе, какъ бы она рѣшилась принять поставленіе своего главы отъ представителей потерявшей уже православіе церкви, и какъ бы тогда возможно было возношеніе имени константинопольскаго патріарха при богослуженіи въ русскихъ церквахъ?

Но мало того, что наши патріархи принимали ставленіе отъ патріарховъ греческихъ, но и на Москвѣ въ одно время патріархомъ избранъ былъ, и притомъ вполнѣ правильно, грекъ Игнатій. Правда противъ патріарха Игнатія у насъ возникли потомъ разныя подозрѣнія, даже высказывались сомнѣнія въ его полномъ православіи; но эти обвиненія и сомнѣнія возникли уже послѣ и источникъ ихъ заключался не въ дѣйствительномъ неправовѣріи Игнатія, а въ его близости къ ненавистному Растригѣ ⁴¹⁾,

Въ Москву не разъ, въ концѣ XVI вѣка, пріѣзжали различные греческіе іерархи и оставались у насъ на вѣчное житіе, или на очень долгое время, причемъ нѣкоторые изъ нихъ дѣлались даже епархіальными архіереями (напримѣръ ахридскій архіепископъ Нектарій былъ у насъ, въ началѣ XVII вѣка, вологодскимъ архіереємъ). Всѣ эти выходцы-архіереи свободно пользовались въ Москвѣ своими архіерейскими правами и участвовали во всѣхъ церковныхъ службахъ наряду съ русскими іерархами. Отъ архіерея-выходца, желавшаго остаться въ Москвѣ, наше правительство требовало только, чтобы онъ представилъ свою ставленную грамоту и отпускную отъ своего патріарха и чтобы при совершеніи богослуженія на Руси придерживался тѣхъ

⁴¹⁾ Одинъ хронографъ говоритъ: «Растрига низвергнулъ Іова «и на его мѣсто взводитъ на престолъ единомысленнаго себѣ Игнатія патріарха, родомъ страны италійскія, а вѣры не вѣмъ греческія, не вѣмъ латинскія, едино вѣмъ, еже православія догматы неистово исполняюща и творяща. Игнатія, его же безъ священныхъ рукоположеній (?) возведе на престолъ Растрига, сего въ Чудовъ монастырь послаша подъ начало, яко да совершенно навьикнетъ благочестія вѣры, иже во Христа Бога». (А. Попова: Изборн. слав. и рус. статей внес. въ Хрон. рус. редакція стр. 193—194).

церковныхъ особенностей, которыми русскіе отличались тогда отъ современныхъ грековъ ⁴³⁾).

Но признавая грековъ православными ⁴³⁾ и находясь съ ними

⁴³⁾ См. объ этомъ въ нашей книгѣ: Характеръ отнош. Рос. къ прав. востоку, стр. 145—220.

⁴⁴⁾ Мнѣніе, что русская церковь признавала грековъ православными, повидимому расходится съ тѣмъ фактомъ, что у насъ нѣкоторыхъ грековъ отдавали иногда подъ начало для исправленія изъ христіанскія ерри. Но это явленіе—отдача грековъ подъ начало для исправленія ихъ вѣры,—было очень рѣдкимъ и прямо исключительнымъ. Къ этой мѣрѣ прибѣгали у насъ только тогда, когда имѣлись опредѣленные данныя, что тотъ или другой грекъ, ранѣе своего прибытія въ Москву, или отступалъ отъ православія, какъ это было, напримѣръ, съ извѣстнымъ справщикомъ книгъ Арсеніемъ грекомъ; или когда прибывшій грекъ нѣсколько лѣтъ находился въ плѣну у невѣрныхъ, или вообще въ какихъ-либо особенно близкихъ и подозрительныхъ отношеніяхъ къ туркамъ, латинамъ и униатамъ. По смыслу соборныхъ постановленій 1620 года о бѣлоруссахъ, отдача подъ начало въ Москвѣ православныхъ кіевлянъ, имѣла значеніе мѣры чисто предохранительной, противъ возможности появленія въ Москвѣ, подъ видомъ православныхъ, лицъ въ дѣйствительности вовсе неправославныхъ, такъ что и отдача какого-либо грека подъ начало служила всегда только выраженіемъ сомнѣнія въ истинности православія даннаго лица, а не грековъ вообще. Поводы же сомнѣваться русскими въ православіи нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ изъ грековъ, были иногда дѣйствительно вполне законныя и основательныя, такъ какъ между греками всегда встрѣчались лица уклонившіяся или прямо въ латинство, или чаще въ униатство. При этомъ нельзя не отмѣтить и тотъ фактъ, что наше правительство, отдавая подъ начало православныхъ бѣлоруссовъ и грековъ, дѣлало, какъ мы видѣли выше, большое различіе между ними, и именно въ пользу грековъ: подначальнымъ бѣлоруссамъ оно запрещало входить въ самую церковь, прикладываться къ иконамъ, благословлять ихъ воздвизательнымъ крестомъ, между тѣмъ какъ подначальнымъ грекамъ, если они не обличены были въ отступленіи отъ православія, все это разрѣшалось, такъ что все ихъ подначальство приравнивалось къ обыкновенному говѣнію православныхъ. Другой фактъ. Въ 1653 году иверскій аѳонскій архимандритъ Климъ, съ согласія всѣхъ бывшихъ тогда въ Москвѣ греческихъ властей и торговыхъ гречанъ, просилъ у государя и патриарха Никона дать для пріѣзжихъ грековъ особый монастырь въ Москвѣ, гдѣ бы служба совершалась на греческомъ языкѣ, потому что греки русской службы не понимаютъ, а иные русскіе попы мірскихъ торговыхъ грековъ въ церковь Божию божественнаго пѣнія слушать непушали, называли ихъ невѣрными». (Греческія дѣла 1777 года, № 13.) Но уже самое выраженіе челобитной: «иные русскіе попы» показываетъ, что не всѣ, а только нѣкоторые русскіе священники «называли грековъ невѣрными», притомъ не духовныхъ, а мірскихъ лицъ, которыхъ они легко могли, по простому невѣдѣнію, отнести къ восточнымъ нехристіанскимъ народностямъ. Вирочемъ существованія у насъ въ значительной части общества крайняго во

въ церковномъ единеніи, русскіе въ то же время въ дѣлѣ благочестія считали себя выше грековъ: они были убѣждены, что греки, сохранивъ у себя неповрежденною самую вѣру православную, т.-е. православное вѣроученіе, въ то же время въ нѣкоторыхъ церковныхъ чинахъ и обрядахъ, неосознательно и незамѣтно для себя, отступили отъ старины, вслѣдствіе чего ихъ церковный чинъ, въ нѣкоторыхъ своихъ частностяхъ, уже нуждается въ исправленіи, и именно по образцу русскаго, который сохранился во всей его первоначальной полнотѣ и неповрежденности.

Указанное нами мнѣніе русскихъ ⁴⁶⁾, что греки „по грѣху

зрѣнія на грековъ, какъ на потерявшихъ истинное православіе, мы вовсе не отрицаемъ, а только не признаемъ его мнѣніемъ церковнымъ, хотя эти крайніе воззрѣнія, какъ значительно распространенныя, могли оказывать, въ извѣстныхъ случаяхъ, свое давленіе и на лицъ нашей церковной іерархіи.

⁴⁶⁾ Этотъ взглядъ русскихъ, вполне объясняющій намъ ихъ отношенія къ грекамъ, съ особенною ясностію и опредѣленностію выраженъ въ запискѣ очевидца современника о томъ, «какъ служилъ Ѳеофанъ, патріархъ іерусалимскій съ русскими митрополитами, съ казанскимъ Матвѣемъ и со архіепископомъ» (въ 1619 году). Эта любопытная записка говоритъ: «егда патріархъ вошелъ въ церковь къ службѣ и тогда входъ пѣли ему подъяки казанскаго митрополита. И какъ, начало полога, пошелъ прикладываться къ образомъ и чудотворцевымъ мощемъ, и хотѣлъ было опять стать на свое мѣсто въ церкви, и тутъ ему сказалъ спасской дьяконъ Дионисей: «поди де государь во олтарь, тамъ де приложись ко Евангелію, и крестомъ себя благословиши и властей служащихъ». И онъ пришедъ во олтарь, приложась ко Евангелію и благословися крестомъ, и служащихъ властей благословлялъ. И какъ сталъ въ церкви на своемъ мѣсте, и въ то время пришелъ ево архимандритъ и архидьяконъ во олтарь, и стали предъ престоломъ во обычныхъ своихъ рясахъ, и положили на престолѣ служебники и ризы и стихари. И Матвѣй митрополитъ учалъ имъ говорити, чтобъ онѣ служебники и ризы и стихари съ престола сняли, и впредъ бы не клали, а стали бы на обычномъ мѣсте и служебники и ризы и стихари клали, гдѣ пригодится, а не на престолѣ. И они рѣчи его не узнали, и съ престола ризъ и стихарей не сняли, и митрополитъ велѣлъ дьякону своему соборному Ивану ризы и стихари съ престола снять и положить на обычномъ мѣсте, идѣже имъ быти достоинѣ. И они учали опять ризы и стихари класть на престолъ. И Матвѣй митрополитъ и архіепископъ Иосифъ (Рязанскій съ 10 генв. 1619 г.) изъ олтаря вышли. А въ то же время приходилъ Иона митрополитъ (крутицкій съ 1613—1624 г.) прикладываться къ чудотворцевымъ мощемъ, а служилъ в архангеле. А учали патріарху говорити: «великій господинъ святѣйшій Ѳеофанъ патріархъ, наша истинная православная христіанская прковъ не прила сего чина. Пришелъ твой архимандритъ и архидьяконъ

позавосносили «отъ перваго, преданнаго имъ чина», со времени патриарха Іосифа, въ передовомъ, высшемъ и болѣе образованномъ московскомъ кругу, стало *уступать* другому мнѣнію, что грани досель, до *всѣхъ* держать православную вѣру

во *адѣхъ* и стали предъ престоломъ въ *однѣхъ* раскахъ безъ ризъ и безъ стихарей, а *положили* на престолѣ служебники и ризы и стихари, а у насъ кромѣ того не ведется, что на престолѣ Евангеліе и крестъ, а иного ничего не класть. А предъ престолѣ приходишь ты, да со служебники твои митрополиты и архиепископы и епископы въ своихъ манаткахъ, а кромѣ того, ни архимандриты, ни игумены, ни протопопы кресто не приходятъ, тожю въ *оelonaxъ* и стихаряхъ. И патриархъ *противу* того сказалъ: «то да учинилося просто, а впредь не тако не будетъ». Да митрополиты жъ Матвій и Иона, и архиепископъ Іосифъ патриарху говорили: «ризъ де на твоѣмъ архимарите не по чину, оплечья у нихъ ни *подолниновъ* нѣтъ, а у стихаря такожъ оплечья нѣтъ ни *подпазушникъ* проймѣ, а у насъ въ *правилехъ* писано, да *вашего* жъ греческаго закона: стихарь есть *котланная* *вранда* на (небеси) благодареніе Его съ нами; не дошитое *подпазушье*, — *ребреная* *язва*, а оплечье, — *рана* *батожная*. *Запѣтіе* есть, *имже* бѣ *связаны*: *руцѣ* бо Его *напередъ* *связаша*; патриархомъ есть, *имже* *вѣдоша* къ *распятию* не уже бо, но *плать* *возложиша* на *выю* его и *совокупиша* оба *конца* тако *и* *ведоша*. *Беломъ* есть *хламида* *червленая* или *котига* не *шталъ*, съ *бѣдую* жъ *ризу* *облечитъ* по *образу* *Вышнѣю*, *акоже* *рече* *евангелистъ*: *ризъ* же *Его* *быша* *были* *яво* *свѣтъ*». И патриархъ сказалъ у насъ де такъ, какъ де есть. А после *архимандритъ* его сказалъ: «есть де и у насъ ризы по *вашему* жъ *сѣдлану*, а *тѣ* *же* *одѣяны* *вскорѣ*». И патриархъ же говорилъ митрополитомъ: «Бога ради, де, *указывайте* *намъ* по *своему*, какъ де у васъ *чинъ* *ведется*, а *я* де радъ *слушати*».

А *егда* его *облачалъ* *архидьяконъ* и *говорилъ* по *своему* *языку* *зично*: *эйсподати* *деспота*, *внизалъ* съ *правне* *страны*, а не *противу* патриарха. И какъ патриархъ *обололся* и *подяки* *пѣди* ему: *исподати* *деспота*, и онъ въ то время *всталъ* и *архидьяконъ* его *поднесъ* ему *подсвѣщникъ* *сребрянъ*, по *своему* ихъ *обычаю* *утихенъ* на *три* *шадана* (*шандана*), а въ *тѣхъ* *шанданѣхъ* по *свѣщи*, и онъ *тѣми* *свѣщами* *учалъ* *освѣнати* *кругомъ* на *всѣ* *четыре* *страны* и *парамаѣа* (*параманда*) *служебнаго* у него не было, *лише* *тогъ* *парамандъ*, что на *свѣткѣ*, а *понагию* *возложилъ* *верху* *сана* и *амасора*. И митрополиты и архиепископы ему о томъ *говорили*, и онъ *сказалъ*: «*парамандъ* де на *мнѣ* *есть* на *что* *де* *другой*»; а *про* *понагию* *учали* *говорити*, и онъ *отказалъ* же: «у насъ де такъ *ведется*»; а *шапка* на немъ *была* *безъ* *опушки* на *черномъ* *бархатѣ* *прибываны* *плащи*, какъ *коруна* *позлащени* *да* *каменны* *сажени*, а *святыхъ* *нѣтъ*, *лише* на *верху* *выбитъ* *крестъ*, да по *странамъ* *четыре* *херувима* и *серафима*; а на *проскомидіѣ* *дѣйствовалъ* *надъ* *одѣвѣмъ* *агнецомъ*, а в *прочие* *просвиры* *стоялъ* по *обычаю*, какъ *дѣйствовали* *власти*, и ему *говорили*: «какъ де ты *государь* *служилъ* *преже* *сего* и ты *де* *просвиры* *заздравные* *вынѣмалъ* въ *херувимскую* *пѣснь*, а у насъ того *чину* не *ведется*, и *тебѣ* бѣ *государь* *такожъ* *нынѣ* *вынимати* *заздравные* *просвиры* въ *подобно* *времени* съ *нами*, а не въ *херувимскую* *пѣснь*». И патриархъ *говорилъ*: «и

ненарушимою, что русская церковь и въ церковно-обрядовыхъ вопросахъ должна неуклонно держаться постоянного единения съ греческою церковію. Уже въ большомъ Катихизисѣ, напечатанномъ въ Москвѣ въ 1627 году, на вопросъ: *дѣйстви-*

*я де стану дѣйствовать по вашему жъ чину, а впрямъ де того у меня небудеть». Потомъ же пришелъ Арсеніе архіепископъ суждальскій: и онъ патриарха не знаетъ и патриархъ дѣйствовалъ все по нашему, какъ ему Арсеніе указуетъ, а молитвы и октеніи и возгласъ говорилъ своимъ языкомъ, по своему служебнику, і въ службѣ освящяя нашими свѣщамъ, липе какъ началъ говорить: *твое отъ твоихъ, і въ тѣ поры архидьяконъ ево руку правую положи на глѣву и коснулся ко святини дискоу подвинулъ по престолу впрямъ правую рукою, а лѣвою рукою подвинулъ. Ино власти о томъ патриарху говорили: «указъ де того дьяконъ не дѣйствуетъ, то де ерейская служба», и они в томъ прощенья получили, а ни в чемъ не пререковали, потому что у нилъ, по греху позакоснѣли отъ перваго преданнаго имъ чина). И какъ ностѣ службъ провожали его до келіи митрополиты и архіепископъ, и онъ обратился говорить: «пресвѣтили де вы меня своимъ благочестіемъ, и напоили де жаждущую землю водою своего благочестиваго ученія, и на томъ де вамъ много человекъ бѣю». (Эта цитата, напечатанная изъ нашей академической рукописи № 202, напечатана архимандритомъ Леонидомъ въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1883 г. кн. II.) Изъ приведеннаго свидѣтельства видно, въ чемъ собственно русскіе іерархи полагали недостатокъ въ религиозныхъ вѣрованіяхъ современныхъ грековъ: они были убѣждены, что греки «позакоснѣли отъ перваго преданнаго имъ чина» — погрѣшили въ вѣстотарихъ церковныхъ чинахъ, которые во всей ихъ первоначальной чистотѣ и полнотѣ сохранились теперь только у русскихъ. Ироническія слова патриарха Теофана, съ которыми онъ по окончаніи службъ, обратился къ сопровождавшимъ его русскимъ іерархамъ: «просвѣтили де вы меня своимъ благочестіемъ и напоили де жаждущею землю водою своего благочестиваго ученія, и въ томъ де вамъ много человекъ бѣю» — были приняты русскими за чистую монету, такъ что они вслѣдъ были увѣрены, что имъ дѣйствительно приходится, относительно церковнаго чина, поучать самихъ восточныхъ патриарховъ. Такъ смотрѣлъ на это дѣло и ключарь Успенскаго собора, Иванъ Насѣдка, который въ преніяхъ по поводу перекрещиванія датскаго королевича Вольдемара, заявлялъ нѣмчину-пастору Матію: «да хотя тебѣ и не годны кажутся наши книги, но во всѣ царства христіанскіе на востокѣ и на полуднѣ и на западѣ и гдѣ ни есть христіане, то начальники ихъ: патриархи и митрополиты и архіепископы и весь чинъ священной, къ нашему государю царю и великому князю Михаилу Теодоровичу всея Русіи и ко святейшей церкви поклоняются и со слезами просятъ, еже не пищи и одежды, но ученія и заступленія о православной вѣрѣ, и не отъ четырехъ патриарховъ вселенскихъ, но отъ дому пречистые Богородицы великія Росіи, отъ владычества государскаго. И имъ государь нашъ, глава христіанская, съ пастыремъ своимъ, есегда всѣмъ ищущимъ христіанскую вѣру соблюдать, и яко единому тѣлу своему, споболѣзнуеть и писаними и ученими и духовною пищею всегда веселитъ и**

тѣсно-ли римляне первоначальники въ вѣрѣ, дается такой отвѣтъ: „не первый есть законъ, или вѣра римская, покуда начало вѣрѣ Христовѣ отъ Іерусалима пріять Римъ, идѣже (въ Іерусалимѣ) и до сего времени греци цѣлу и ненарушиму сохраняють ея⁴⁷⁾. Мысль о подиомѣ православіи современной греческой церкви, о всегдашнемъ единеніи съ нею церкви русской ясно и опредѣленно высказалъ самъ патріархъ Іосифъ въ своихъ посланіяхъ къ датскому королевичу Вольдемару. Въ первомъ своемъ посланіи къ Вольдемару (21 апрѣля 1644 г.) патріархъ Іосифъ между прочимъ пишетъ, что „греци и Русь“, отвергли папу „за отступленіе отъ вселенскихъ патріархъ“, „а назвали соборную католическую церковь едину восточную, которая седмью вселенскими соборы утвержденную вѣру держитъ во всемъ ненарушимо, цѣлу и невредину соблюдаетъ и до днесь“, что „римляне и германе“ не крестятся прямымъ крещеніемъ, „якоже изначала предано святыми апостолами и святыми вселенскими седмью соборы въ три погруженія, *сже и донынѣ у грековъ и у насъ Руси невредину соблюдаемо есть*“. Во второмъ посланіи къ

прохлаждаетъ и упокоиваетъ всякими потребами, и церкви всѣ во вселенной веселятся и радуются о его владычествѣ надъ христіанами» (Рукопись Синод. бібліотеки № 857, т. 185 об.—186). Но что подъ этими наученіемъ восточныхъ іерарховъ со стороны русскихъ вовсе не разумѣется наученія собственно вѣрѣ, которая сохранилась у грековъ во всей ея цѣлости и неповрежденности, а наученіе именно церковному чину, въ которомъ греки по грѣхамъ «позакоснѣли». — это доказывается еще и слѣдующимъ заявленіемъ одного изъ современниковъ преній по поводу вопроса о перекрещиваніи королевича Вольдемара. Этотъ современникъ, описывая исторію сватовства Вольдемара, неудачнаго попыткѣ вновь окрестить его, заявляетъ, что весь западъ развращенъ папою и Лютеромъ, и на востокѣ народы «во тмѣ пребываютъ, непросвѣщенни же божественнымъ свѣтомъ, сирѣчь святымъ крещеніемъ, кромѣ греко-русскія вѣры: грекове, *тіи еще хранятъ Божественный законъ*, аще и въ неволіи пребываютъ *того ради поизмнишася, но обаче еще держатъ нашу христіанскую віру, иже предана намъ отъ сегого Господа нашего Іисуса Христа, и отъ святыхъ его ученикъ и апостолъ и отъ святыхъ отецъ*». (Рукопись: Книга преній по брачному дѣлу Валдемара датскаго королевича, изъ собранія Е. В. Барсова.)

⁴⁷⁾ Л. 26. На соборѣ 1620 года Филаретъ Никитичъ между прочимъ говорилъ: «мы же смиреннѣи храняще его (патріарха Гермогена) наказаніе, и тамо въ польскихъ градѣхъ бывше, ничтоже отъ повелѣнія его непреступихомъ и ни въ чемъ ни мало не сложихомся ко отвергшимся *отъ соборныя церкви и отъ вселенскихъ патріархъ*».

Вольдемару Іосифъ пишетъ, что русскіе приняли истинную православную вѣру отъ православныхъ грековъ при князѣ Владимірѣ, что „съ четырьмя вселенскими патріархи и до днесь о православіи ссмыаемъ, и къ намъ отъ восточныхъ странъ митрополиты и архіепископы и архимандриты прежде сего и нынѣ прѣизажаютъ; да еще и сами патріархи свидѣтельствующіе *въ стѣнѣ* (т.-е. несомнѣнно строго православные), и до сего дня мы безъ всякаго порока православную вѣру держимъ и пребываемъ въ ней“. Доказывая, что истинная церковь доселѣ находится въ Іерусалимѣ, патріархъ Іосифъ говоритъ, что къ іерусалимской истинной церкви принадлежать теперь и другія „паче же и четыре патріаршіе мѣста, къ сему же (къ истинной іерусалимской церкви) съ тѣми (четырьмя восточными патріархатами), со всеми святыни вкупѣ, и наша святая великая руссiйская церковь *согласуется правымъ исповданіемъ*“⁴⁹). Такимъ образомъ патріархъ Іосифъ самое православіе русскихъ доказываетъ именно его принятіемъ отъ грековъ и непрерывностію общенія, до самаго послѣдняго времени, русской церкви съ православными греческими четырьмя патріархами, которые, вмѣстѣ съ русскими, православную вѣру, „ненарушимо, цѣлу и невредиму соблюдаютъ и до днесь“.

Съ особенною силою и опредѣленностію мысль, что четыре греческіе патріарха доселѣ во всемъ сохранили православную вѣру неизмѣнною, что они ничего не измѣнили даже ни въ какомъ церковномъ преданіи и древнемъ постановленіи, доказывается въ изданныхъ при патріархѣ Іосифѣ знаменитыхъ книгахъ, доселѣ уважаемыхъ нашими старообрядцами, въ такъ-называемой Кирилловой книгѣ и въ книгѣ о Вѣрѣ. Въ Кирилловой книгѣ (л. 93) говорится: „четыре вселенскія патріархи даже и до днесь, каждаго лѣта соборнѣ, тако же и по единому, писаннымъ своими право и неизмѣнно вѣру данную имъ отъ святыхъ апостолъ, и ихъ учениковъ, и седми вседенскихъ соборовъ, и помѣстныхъ соборовъ, ни въ чемъ не разрушающе, ни прикладая, ни отлагая проповѣдали и проповѣдуютъ, держамъ и держатъ, и славятъ пресвятую Троицу, Отца и Сына и Св. Духа“. Въ книгѣ о Вѣрѣ такимъ образомъ характеризуется современное

⁴⁹) Рукопись нашей академической библіотеки, № 338, л. 3, 96, 99 об.

положеніе греческой церкви, страдающей подъ игомъ невѣрныхъ турокъ: „святая восточная въ грецѣхъ обрѣтенная церковь, правымъ царскимъ путемъ, аще и вельми тѣснымъ, но обаче отъ Іисуса Христа Бога и Спаса нашего и истинныхъ его наследниковъ утлаченнымъ, ни направо, ни налѣво съ пути не соврашающаяся въ горнему Іерусалиму сыны своя препровождаетъ, въ поданномъ отъ Господа Бога терпѣніи; и ни въ чемъ установленіи Спасителя своего и блаженныхъ его учениковъ, и святыхъ отцовъ преданія, и седьми вселенскихъ соборовъ, *Духомъ Святымъ собранныхъ уставъ не нарушаетъ, ни отнимаетъ, и въ малѣйшей части не отступаетъ, ни прибавляетъ, ни отнимаетъ что* но яко соице одинакою лучею правды всегда, *аще и въ неволѣ пребываая*, свѣтится правою вѣрою. А чтобы лучше православныи христіане въ той мѣрѣ вѣдомость могли имѣти, яко стадо Божіихъ овецъ, въ Греціи живущихъ, аще тѣлесную чувственную, отъ тѣлеснаго и чувственнаго врага неволю терпѣть, но вѣру истинную, и совѣсть свою чисту и нескверну, царю нехъ всѣмъ цари и Богу сохранять. Ничего бо турки отъ вѣры, *и отъ церковныхъ чиновъ отнимаютъ*, тоцію дань грошовую отъ грековъ приѣмлютъ, а о дѣлахъ духовныхъ и о благоговѣніи имъ мало не належаать, и не востунають въ то. И якоже люди Божіи, егда въ работѣ огнистой были, вѣры не отпадоша, и первіи христіане, въ триота лѣтъ въ тѣмной неволѣ будучи, вѣры не догубиша, тѣмъ же образомъ и въ нынѣшнее время въ неволѣ турецкой христіане вѣру православную цѣлу соблюдаютъ... *да завраждятся всякая уста малолушнихъ неправду, гордыню и уничиженіемъ, на смиреннѣхъ грековъ!*“ „Помощію Господнею въ восточной церкви четырехъ верховнѣйшихъ пастырей, по подобію четырехъ евангелистовъ, имѣемъ... Но рекуть римляне, яко патриарси со всѣмъ духовенствомъ турецкому дани даютъ: и то есть правда; нечего тому дивитися: аще и даютъ, да волю имутъ свое, благочестіе содержати, зане и Христосъ Богъ нашъ св. Петру за себѣ и за его повелѣ дань воздати,—и нѣсть рабъ болій господина своего... Всеу безъ ума биснупы римстїи гордостію безмѣрною возморяются, яко богатый онъ, и укоряють убогаго въ душѣ Лазаря, иже въ терпѣніи возложеннаго креста Господня, съ ярма своего не снимаючи носить, и терпятъ съ Лазаремъ и съ иными избранными Божіими смиреннѣи грекове, дондѣже

Вотъ изволить... Слушати, говоритъ таже книга, составленная по совѣту и благословенію патріарха Іосифа, слушати восточныхъ періевъ и патріарха константинопольскаго и прочихъ четьрехъ, творить намъ оную пользу: благословеніе временное и спасеніе вѣчное. *Русійскому народу патріарха вселенскую архієпископа константинопольскаго слушати, и ему подлежати и повиноватися въ справахъ и науцъ духовной естъ польза, и приобритіе велие, спасительное и тѣхное*...⁴⁹⁾.

Очевидно, что эти воззрѣнія на грековъ и греческую церковь, высказанныя въ Кирилловой книгѣ и въ книгѣ о Бѣрѣ, прямо подготавливали почву для церковной реформы Никона, создавали прочную опору для всей будущей его реформаторской дѣятельности, ибо они рѣшительно опровергали ходившіе и очень распространенные на Руси слухи о потерѣ греками истиннаго православія, указывали на необходимость полного единенія русской церкви съ греческой, которая во всемъ, не исключая самыхъ церковныхъ чиновъ, осталась до послѣдняго времени строго вѣрна древнимъ уставамъ и преданіямъ „не отступивъ отъ нихъ и въ малѣйшей части“.

Заявляя о полномъ единеніи русской церкви съ греческою, что „съ четьрьма вселенскими патріархи и до днесь о православіи ссылаемся“, что русскому народу константинопольскаго патріарха „слушати и ему подлежати и повиноватися въ справахъ и въ науцъ духовной естъ польза“, патріархъ Іосифъ доказывалъ это и самымъ дѣломъ. Онъ обратился въ константинопольскому патріарху съ особою грамотою въ которой просилъ его разрѣшить слѣдующіе вопросы: можно-ли многимъ архієреямъ и іереямъ служить божественную литургію двумя потирами? Подобаеть ли въ службѣ по мірскимъ церквамъ и по монастырямъ читать единокласно? Нѣкоторые жены оставляють мужей своихъ по нелюбви и постригаются, а мужи оставляють жёнъ своихъ,—какъ поступать въ такихъ случаяхъ? Можно ли дѣлать священниками женившихся на вдовахъ, или вступившихъ во второй бракъ? На эти вопросы Іосифа былъ полученъ изъ Константинополя соборный отвѣтъ, разрѣшавшій недоумѣнія московскаго патріарха, причемъ заявилось, что великая констан-

⁴⁹⁾ Главы: 2, 20, 25.

тихопольская церковь воспріяла отъ Бога силу отверзать двери вѣрнымъ къ разумнѣю божественнаго ученія, утверждать ихъ въ разумнѣи истинной и правой вѣры Христовой, что она есть источникъ и начало всѣмъ церквамъ, „напаяетъ и подаетъ животъ всѣмъ благочестивымъ христіанамъ во всѣ церкви“, такъ какъ она всѣ догматы благочестія „хранить ненарушимо и неподвижно, какъ сначала приняли, не умалили и не прибавили“. Въ то же время константинопольскій патріархъ прислалъ Іосифу и грамоту отъ себя лично, въ которой опять заявляетъ, „что если иное что понадобится блаженству вашему, то блаженство ваше братскою о Богѣ любовію, пусть пишетъ намъ и присылаетъ вопросы о исправленіяхъ церковныхъ, ибо великая церковь Христова, благодатію Святаго Духа, есть начало инымъ церквамъ и должна въ нихъ исправлять неисправленное; святая каѳолическая, апостольская, великая церковь Христова, противъ прошенія никогда безотвѣтною не бываетъ“⁸⁰⁾.

Такимъ образомъ уже патріархъ Іосифъ считалъ нужнымъ и необходимымъ обратиться къ патріаршему константинопольскому собору, какъ къ такому учрежденію въ православной церкви, отъ котораго русская церковь должна получать указанія и отвѣты по поводу разныхъ возникающихъ въ ней церковныхъ вопросовъ и недоумѣній⁸¹⁾. Этимъ самымъ патріархъ Іосифъ от-

⁸⁰⁾ Греческія дѣла 7159 г. № 8.

⁸¹⁾ При этомъ нельзя не обратить вниманія на слѣдующее малопонятное обстоятельство: вполне естественно было ожидать, что Іосифъ, въ соборномъ опредѣленіи о единогласіи, сошлется на присланный ему отвѣтъ константинопольскаго патріарха, иначе самое его обращеніе къ нему не имѣло бы цѣли. А между тѣмъ въ соборномъ опредѣленіи 1651 года о единогласіи, Іосифъ вовсе не упоминаетъ объ отвѣтѣ ему константинопольскаго патріарха, а ссылагается только на постановленіе русскаго Стоглаваго собора. Чѣмъ объяснить это явленіе? Возможны два предположенія: Іосифъ въ соборномъ опредѣленіи о единогласіи нарочно умолчалъ объ отвѣтѣ ему константинопольскаго патріарха изъ опасенія, какъ бы эта ссылка на авторитетъ современныхъ грековъ не вызвала протеста со стороны сильной въ то время партіи ревнителей русской старины, признававшихъ грековъ утерявшими истинное благочестіе, такъ что это умолчаніе со стороны Іосифа было дѣломъ осторожности и благоразумія, слѣдствіемъ его нежданія произвести возможныя церковныя волненія. Но, кажется, вѣроятнѣе будетъ объяснить это дѣло предположеніемъ, что Іосифу, въ окончательной редакціи соборнаго постановленія о единогласіи, просто не дозволили упомянуть объ отвѣтѣ константино-

крыто призналъ, что константинопольская церковь по прежнему дѣйствительно „напаяетъ и подаетъ жизнь всѣмъ церквамъ“, что въ дѣйствительности она всѣ догматы благочестія по прежнему хранить „ненарушимо и неподвижно, ничего не умалая и не прибавляя въ нихъ“, и что, такъ какъ она есть „источникъ и начало всѣмъ церквамъ“, то ей и принадлежитъ право во всѣхъ другихъ помѣстныхъ православныхъ церквахъ „исправлять неисправленное“. Понятно, какой сильный ударъ наносилъ этимъ

польскаго патріарха, а затѣмъ его сослаться только на постановленіе Стоглаваго собора. Дѣло заключалось въ слѣдующемъ: враждебные патріарху Іосифу (о чемъ сказано будетъ ниже) Стефанъ Вонифатьевичъ и Нероновъ ввели сначала единогласіе въ своихъ церквахъ въ Москвѣ, а затѣмъ, другъ нѣхъ Никонъ, сдѣлавшись новгородскимъ митрополитомъ, ввелъ единогласіе въ своей епархіи. Дѣлалось это, вѣроятно, съ разрѣшенія только царя, во имя патріарха Іосифа, который поэтому и отнесся къ введенію единогласія, какъ къ своевольію и самочинію подчиненныхъ ему лицъ, но на сторонѣ которыхъ стоялъ одною царь. Такъ какъ Стефанъ, Нероновъ и Никонъ въ оправданіе своего образа дѣйствій, вѣроятно, ссылались на ясное и опредѣленное постановленіе объ единогласіи Стоглаваго собора, то Іосифъ, изъ противодѣйствія имъ, обратился къ константинопольскому патріарху и рѣшился ввести единогласіе только послѣ полученія отъ него положительнаго отвѣта; считая вопросъ о единогласіи даже бы еще на рѣшеніи церковію окончательно. Понятно отсюда, что значило для заинтересованныхъ лицъ, сослаться ли соборное опредѣленіе о единогласіи на отвѣтъ константинопольскаго патріарха, или на постановленіе Стоглаваго собора. Въ первомъ случаѣ, введеніе Стефаномъ, Нероновымъ и Никономъ единогласія было бы самочиніемъ, своевольнымъ введеніемъ въ церковную практику того, что еще не рѣшено было окончательно голосомъ церкви; во второмъ случаѣ, т.-е. когда исходной точкой для рѣшенія вопроса бралось только постановленіе одного Стоглаваго собора, какъ вполне достаточное, введеніе Стефаномъ, Нероновымъ и Никономъ единогласія не только не было актомъ своеволья, но простымъ выполненіемъ обязательныхъ для каждаго соборныхъ постановленій, за что они заслуживали уже не порицанія, а похвалы. Въ виду этого, если интересъ патріарха Іосифа требовалъ опереться въ соборномъ рѣшеніи 1651 года о единогласіи на отвѣтъ константинопольскаго патріарха, то интересъ Стефана, Неронова и Никона наоборотъ требовалъ сослаться на Стоглавый только соборъ, который вполне оправдывалъ ихъ предшествующій образъ дѣйствій въ вопросѣ о единогласіи. А такъ какъ патріархъ Іосифъ въ это время уже сильно потерялъ свое значеніе и вліяніе и царь вполне находился на сторонѣ Стефана, Неронова и Никона, то Іосифъ и долженъ былъ уступить своимъ сильнымъ, опиравшимся на царя, противникамъ, вслѣдствіе чего въ соборномъ постановленіи 1651 года о единогласіи и было упомянуто только объ опредѣленіи Стоглаваго собора, и вовсе умолчено объ отвѣтѣ константинопольскаго патріарха, — это было, очевидно, пораженіемъ для Іосифа и торжествомъ для его противниковъ

Іосифъ тѣмъ представленіямъ русскихъ, по которымъ истинному благочестію теперь слѣдовало учиться не русскимъ у грековъ, а совершенно наоборотъ; понятно, какъ недовольны имъ были всѣ ревнители родной старины, убѣжденные, что у современныхъ грековъ благочестія „и слѣду нѣтъ“, что самая вѣра православная у нихъ сдѣлалась „пестра“; понятно также, что Іосифъ, своимъ обращеніемъ къ авторитету константинопольскаго патріарха, при рѣшеніи русскихъ церковныхъ дѣлъ, уже прямо указывалъ на тотъ путь, которымъ слѣдовало идти его преемнику Никону въ его реформаторской дѣятельности.

Г Л А В А ІІІ.

Сознаніе, что наши церковныя книги неисправны, заключаютъ въ себѣ много погрѣшностей, что ихъ необходимо исправлять и притомъ по греческому тексту, существовало у насъ давно. Книжныя исправленія Максима Грека, такъ печально окончившіяся для самого исправителя, были вызваны этимъ именно признаніемъ неисправности существующихъ наличныхъ славянскихъ переводовъ. Ученики и сотрудники Максима, сами трудившіеся надъ книжными переводами, рѣшительно заявляютъ, что славянскіе переводы книгъ неисправны, такъ какъ древніе наши переводчики нерѣдко плохо знали языки греческій и русскій и потому не могли сдѣлать хорошихъ переводовъ книгъ²⁹⁾. Но эти заявленія просвѣщенныхъ сотрудниковъ и учениковъ Максима не имѣли практическаго значенія, отчасти потому, что въ рус-

²⁹⁾ Нилъ Курлятевъ, переведшій съ греческаго псалтырь, подъ руководствомъ Максима Грека, въ предисловіи пишетъ: «якоже пишетъ Иванъ Златоустый, двѣ же вины описаны неясвенна глаголанія, рещи хочеть, что ради есть: единъ убо есть, яко отъ еврейскыя бесѣды во еллинскыя приложихася; егда же языкъ во нѣ языкъ приложится много имать неудобство явленіе, но тѣи едины вѣдять, иже многими языкомъ искусни суть; и старецъ Максимъ родомъ грекъ и наученъ философіи въ своемъ языкѣ и второе по-римски языкъ и грамотѣ умѣлъ, третіе нашъ языкъ зналъ довольно и грамотѣ умѣлъ вельми разумно, и пожеловалъ мнѣ сказывать все извѣстно и по тонку вся, и азъ писалъ вся какъ стоитъ въ греческомъ разумѣ и своимъ языкомъ, вся же по ряду и прямо и безъ украшенія. А прежніи переводники нашего языка извѣстно не знали и они превелико гречески, ово словенски, и ино сербски и другая болгарски, ихъ же не удовлихася преложити на русскій языкъ. А Кипріанъ митрополитъ погречески гораздо не разумѣлъ, и нашего языка довольно не зналъ же (аще и съ нами единъ,

скомъ обществѣ все глубже и шире распространялось предубѣжденіе противъ греческихъ книгъ, будто бы испорченныхъ еретиками; отчасти потому, что между русскими, даже высшими іерархами, совсѣмъ не было такихъ лицъ, которые бы хорошо знали греческій языкъ и потому могли бы ратовать за необходимость исправлять наши книги по греческимъ, опровергая возникшее противъ нихъ предубѣжденіе. Приходилось по необходимости довольствоваться только одними славянскими переводами и въ то время, когда у насъ уже завелось печатаніе книгъ и когда, слѣдовательно, нужда въ исправныхъ и однообразныхъ спискахъ сдѣлалась особенно настоятельною. Старались для книгъ, готовившихся къ печати, избирать самые лучшіе и исправные списки, но это, оказалось, мало могло помочь дѣлу, — различные древніе списки были очень неодинаковы и въ то же время каждый изъ нихъ былъ исполненъ своихъ ошибокъ и погрѣшностей. Натоленувшіеся на эти затрудненія книжные справщики въ извиненіе погрѣшностей, допущенныхъ ими въ печатныхъ книгахъ, стали настойчиво заявлять въ послѣсловіяхъ издаваемыхъ ими книгъ, что наши древніе славянскіе переводы оказываются очень неодинаковыми, вслѣдствіе неискусства и недостаточнаго знанія языка со стороны самихъ древнихъ переводчиковъ, что къ этому коренному недостатку присоединились потомъ и другія, происшедшія отъ ошибокъ неискусства и неудачныхъ поправокъ разныхъ переписчиковъ книгъ, людей нерѣдко совершенно невѣжественныхъ ³²).

нашъ языкъ, сирѣчь словенскій, да мы говоримъ по своему языку чисто и шумно, а они говорятъ молодежаво, и въ писаніи рѣчи наши съ ними не сходятся) и онъ мнилъ ся, что поправилъ Псалмовъ по нашему, а болши неразуміе въ нихъ написалъ; и книгъ многа у насъ и въ ея время книги пишутъ, а пишутъ отъ неразумія все по-сербски, и говорити по писму по нашему языку прямо не умѣютъ, и многа неразумна смущаются» (Опис. рукоп. Царскаго № 327).

³²) Въ послѣсловіи Миней служебной 1607 года говорится, что царь Василій Ивановичъ возбѣщаетъ патриарху Гермогену, «дабы ему, иже по духу съ смысли своими, соборнѣ изснѣдѣтельствовати вселѣтное обхожденіе книгъ дванадцать мѣсяцъ Миней; отъ многихъ бо дѣтъ сія книги, егда отъ греческаго языка на словенскій преложены, и мнози древніи преводники и претпущающіи или изронниши, или смѣсиши, или съ чужь погрѣшнши»... (Опис. старопеч. книгъ Толстаго, № 51). Въ предисловіи къ Уставу церковному, начатому печатаніемъ въ

Повторяющіяся жалобы на несправность древнихъ славянскихъ переводовъ, на ихъ несогласіе между собою, въ концѣ-концовъ естественно должны были привести, особенно болѣе образованныхъ книжныхъ справщиковъ, къ мысли обратиться къ греческимъ подлинникамъ и по нимъ править наши книги, такъ какъ

1607 году, а оконченному въ 1610 году, говорится: «отъ многихъ бо хѣтъ сія книга, егда отъ греческаго языка на словенскій переведена, и мнози преводници, или преписующи, или изрониши, или смѣсиши, или въ чѣмъ погрѣшиши» (Опис. старопеч. книгъ Царскаго № 50). Въ послѣсловіи къ Потребнику, начатому печатаніемъ въ 1631 году, а оконченному въ 1633 году, говорится: «слышавши бо благочестивѣйшіе пастыріе оны, Богомъ вѣнчанный царь и отецъ его святѣйшій патріархъ, мною такое и пречашно еже въ божественныхъ писаніяхъ разгласіе, еже къ заповѣдемъ Господа нашего Іисуса Христа неслычное стихословіе, и сія разумно внемлюще не малу вину быти благочестію, и помышляюще, каѣя и откуду естъ вина такого разгласія божественныхъ писаній церковнаго соединенія: и на мнози испытующе, и отъ блаженныхъ писаній извѣщевашуся, яко ничѣмъ же мнѣ въ житейскихъ вещехъ истинѣ быти въ предреченной винѣ, точїю за небреженіе и тѣноту и негѣдїи божественныхъ писаній, вслѣдъ несогласіе и разстояніе въ церковнѣмъ соединеніи случается, и тако самовольнѣ терпѣемъ небреженія путь правый покрывашеся». Въ виду этого царь и патріархъ «восхотѣша во святѣй величїи и апостольской церкви несогласная въ божественныхъ писаніяхъ согласіемъ исправити... повелѣста отъ градовъ книги харатейныя добрыхъ переводовъ древнихъ собирать, и ко свидѣтельству божественныхъ писаній благоразсудный оной совѣтъ принодавати, и отъ тѣхъ древнихъ харатейныхъ книгъ божественныхъ писаній стихословіе исправляти, яже неисправленіемъ отъ преписующихъ и многолѣтнихъ обычаевъ погрѣшена быша» (ibid № 99). Съ особенною силою о невозможности издавать исправныя печатныя книги, на основаніи только старыхъ славянскихъ переводовъ, заявляютъ справщики при патріархѣ Іосифѣ. Издавая въ 1647 году книгу Іоанна Лѣствичника, они заявляютъ въ послѣсловіи: «еще же вамъ, христоименному достоянію, и о семъ не неизвѣстно буди, яко не мали переводы сія святія книги Лѣствичи къ тѣсненію печатнаго дѣла собраны, еще же и самая та книга, Лѣствича, иже въ Царѣградѣ списася инокомъ трудолюбивымъ Ефремомъ, въ обители пресвятыя мѣланичицы нашея Богородицы Иперивлето, въ хѣто 6929, но вси несогласіемъ друга друзѣй въ неимѣ согласуютъ: иже въ сей напередѣ, то въ друзѣй назади, въ тѣноту реченія словесъ и не порядку, и не точїю же се, но и въ сущихъ речехъ и толкованіихъ много не стоятся; но не ненавиждомъ бо въ Цареградскую, правленія ради реченій, зане бѣше въ переводѣ крѣпчайши прочїихъ, а не раду. И о семъ да никтоже на ны поречетъ, яко друга друзѣй книга не согласуетъ: не нами бо сіе, но отъ преже насъ бывшихъ, паче же, еже во грѣсехъ преводы съ преводами несогласующеся, а и еще въ древнихъ мѣстѣхъ. Якоже глаголетъ преподобный отецъ Никонъ, черныя горы инокъ, вторыя своя книги

только при этомъ условіи будетъ полная возможность издавать у насъ вполне исправныя церковныя книги. Къ этой именно мысли и пришли книжные справщики при патріархѣ Іосифѣ. Но такъ какъ у насъ доселѣ книги исправлялись только по славянскимъ переводамъ, а къ греческимъ книгамъ большинство относилось очень подозрительно, то іосифованіе справщики повели дѣло очень осторожно, сначала рѣшились приготовить почву для замышляемаго дѣла, а потомъ, когда общественное мнѣніе будетъ нѣсколько подготовлено, приступить и къ его осуществленію. Уже Кириллова книга и книга о Вѣрѣ значительно подрывали, какъ мы видѣли, предубѣжденіе русскихъ противъ грековъ вообще и утверждали русскихъ въ той мысли, что греки такъ же православны, какъ и русскіе; послѣ этого оставалось разрушить предубѣжденіе русскихъ противъ греческихъ книгъ и вкоренить въ нихъ убѣжденіе, что наши церковныя книги должны быть исправлены по греческимъ, причемъ исправленіе должно быть поручено людямъ, получившимъ научное образованіе. Это должно было сдѣлать очень обширное, составленное въ Москвѣ, предисловіе къ грамматикѣ Мелетія Смотрицкаго, напечатанной у насъ въ 1648 году.

Въ предисловіи къ грамматикѣ Мелетія Смотрицкаго приводятся обширныя выписки изъ тѣхъ сочиненій Максима грека⁴⁴⁾, гдѣ только онъ говоритъ о своихъ книжныхъ исправленіяхъ. Всѣми этими выдержками изъ сочиненій Максима Грека имѣется въ виду внушить читателямъ такіа мысли: русскія церковныя книги дѣйствительно очень неисправны, заключаютъ въ себѣ много погрѣшностей, которыя произошли или отъ недостаточныхъ знаній всѣхъ тонкостей греческаго языка первыми переводчиками, или „отъ переписующихъ ихъ ненаученныхъ сушихъ и неискусныхъ въ ра-

въ первомъ своемъ словѣ, еще: потребно же есть вѣдати, яко иже изначала сущая братія со мною свѣдѣтъ, яко различни типики, студійскія же и іеросалимскія, собрахъ и прочтохъ, и не согласишася единъ къ другому, нѣже студійскій съ другимъ студійскимъ, ни іеросалимскій, съ другимъ іеросалимскимъ... Сиде убо глаголетъ преподобный отецъ Никонъ, *по сему убо и въ прочіихъ познаваемъ якоже и сами нынѣ зримъ несходство*». (Ibid. № 154).

⁴⁴⁾ Мы приводимъ здѣсь содержаніе только второй части предисловія, о первой же, трактующей о пользѣ научнаго образованія, скажемъ послѣ.

„зумѣ и хитрости грамматическѣй“, которые, „послѣ первыхъ“, „кстати, якобы исправить и наиболее испортили“. Исправленіе книгъ Максимомъ было не только дѣломъ необходимымъ, но и богоугоднымъ, почему Максимъ и осуждаетъ тѣхъ, которые „не точію возбраняють такому богоугодному дѣлу“, но даже называютъ его за это ерестикомъ. Исправленіе русскихъ церковныхъ книгъ не можетъ „прилагать велию досаду возсѣившимъ въ русской землѣ пренодобнѣйшимъ чудотворцемъ“, которые „святѣйшими священныхъ книгъ благоугодиша Богови, какъ это говорили неразумные люди Максиму. Дары Святаго Духа даются людямъ различныя—одному даръ пониманія языка, а другому, и именно русскимъ святымъ, этого дара не было дано. Русскимъ чудотворцамъ также не можетъ быть никакой досады отъ книжнѣхъ исправленій, какъ отъ того, что Симмахъ, Феодотъ и Акила исправили Ветхій Заветъ, не было поношенія всѣмъ тѣмъ святымъ, которые жили до нихъ. Русскія книги слѣдуетъ исправлять и именно по греческимъ книгамъ, какъ своему первообразу и первоисточнику, въ подтвержденіе чего предисловіе приводитъ слѣдующее мнѣніе объ этомъ ученика и сотрудника Максима, Силуана: „аще ли кто отъ ученыхъ обращетъ разумъ разуму несогласующъ, той да вручитъ первообразную ону богодохновенную исторію алаиную, самую ту матеръ сѣя, и тако отъ тоя сумнѣніе свое и иныхъ многихъ, да разрѣшаетъ, и неисправленное исправляетъ безъ сомнѣнія всякаго, сѣя и намъ пріятна и зѣло желательна, *кромѣ же сѣя да не прельстится починити, да не реку испортити*“. Исправлять русскія книги съ греческихъ должны только люди, въ совершенствѣ знающіе греческій языкъ и при этомъ хорошо изучившіе разныя науки. Максимъ Грекъ говоритъ объ этомъ: „аще кто недоволенъ и совершеннѣ научился будетъ яже грамматикѣ и риторикѣ и самыя философіи, не можетъ прямо и совершенно ниже разумѣти писуемая, ниже приложить я на инъ языкъ“. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „Еллинскій языкъ, сирѣчь греческій, зѣло есть хитрѣйшій, не всякъ сиче удобъ можетъ достигнути силы его до конца, аще не многа лѣта просидѣлъ кто будетъ у нарочитыхъ учителей и той, аще грекъ будетъ родомъ и умомъ остръ, еще же и охочъ, а точію не таковъ, учится убо отъ части, а въ совершеніе его не дошелъ, якоже обрѣтаю случшееся и присно-

памятныхъ переводниковъ святыѣхъ писаній отъ греческаго языка на русскій“... Приводятся и слѣдующія слова ученика Максима, Силуана: „вѣѣ многихъ отъ тщесавія въ таково безуміе пришедшихъ, яко невѣдѣти ничего грамматичнаго устроенія, ниже родовъ, ниже временъ, ниже окончаней и прочихъ таковыхъ, яже изложиша премудрѣйшіе учителя, та же съ таковыми неразуміемъ шатающихся предлагати неудобъ разумная и поправляти, да не реку сопротивная творити“¹²⁾.

Такимъ образомъ подъ покровомъ авторитета всѣми уважаемаго и почитаемаго Максима грека, этого единственнаго ученаго человека московской Руси, Іосифовскіе книжные справщики смѣло и рѣшительно проводятъ ту мысль, что русскія церковныя книги очень неисправны и потому нуждаются въ немедленномъ тщательномъ исправленіи, которое не заключаетъ въ себѣ ничего предосудительнаго или противнаго благочестію, что исправлять наши церковныя книги слѣдуетъ по греческимъ, какъ своимъ первообразамъ, такъ какъ только подъ этимъ условіемъ наши книги могутъ издаваться вполнѣ исправными, что исправленіе книгъ должно быть поручено людямъ не просто только знающимъ греческій и славянскій языкъ, но людямъ правильно и научно образованнымъ, такъ какъ только они могутъ понимать всѣ тонкости языка греческаго и славянскаго.

Эти заявленія Іосифовскихъ книжныхъ справщиковъ произвели свое дѣйствіе. Въ 1549 году, по вызову правительства къ намъ являются ученые, знающіе греческій и латинскій языки, кіевляне:

¹²⁾ Іосифовскіе книжные справщики и ранѣе 1648 года заявляли уже объ исправленіи книгъ по правиламъ грамматики и о необходимости ея изученія для справщиковъ. Въ послѣсловіи къ Апостолу 1644 года они говорятъ: «и о семъ же васъ не умолимъ, яко да не позааритъ ваша купно общаго свѣта совѣсть, егда убо узрите въ письменѣхъ (яковы рещи занедовыченіе) странность или въ просодіи, и возмнитъ вы яко ново сіе и необычно: ей ей не ново и не нами убо сія вписашася, но ово убо отъ древнихъ вѣдущихъ доброписцевъ нашихъ Великія Руси, овоже отъ грамматическаго любомудрія, сирѣчь отъ осмочастнаго разумнїя и правленія въ родѣхъ, въ числѣхъ, въ кадеѣхъ, во временѣхъ, въ лицѣхъ, въ наклоненїяхъ... А грамматическаго убо, сирѣчь осми частей слова и разума вѣдѣніе, трудно, но внятельно и смыслу сердець нашихъ просвѣтительно; безъ сего убо кто и мняся видѣти, ничтоже вѣсть, того ради учайся и внимай, да внимаєтъ и о прочихъ (Описъ старопеч. книгъ Царскаго № 181).

Епифаній и Арсеній, а въ слѣдующемъ 1650 году Дамаскинъ Птичій, для перевода Библии съ греческаго языка на славянской. И другія церковныя книги уже при патриархѣ Іосифѣ начинаютъ у насъ исправлять съ греческихъ, о чемъ открыто и заявляютъ іосифовскіе книжные справщики. Въ послѣсловіи къ извѣстной Іосифовской Кормчей, которая начата печатаніемъ по повелѣнію государя „по совѣту и благословенію“ патриарха Іосифа въ 1649 году 7 ноября, говорится: „буди вамъ, христонименному достоянію, всѣмъ извѣстно: яко да союзъ мира церковнаго твердо, въ душѣ кротости хранится и да не будетъ, несогласія ради, распри въ церковномъ тѣлеси, сего ради, многія преводы сея святыя книги, Кормчии, ко свидѣтельству типографскаго дѣла, собраны быша; въ нихъ же едина паче прочихъ, въ сущихъ правилѣхъ крѣпчайшии, *наипаче же свидѣтельствова ту книгу греческая Кормчая книга*, Паисіи патриарха святаго града Іерусалима, яже древними писцы написана за многія лѣта, ему же патриарху Паисіи въ та времена бывшу въ царствующемъ градѣ Москвѣ“⁵⁶⁾. Въ послѣсловіи къ Шестодневу 1650 года говорится: „подобаетъ вѣдати, яко яже въ книгѣ сей указы о ипакояхъ, на павечерняхъ по трисвятомъ, и на полунощницахъ по трисвятомъ же, и по шестой пѣсни, вмѣсто воскресныхъ кондакъ, указаны на ряду кондакъ—заступнице христіаномъ, отложить подобаетъ. Глаголати же вмѣсто того и на павечерняхъ и на полунощницахъ и по 6 пѣсни, егда не поется святому помѣлеосъ, непременно воскресныя кондаки высоты ради воскреснаго дне; ипакой бо точію по непорочныхъ глаголются, *помеже и во греческихъ переводѣхъ по сему же уставу обрѣтохомъ*, еже воскресныя кондаки на тѣхъ мѣстѣхъ глаголати. *Сего ради и послѣдующе сему такоже указомъ и положихомъ въ концѣ книги сел.* На ряду же указанному да не дивится никтоже, ниже смущается о семъ, *зане съ прежнихъ переводовъ печатано, а греческихъ еще не видѣхомъ*“. Т.-е. справщики заявляютъ, что положенные ими въ самой книгѣ указы вмѣсто воскресныхъ кондаковъ пѣть, въ означенныхъ случаяхъ кондакъ „заступница усердная“, слѣдуетъ оставить и пѣть воскресныя кондаки, какъ это показано на двухъ послѣднихъ припечатанныхъ послѣ листахъ книги. Эту перемѣну они произво-

⁵⁶⁾ Опис. старопеч. книгъ Толстаго № 114, Царскаго № 168 и 169.

дать потому, что такъ найдено ими положеннымъ въ греческихъ книгахъ. Въ самой же напечатанной ими книгѣ „Шестодневъ“ эти перемѣны не произведены потому, что во время печатанія книги у нихъ еще не было подъ руками греческихъ книгъ и имъ пришлось печатать съ прежнихъ переводовъ, греческія же книги явились у нихъ тогда, когда печатаніе Шестоднева уже было кончено. Ясное дѣло, что уже при патриархѣ Іосифѣ, не позже 1650 года рѣшено было при изданіи церковно-богослужебныхъ книгъ справляться съ греческими книгами и по нимъ производить нужныя исправленія, причемъ, какъ это видно изъ приведенныхъ свидѣтельствъ, Іосифовскіе справщики не только на дѣлѣ справлялись съ греческими книгами, но и давали имъ въ случаѣ разногласія преимущество предъ славянскими переводами.

Такимъ образомъ при патриархѣ Іосифѣ не только точно и опредѣленно намѣчена была та программа книжныхъ исправленій, которой потомъ слѣдовалъ Никонъ, но уже при Іосифѣ ее начали приводить въ исполненіе, при немъ найдены были и ея исполнители, такъ что Никону въ этомъ отношеніи приходилось только продолжать то дѣло, которое было начато его предшественникомъ.

аввакумъ, пероновъ, лазаръ и другіе противники церковной реформы. Никона, а между тѣмъ и доселѣ это мнѣніе о книжныхъ исправленіяхъ Іосифа поуми всѣми признается какъ достовѣрное. Оно основывается на свидѣтельствѣ митрополита Игнатія тобольскаго, который, въ третьемъ своемъ посланіи, говоритъ, что Аввакумъ, Лазарь, Никита, Ѳеодоръ, Нероновъ и Стефанъ Вонифатьевъ „вели въ оно время (въ концѣ патриаршества Іосифа) имѣяху дерзновеніе къ самодержцамъ“, напечатали въ разныхъ церковныхъ книгахъ армянскія мнѣнія, такъ какъ патриархъ Іосифъ, „мужъ престарѣлый, все оно исправленіе книгъ возложи на совѣтъ вышепомянутыхъ протопоповъ и поповъ и ничтоже о семъ печашеся, ввѣришася убо ему“. Съ этого именно времени, говоритъ Игнатій, по Руси и распространилось двоеперстіе и другія раскольничьи мнѣнія, съ этого именно времени „все отъ мала и до велика отъ тѣхъ книгъ, начаша двойцею перстовъ на себѣ крестъ изображати“ ⁵⁷). Это мнѣніе Игнатія тобольскаго безъ всякой повѣрки было принято, какъ несомнѣнное, нашими церковными историками и полемистами съ расколомъ. Но въ послѣднее время его достовѣрность была однако значительно поколеблена. Были найдены и напечатаны сохранив-

ГЛАВА IV.

Изъ сказаннаго нами о состояніи книжныхъ исправленій при патриархѣ Іосифѣ само собою слѣдуетъ, что книжными справщиками при Іосифѣ никакъ не могли быть такіа лица какъ Аввакумъ, Нероновъ, Лазарь и другіе противники церковной реформы. Никона, а между тѣмъ и доселѣ это мнѣніе о книжныхъ исправленіяхъ Іосифа поуми всѣми признается какъ достовѣрное. Оно основывается на свидѣтельствѣ митрополита Игнатія тобольскаго, который, въ третьемъ своемъ посланіи, говоритъ, что Аввакумъ, Лазарь, Никита, Ѳеодоръ, Нероновъ и Стефанъ Вонифатьевъ „вели въ оно время (въ концѣ патриаршества Іосифа) имѣяху дерзновеніе къ самодержцамъ“, напечатали въ разныхъ церковныхъ книгахъ армянскія мнѣнія, такъ какъ патриархъ Іосифъ, „мужъ престарѣлый, все оно исправленіе книгъ возложи на совѣтъ вышепомянутыхъ протопоповъ и поповъ и ничтоже о семъ печашеся, ввѣришася убо ему“. Съ этого именно времени, говоритъ Игнатій, по Руси и распространилось двоеперстіе и другія раскольничьи мнѣнія, съ этого именно времени „все отъ мала и до велика отъ тѣхъ книгъ, начаша двойцею перстовъ на себѣ крестъ изображати“ ⁵⁷). Это мнѣніе Игнатія тобольскаго безъ всякой повѣрки было принято, какъ несомнѣнное, нашими церковными историками и полемистами съ расколомъ. Но въ послѣднее время его достовѣрность была однако значительно поколеблена. Были найдены и напечатаны сохранив-

⁵⁷) Стр. 92—103.

шлись до нашего времени списки справщиков книг за XVII^ю векъ съ точнымъ обозначеніемъ, когда и кто занимался книжною справою и сколько за это получалъ⁸⁹⁾. Въ этихъ спискахъ имена Аввакума, Лазаря, Неронова и другихъ вовсе нѣтъ, хотя справщики книги за время Іосифа и указаны. Нѣнобе дѣло, что упомянутыя лица вовсе не были истинными справщиками. Но окончательно оставить это мнѣніе въ іосифовскихъ справщикахъ, какъ ошибочное, даже самые лучшие новейшіе историки не рѣшаются въ виду тѣхъ трудныхъ вопросовъ, которые тогда возникаютъ при объясненіи новой пренавѣемой порчи нашихъ церковныхъ книгъ при патриархѣ Іосифѣ. Если въ действительности истинными справщиками при патриархѣ Іосифѣ были не извѣстные неизвѣстные протоиереи и иереи, сдѣлавшіе по толкѣ противныя истиннымъ исправленіямъ Никона, а совсѣмъ другія лица, люди для тогдашнихъ временъ очень образованные и на инфортомъ отношеніяхъ даже либеральные⁹⁰⁾, то откуда же и кѣмъ въ такомъ случаѣ внесены были въ наши печатныя іосифовскія книги жоройденныя московскія неизвѣстныя раскольничьи мѣтки? Чтобы избежать отвѣта на этотъ вопросъ преобр. Макарій, въ своей Исторіи русской церкви, думаетъ объяснить дѣло такимъ образомъ: онъ признаетъ, что Аввакумъ, Лазарь и другіе действительно не были простыми, обыкновенными справщиками, почему ихъ имена и не попали въ списки книжныхъ справщиковъ, но за то они имѣли высшій, верховный надзоръ за истинными исправленіями, такъ что имъ принадлежала послѣдняя редакция всѣхъ предназначенныхъ къ печатанію книгъ, благодаря чему они и имѣли полную возможность

⁸⁹⁾ Румянцевъ, Древн. знанія Москов. печатнаго двора, въ Древностихъ Моск. Археолог. Общ. II, отд. I, примѣч. 67. Прибав. къ Творен. Св. Отцовъ 1883 г., кн. IV, статья И. Маневцова: «Какъ у насъ правились церковныя книги», стр. 536—542.

⁹⁰⁾ Около 1647 года вѣроятно было напечатано житіе ирододобнаго Сергія, въ составѣ котораго вошли нѣкоторыя его чудеса. Но печатники не хотѣли печатать всѣхъ новыхъ чудесъ, истину бо глаголаху даже быти и дивити, съ слѣдчай, а не съ чудеса. (Временникъ Общ. Ист. и Древн. кн. X, смѣсь, стр. 5—6). Понятно, что подобное скептическое отношеніе къ некоторымъ новымъ чудесамъ преп. Сергія, помѣщеннымъ въ это житіе, не могло исходить отъ такихъ лицъ, какъ Нероновъ, Аввакумъ и др.

внесутъ въ наши церковныя книги и дѣйствительно внесли тамъ раздѣляемыя ими раскольничьи мнѣнія. Думаютъ такое вниманіе дѣла поддѣлать, ссылаясь на Арсенія Сукаева, "который въ своихъ преніяхъ съ правдой о вѣрѣ между прочимъ заявляетъ, за у насъ книги правятъ избранные люди и безпрестанно, какъ ними дѣлать, а какъ тѣми книжками надзираютъ, по государству, указу митрополита и архимандрита и прочее, кому государь указывать, и о чемъ дѣла докладывать государю и патриарху". Покъ протопечамъ, такъ бытъ высшій санъ зоръ за справщиками книгъ и нужно, поспѣшить, разумѣть живъ вѣстныхъ протопечамъ: Аввакума, Лазаря, Неронова.

Но и въ такомъ, уже значительномъ смѣщенномъ видѣ мнѣніе о томъ, что разныя раскольничьи статьи внесены въ іосифовскія книги Аввакумомъ, Лазаремъ и Нероновымъ, не можетъ быть принято, такъ какъ эти протопеки въ дѣйствительности никогда не имѣли никакого отношенія къ книжнымъ исправленіямъ во времена патриарха Іосифа.

Мы уже видѣли, что іосифовскіе справщики не только открыто и рѣшительно заявляли на разъ о несправильности шапскихъ евангельскихъ переводовъ, вообще о необходимости сдѣлать ихъ съ греческими подлинниками, о прекосаженіи книжной справы людьми, получившимъ серьезное научное образованіе, едновѣстно изувѣрившимъ языки греческій и славяскій, но и не одни они при Іосифѣ уже начали исправлять наши церковныя книги съ греческихъ. Точно также мы видѣли, что іосифовскіе справщики епископъ печатають въ Молдавѣ промавленія, много-русскими языками, даже издавая ихъ за тѣрраніи св. отцовъ, что въ вышецитированныхъ ими книгахъ они настойчиво проповѣдуютъ о полномъ православіи грековъ, о необходимости сноситься съ ними по всемъ церковнымъ вопросамъ и во всемъ поступать единомысленно съ ними,—такъ что въ дѣйствительности іосифовскіе справщики во всемъ были предшественниками Никона, подготавливали для его реформы почву и въ частности, относительно книжныхъ исправленій были съ нимъ вполне единомысленны: Никонъ былъ только продолжателемъ дѣла, начатаго іосифовскими справщиками. Думать послѣ этого, что Аввакумъ, Лазарь и Нероновъ дѣйствительно были при Іосифѣ или справщиками книгъ, или имѣли за

изданіемъ высшій надзоръ, значить допускать слишкомъ вопіющую несообразность, нѣчто рѣшительно невозможное.

Та же полная несообразность этого мнѣнія обнаруживается и при соображеніи другихъ данныхъ.

Важнѣйшая старообрядческая особенность—ученіе о двоеперстїи, въ первый разъ внесена была въ Псалтырь, которую начали печатать 11 сентября 1642 года, а окончили въ томъ же году 31 декабря. Въ этой Псалтыри есть нѣсколько сводныхъ статей, изъ которыхъ вторая заглавляется такъ: „Вѣдомо буди и о семъ, яко подобаетъ всякому христіанину вѣдати извѣстно, како лице свое крестити крестобразно и истово“... и пр. Вся статья о перстосложеніи изложена буквально сходно съ тѣмъ, какъ она была потомъ напечатана въ знаменитой Кирилловой Книгѣ, появившейся въ 1644 году. Значить, первое появленіе въ печатныхъ іосифовскихъ книгахъ ученія о двоеперстїи относится къ 1642 году. Теперь спрашивается: въ 1642 году были ли въ Москвѣ протопопы Аввакумъ, Лазарь, Нероновъ, предполагаемые справщики книгъ, первые будто бы внесшіе въ нихъ ученіе о двоеперстїи? Вотъ данныя для рѣшенія этого важнаго вопроса: въ 1644 году протопопомъ московскаго Благовѣщенскаго собора былъ священникъ Никита⁶⁰⁾. Значить духовникъ царя Алексѣя Михайловича, Стефанъ Вонифатьевичъ, выдвигнувшій Неронова, Аввакума и др. сдѣлался протопопомъ Благовѣщенскаго собора не раньше 1645 или 1646 года, когда онъ, какъ духовникъ новаго царя, сталъ особенно значительнымъ человекомъ. Стефанъ тѣсно сблизился съ Ѳеодоромъ Ртищевымъ и вмѣстѣ съ нимъ, съ одобренія царя, назначилъ протопопомъ московскаго Казанскаго собора Іоанна Неронова, который ранѣе былъ приходскимъ священникомъ въ Нижнемъ Новгородѣ. Слѣдовательно Нероновъ переселился въ Москву изъ Нижняго Новгорода никакъ не ранѣе 1646 или 1647 года. Что же касается

⁶⁰⁾ «Благовѣщенскаго собора, что у государя на Овнѣхъ, приходившіе къ патриарху съ праздничною са. модаю протопопы: 152 г.—Никита; 154—155 г.—Стефанъ Вонифатьевичъ» (Матеріалы для ист. археол. и статистики москв. церквей—Забѣлина, стр. 169 и 1.040).

Аввакума, то онъ самъ даетъ опредѣленные свѣдѣнія о времени своего переселенія въ Москву. Сначала онъ былъ сельскимъ священникомъ въ Нижегородской области, а потомъ былъ поставленъ протопопомъ Юрьевца-Повольскаго, гдѣ онъ пробылъ всего только восемь недѣль и затѣмъ бѣжалъ въ Москву. Вскорѣ послѣ этого, по словамъ Аввакума, „Никонъ, другъ нашъ, привезъ изъ Соловковъ мощи Филиппа митрополита“. Значить, Аввакумъ поселился въ Москвѣ только уже въ послѣдній годъ патріаршества Іосифа ⁴¹⁾ и въ Москвѣ, по его собственнымъ словамъ, занимался не книжными исправленіями, а тѣмъ, что читалъ въ Казанскомъ соборѣ народу книги, т.-е. отеческія поученія, такъ какъ онъ, переселившись въ Москву, приписался къ Казанскому собору, протопопомъ котораго былъ его другъ, Нероновъ. Аввакумъ же указываетъ и на время, когда въ Москву перебрался и костромской протопопъ Даниилъ. Именно онъ рассказываетъ, что когда ему пришлось бѣжать изъ Юрьевца въ Москву, то онъ „на Кострому прибѣжалъ, ано и тутъ протопопа жъ Даниила изгнали“. Следовательно Даниилъ явился въ Москву не задолго до прибытія сюда Аввакума, т.-е. въ послѣдніе мѣсяцы патріаршества Іосифа. Логинъ былъ взятъ въ Москву изъ Рязани уже при патріархѣ Никонѣ. Лазарь и Никита въ то время еще вовсе не были въ Москвѣ.

Такимъ образомъ предполагаемые книжные справщики при патріархѣ Іосифѣ, протопопы: Нероновъ, Аввакумъ, Даниилъ, Логинъ появились въ Москвѣ—первый никакъ не ранѣе 1646—1647 года, Аввакумъ въ послѣдніе только мѣсяцы патріаршества Іосифа, а Логинъ и Лазарь—уже при Никонѣ. Теперь спрашивается: какимъ же образомъ эти лица могли принимать прямое, или не прямое участіе въ книжныхъ исправленіяхъ, могли вносить старообрядческія мнѣнія въ наши церковныя книги, напечатанныя еще при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ въ 1642 году, когда ихъ въ это время и въ Москвѣ-то вовсе не было? Какимъ образомъ напримѣръ Аввакумъ, бывшій до пятидесятихъ годовъ

⁴¹⁾ Въ послѣдствіи онъ, Аввакумъ, Иванъ, показывалъ, что отецъ его выхаживалъ изъ Москвы изъ Юрьевца въ 1659 году, т.-е. въ 1661 г. (Евдокимъ, Опис. раск. дѣл. XVIII стол. т. I, стр. 119).

простыми; никому неизвестнымъ сельскимъ священникомъ; могъ влізть изъ своего села въ Нижегородской области на печатаніе въ Москвѣ церковныхъ книгъ, на внесеніе въ нихъ разныхъ не подобающихъ статей? Ясное дѣло, что считать Неронова, Аввакума, Данила и Лазаря справщиками книгъ при Іосифѣ или верховными руководителями книжной справы, видѣть именно въ нихъ виновниковъ появленія въ нашихъ церковныхъ книгахъ различныхъ старообрядческихъ мѣшій, значитъ допускать нечто совершенно несообразное и совсѣмъ невозможное. Да и вообще странно было бы какого-нибудь Аввакума видѣть въ роли книжного справщика, а тѣмъ болѣе верховнаго руководителя книжной справы, когда онъ, по словамъ его единомысленика и почитателя, извѣстнаго дьякона Федора, не могъ грамотно прочесть даже и свою собственную имѣвшуюся Псалтырь и отличить въ ней простую опечатку отъ подлиннаго текста; когда онъ даже относительно основнаго христіанскаго догмата, въ ученіи о Св. Троицѣ, впадаетъ въ еретическое мудрованіе. Какъ ли была была древняя Русь образованными людьми, все-таки дѣло въ этомъ отношеніи не доходило до того; чтобы у насъ справщиками книгъ дѣлали лицъ не могущихъ читать грамотно; не могущихъ замѣтить въ книгѣ простой опечатки и не имѣющихъ правильнаго представленія даже о Св. Троицѣ. Думать такъ значило бы слишкомъ уже злоупотреблять представленіемъ о всеобщемъ невѣжествѣ въ древней Руси и слишкомъ уже унижать, въ ущербъ истинѣ, нашу древнюю церковную жизнь ⁴²⁾

⁴²⁾ Послѣ Неронова, Аввакума, Лазаря и другихъ противниковъ церковной реформы Никона осталось много сочиненій, въ которыхъ они постоянно говорятъ о великихъ исправленіяхъ при Никонѣ, считают новонаправленныя книги со старыми печатными, и въ то же время ни разу и нигдѣ не говорятъ того, чтобы кто-нибудь изъ нихъ когда-либо былъ книжнымъ справщикомъ, — умолчаніе рѣшительно ничѣмъ необъяснимое, еслибы они, какъ предполагаютъ, дѣйствительно были книжными справщиками при Іосифѣ. Еслибы еще кому и можно было приписать эту противниковъ реформы Никона участіе въ книжныхъ исправленіяхъ при Іосифѣ, то единственно двумъ лицамъ: Павлу, епископу коломенскому и Іоанну Неронову, такъ какъ они двое изъ всѣхъ противниковъ реформы Никона дѣйствительно жили значительное время въ Москвѣ при Іосифѣ и потому имѣли возможность заведывать книжною справкою или же дѣлать ее дею верховный над-

Какъ несправедливо житіе, чтобы книжники сиравашились при патриархѣ Іосифѣ были прѣстѣние противники морковной ре-

зоръ. Но и это, единственно возможное предположеніе, рѣзительно опровергается свидѣтельствомъ дьякона Теодора, который говоритъ: «на епископа Павла коломенскаго, новаго исповѣдника, и на казанскаго протопопа Іоанна Неронова писалъ Никонъ тогда ко греческимъ патриархамъ ложныя басни, оправдывающія себя, а на нихъ клеветы, надъ дѣломъ, будто они составили новыя молитвы: и чины церковныя и чины людей развратили, и отъ соборнаго царства отдалены». Намъ же всѣмъ православнымъ христіанамъ во всей русской земли вѣдомо о томъ, яко нѣсть ихъ творенія, Павлова и Іоаннова, ни единыя молитвы, ни тропаря новаго, и единого слова развратнаго не вложили они въ старыя книги ни гдѣ отиуди, и раскола въ церкви отъ нихъ не бывало никакого, и у книжника *сирасы на мечтательномъ дворѣ не саживали, и не набиривали не бывали едѣна о семъ всей Москвѣ* (Матер. для ист. раск. Субботина, т. VI, стр. 198—199). Заподозривать это свидѣтельство Теодора о Павлѣ коломенскомъ и Нероновѣ невозможно,—это дѣло было вѣдомо всей Москвѣ и она немедленно обвинила бы Теодора во лжи, еслибы онъ сказалъ неправду. Здѣсь кстати уже укажемъ еще на одинъ выдающійся фактъ, который прямо и рѣзительно говоритъ что по крайней мѣрѣ протопопа Аввакума не только не было справедливымъ при Іосифѣ, но что онъ даже не былъ особеннымъ поклонникомъ и почитателемъ іосифовскихъ книгъ, по крайней мѣрѣ въ первое время. Какъ извѣстно Аввакумъ, Лазарь, дьяконъ Теодоръ сосланы были въ Пустозерскъ, гдѣ между ними возникли горячія препирательства по разнымъ богословскимъ вопросамъ, во время которыхъ протопопа Аввакумъ очень опредѣленно выразилъ свое отношеніе къ іосифовскимъ книгамъ. Дьяконъ Теодоръ говоритъ, между прочимъ, и слѣдующее о своей распрѣ съ Аввакумомъ: «а, о образѣ Святыя Троицы съ протопопомъ Аввакумомъ у меня распра бысть до казни еще здѣшняя, о единомъ стихѣ токмо, еже въ тройческомъ канонѣ 6 гласа, на воскресной полунощницѣ, во Псалтирихъ со возсѣдованіемъ поется 1 пѣсни стихъ той: пресущный единый Господь и трисіянные образы, въ тождествѣ зрака сый, и прочая. *Сие въ его Псалтири аввакумомъ напечатано три. Осаба патриарха*». Сказавъ потомъ, что опечатка іосифовской Псалтири была потомъ исправлена, Теодоръ говоритъ: «а у мене въ то время Псалтирь бысть учебная Іосифа патриарха, въ ней же положено богословія святыхъ отецъ Афанасія, и Кирилла, и Маврися. Маврисяника: и тамо учать святыхъ отцы къ вопрошающимъ единый образъ показывати, а состави и лица три. И таки три лица и три состави во единомъ образѣ. И въ Камхизисѣ также богословія есть. И азъ тѣ книги виду, протопопу, показывалъ, еже учать насъ три лица Святыя Троицы исъсвѣдывать во единомъ образѣ и единому трисіянному зраку Вечества показывати научи. И *было имѣти книгамъ* (т. е. іосифовскимъ) *по отримъ и сою Псалтирь* (іосифовскую) *ириоте естъ имѣти книги называлъ*. Дѣло, дьяконъ Теодоръ разсказываетъ: «а въ той же Псалтири его (Аввакума), которую онъ называлъ *еже въ книгѣ*»

формы. Никона, протопопы: Нероновъ, Аввакумъ, Лазарь и дру-
гіе, такъ рѣшительно несправедливо и то мнѣніе, что будто бы

оно, была описъ во 104 псалмѣ, сія рѣчь: и видѣ израиль во Египетѣ, и воз-
расти люди своя зѣло. А у него было: и *возврати* люди своя зѣло. И за сію
описъ болящій года бранился со мною, еже азъ то называлъ описью и веѣтъ гла-
голаше сѣ: *можеши* томъ *возрасти* люди своя Израиль, а не *возврати*. Онъ
же бранился мѣ велико: *ты же стария книги, худшия и пересидѣнныя, ни
свѣдѣтъ*, а я де за нихъ мучуся отъ никоніанъ давно тебе! Лазарь съ ними же
на меня брюжжалъ. И послѣ отъ нихъ Псалтырей позналъ, яко право глаго-
лахъ ему». (Матеріалы, т. VI, стр. 119 и 127). Итакъ протопопы Аввакумъ въ-
рился только въ свою іоасафовскую Псалтырь, ее называлъ правѣе всѣхъ іосифов-
скихъ книгъ, нѣмѣлъ же хотѣть признати, чтобы въ ней были омычати и чтобы
она требовала какого-либо исправленія. Говорить, послѣ этого, что Аввакумъ
былъ книжнымъ справщикомъ при Іосифѣ, что имъ, или его единомышленниками
внесены были въ іосифовскія книги разныя старообрядческія мнѣнія, намъ ка-
жется рѣшительно невозможнымъ. Да и вообще противники церковной реформы
Никона книгъ и никогда не выдвигаютъ на первый планъ іосифовскія книги, какъ
имѣющія рѣшительное преимущество предъ другими: старомечатными, до-
сидскими книгами, что было бы съ ихъ стараньями вродѣ естественна, еслибы они
дѣйствительно были книжными справщиками и во всѣхъ особенностяхъ іосифов-
скихъ книгъ, сравнительно съ предшествующими, видѣли свое личное дѣло. Но
они обыкновенно защищаютъ не іосифовскія книги, а старія до-
никоновскія книги вообще, вовсе не различая между іосифовскими и не-іосифовскими. Не
допускаютъ, что ихъ сѣмья на старыя книги при іосифѣ впрямь, неоправдан-
но чужды чаще замѣщаются изъ книгъ іосифовскихъ; то это явленіе легко об-
ясняется тѣмъ, что при Іосифѣ разныя книги было напечатано болѣе, чѣмъ
при его предшественникахъ патріархахъ, что іосифовскія книги исправлялись
лучше и съ болѣею тщательностію, нежели книги его предшественниковъ, что
книгъ современныхъ имъ, онѣ были имъ и болѣе извѣстны и болѣе доступны. Впрѣ-
чемъ есть одно свидѣтельство за то, что противники Никона изъ старыхъ старинныхъ
печатныхъ книгъ уважали по преимуществу книги филаретовскихъ изданій. Па-
велъ, митрополитъ крутицкій, говорить иноку Авраамію: «врагъ Божій! Да то
и *ты* *вашихъ* *любимыхъ* *Потребникахъ* *филаретовскихъ* *напечатано*... (Матер.
VII, 411). Это подтверждаетъ и Аввакумъ въ своемъ посланіи къ священнику
Отефану: «да мнози де наши духовныя люди, пишеть онъ, возмущатися и худыми
языкомъ *іосифовъ* *патріархъ*, не вѣдуще писанія, ни словъ его; заблуждающе онъ
пути истиннаго: *будто* *де* *не* *сходны* *съ* *филаретовыми* *и* *іоасафовыми*. И
мы несходства и ересей не разумѣемъ: книги добры іосифовы, а ихъ всѣхъ при-
емлю, и чествуя люблю» (Мат. V, 215). Самая возможность со стороны нѣко-
торыхъ противниковъ Никона хулить книги патріарха Іосифа, какъ несходныя съ
филаретовскими и іоасафовскими, которымъ вѣрили по преимуществу, возмоз-
жность возникновенія въ средѣ противниковъ реформы Никона вопроса: слѣдуетъ
ли признавать имъ іосифовскія книги, уже прямо, опять говорить за то, что гла-

наши церковныя книги при патриархѣ Іосифѣ подверглись особой порчѣ и искаженію вслѣдствіе невѣжества іосифовскихъ книжныхъ справщиковъ.

Главнымъ и почти единственнымъ основаніемъ для обвиненія книжныхъ Іосифовскихъ справщиковъ въ невѣжество, порчѣ и искаженіи ими нашихъ книгъ служить то обстоятельство, что только при патриархѣ Іосифѣ въ наши печатныя церковныя книги внесены были въ первый разъ извѣстныя старообрядческія особенности—ученіе о двоеперстіи въ крестномъ знаменіи, двоеніе аллилуіи и пр. Но вопросъ въ томъ, дѣйствительно ли книжные справщики временъ патриарха Іосифа должны нести всю вину и всю отвѣтственность за внесеніе ими въ наши церковныя книги извѣстныхъ такъ-называемыхъ старообрядческихъ особенностей или для того времени эти особенности вовсе не были тѣмъ, чѣмъ онѣ стали послѣ церковной реформы Никона? Въ видахъ болѣе правильнаго и безпристрастнаго рѣшенія вопроса возьмемъ важнѣйшую статью — ученіе о двоеперстіи и посмотримъ, откуда и какъ взялся этотъ обычай, чтобы видѣть, насколько правы были или нѣтъ Іосифовскіе справщики, внося это ученіе въ наши печатныя церковныя книги. Начнемъ наше изслѣдованіе съ московской Руси.

Какое перстосложеніе употреблялось собственно въ московской Руси для крестнаго знаменія, какъ господствующій, признаваемый всею церковію обычай, на это мы находимъ отвѣты въ цѣломъ рядѣ ясныхъ и опредѣленныхъ свидѣтельствъ, которыя начинаются со второй половины XV вѣка и идутъ затѣмъ непрерывно до самой церковной реформы Никона. Въ основу ученія о перстосложеніи въ московской Руси (отличаемъ отъ кievской), со второй половины XV вѣка, когда у насъ въ первый разъ возникъ вопросъ о перстосложеніи въ крестномъ знаменіи, положено было главнымъ образомъ такъ-называемое *Теодоритово слово* ⁶²⁾, которое во всѣхъ своихъ ясныхъ и опредѣленныхъ

вари раскола: Нероновъ, Аввакумъ, Даниилъ, Лазарь и др. никогда не были при Іосифѣ книжными справщиками и къ книжной справкѣ вообще не имѣли никакого отношенія.

⁶²⁾ Различныя доселѣ извѣстныя редакціи такъ-называемаго *Теодоритова Слова* напечатаны въ Братскомъ Словѣ—1876 г. Отд. II, III, стр. 197 и слѣд.

редакціяхъ учить употреблять въ крестномъ знамені двуперстное перстосложение (всѣ попытки объяснить некоторые редакціи этого слова въ пользу троеперстія рѣшительно неудачны) и такъ понимаемое *есть* русскими XVI и XVII вѣка, она внесена было во всевозможные наши рукописные сборники, въ которыхъ встрѣчается очень часто. Разъ получивши оправданное выраженіе въ Феодоритовомъ словѣ, ученіе о двоеперстіи въ крестномъ знаменіи признано было нашею церковію за единственно правильное, обязательное для всѣхъ православныхъ, исключаящее всѣ другія формы перстосложения, какъ неправильныя. Митрополитъ Даниилъ училъ: „сиде благословиши рукою и престоиди три персты равно имѣти вкуцѣ—болшеѣ, да два послѣднихъ, по образу троическу... а два перста имѣти наплетена, а не простерта, а тѣмъ указъ тамо: преобразуютъ двѣ естества Христовѣ—божество и человечество и пр.“⁶⁴⁾ Преподобный Максимъ грекъ училъ: „совокупленіемъ бо тріехъ перстъ, скрѣпѣ палца и еже отъ средняго и малаго, тайну исповѣдуемъ богоначальныхъ тріехъ ипостасей, Отца и Сына и Св. Духа, единого Бога трое. Протяженіемъ же долгаго и средняго сплетенася два естества во Христвѣ... и пр.“⁶⁵⁾. Стоглавый соборъ сдѣлалъ такое постановленіе: „иже кто не знаменается двѣма персты, якоже и Христовѣ, да есть проклятъ“. Это соборное постановленіе о двоеперстіи имѣло вполне обязательную силу, какъ это видно изъ наказныхъ списковъ митрополита Макарія, въ которыхъ онъ требуетъ употреблять двоеперстіе въ крестномъ знаменіи. Первый московскій патріархъ Іовъ пишетъ обширное посланіе къ грузинскому митрополиту Николаю, чтобы научить грузинъ держать правую христіанскую вѣру безъ всякихъ переменъ и отступленій, которые ими допущены. Въ это поученіе, составленное изъ старыхъ русскихъ поученій, патріархъ Іовъ вноситъ нѣчто отъ себя и именно относительно перстосложения въ крестномъ знаменіи. Онъ пишетъ, поучая грузинскаго митрополита: „молящися, креститися подобаетъ двѣма пръсты; прѣжъ положить на чело главы своея, тоже на перси; потомъ же на плече правое,

⁶⁴⁾ Ibid. стр. 206.

⁶⁵⁾ Это слово Максима напечатано въ Кирилловой книгѣ, л. 184, об.

тоже и на живое; отъбегіе прѣсту именуется спешествіе съ небесъ, а стоящій перстъ указываетъ вознесеніе Господне; а три персты равны держати—исповѣдуемъ троицу нераздѣльну, т.-е. истинное крестное знаменіе“⁶⁶⁾. При патріархѣ Филаретѣ Никитичѣ былъ напечатанъ въ Москвѣ послѣ долгихъ исправленій такъ-называемый большой Катихизисъ, составленный Лаврентіемъ Зизаніемъ. Въ этомъ Катихизисѣ, какъ извѣстно, находится простое, положительное ученіе о двоеперстїи, которое такимъ образомъ въ первый разъ вошло въ печатныя московскія книги при Филаретѣ, а не Іосифѣ. Въ 1637 году въ Грузію, вмѣстѣ съ царскими послами, патріархомъ Іоасафомъ отправлено было и особое посольство изъ духовныхъ лицъ (между ними былъ и Арсеній Сухановъ), въ наказъ которымъ говорится, что они посылаются въ Грузію „для исправленія и утвержденія святаго православнаго христіанскаго вѣри“⁶⁷⁾. Исполняя свою миссію, послы между прочимъ говорили грузинскимъ епископамъ: „архіепископъ вашъ и епископы и діакны сами себя знаменіемъ крестнымъ, по преданію св. апостоловъ и св. отецъ, оградить не убоютъ, а прочихъ людей благословить истинно и не знаютъ“⁶⁸⁾. Едва ли нужно объяснять, почему московскіе послы находили тогдашнее грузинское перстосложеніе въ крестномъ знаменіи и священническомъ благословеніи неправильнымъ. При патріархѣ Іосифѣ ученіе о двуперстномъ крестномъ знаменіи вносится въ разныя наши печатныя церковныя книги, а патріархъ Никонъ, въ началѣ своего патріаршества и самъ употреблялъ двоеперстіе, какъ объ этомъ прямо свидѣлствуетъ митрополитъ Игнатій тобольскій⁶⁹⁾. Такимъ образомъ такое авторитетное лицо въ московской Руси, какъ ученый Макарий грекъ, такіе выдающіеся, учительные и по тогдашнему времени ученые митрополиты, какъ Да-

⁶⁶⁾ Ист. русск. церкви Макарія, X, 72.

⁶⁷⁾ Христ. Чтен. 1884 г. мартъ, статья Билокурова: Поѣздка старца Арсенія Суханова въ Грузію.

⁶⁸⁾ Приѣзжавшіе въ Москву восточные патріархи, говорятъ Игнатію, «имѣютъ сего всесвятѣйшаго господина Никона, крестное знаменіе на себѣ положиша двоеперстнымъ сложеніемъ (понеже и великая достоинства, *еси отъ мала и до велика отъ тѣхъ (іосифовскихъ) книгъ, начаша двойцею перстовъ на себѣ крестъ изобразати*)» изобличили его въ неправотѣ. Третье посланіе Игнатія стр. 103.

инитъ и Макарий, а также наши основатели патриархи: Иовъ, Филаретъ, Иоасафъ, Иоаннъ и Никонъ, въ качествѣ патриарховъ и наконецъ, даже всѣмъ соборъ русскихъ іерарховъ (Стоглавы) неопровержимо и ясно свидѣтельствуютъ, что въ московской Руси въ концѣ XV до половины XVII вѣка, общепотребительнымъ и признаваемымъ всею церковью единственно правды и истиннаго перстосложеніе въ крестномъ знаменіи было двуперстное. Всѣ попытки православныхъ полемистовъ съ расколомъ доидебать фактъ фактъ, ихъ попытки все то доидебать до насъ редакціи въ ученіи о перстосложеніи, въ которыхъ замечается какая-либо желанность насмѣдственности, истолкованы въ пользу существованія у насъ троеперстія (какъ общепризнаваемого обычая); оказываются рѣшительно неудачными, ибо они не могутъ привести въ пользу троеперстія ни одного авторитетнаго источника вроде тѣхъ, какіе имѣются за саба двоеперстіе. Ну какъ признавъ, какъ то требуетъ историческая истина, что фактъ существованія въ московской Руси двоеперстія, стоитъ твердо и неопровержимо. А отсюда само собою становится понятнымъ, что основаніе справдывая, внося въ наши церковныя печатныя книги ученіе о двоеперстіи въ крестномъ знаменіи, никакъ не могутъ нести за это отвѣтственности, никакъ не могутъ подвергаться за это порицанію и укоризнамъ, ибо они ратовали въ этомъ случаѣ за общепотребительный и всею церковью признаваемый тогда обычай, который въ то время еще ни съ чьей стороны не подвергался сомнѣнію.

Если неудачны и совсѣмъ противны исторической истинѣ всѣ попытки нашихъ полемистовъ съ расколомъ доидебать фактъ существованія въ московской Руси двоеперстія, какъ господствующаго и общецерковнаго обычая, то точно также очень неудачны и ихъ попытки объяснить, откуда и когда возникъ въ московской Руси этотъ обычай, который они считаютъ неправильнымъ, только простымъ искаженіемъ древнѣйшей и единственно правой формы перстосложенія троеперстной. При объясненіи, откуда и какимъ образомъ въ московской Руси могло появиться неправое перстосложеніе въ крестномъ знаменіи, нашимъ полемистамъ приходится при ихъ нежеланіи быть безпристрастными, при ихъ неохотѣ серьезно и научно изучить интересующій ихъ

вопросъ, прибѣгать иногда въ очень слабымъ и даже фантастическимъ предположеніямъ, которыя не смотря на всю ихъ очевидную несостоятельность и непригодность, выдаются однако за несомнѣнную историческую истину. Таково напримѣръ старинное предположеніе, что двоѣперстіе есть будто бы армянское перестасловеніе⁴⁰⁾ и перешло на Русь отъ армянъ или новейшее предположеніе, что двоѣперстіе явилось у насъ благодаря итритымъ проискама панотра⁴¹⁾. Но уже одна возможность дѣлать подобныя предположенія—объяснять церковные обычаи древней православной Руси влѣніемъ каникъ-то армянъ или проискама латинства, умазываетъ на полное безнадѣжное положеніе тѣхъ, которые принуждены прибѣгать къ такимъ предположеніямъ.

Болѣе осторожныя и серьезныя историкъ-колеблющіе для объясненія происхожденія у насъ двоѣперстія не, ссылаются уже на армянъ и латинъ, а подыскиваютъ болѣе вѣроятныя и удобопріемлемыя предположенія. Незвѣжество древней Руси, вѣтъ кто, говорятъ они, истинный виновникъ появленія у насъ двоѣперстія, напекъ собственное незвѣжество наредѣвало древнее двоѣперстіе въ двоѣперстіе, оно же и приняло и держало свою передѣлку, какъ древній и единственно правый обихай, армяне же и латиняне тутъ ни причемъ⁴²⁾.

⁴⁰⁾ Хотя извѣстно, что греки всегда укоряли армянъ въ употребленіи въ крестномъ знаменіи только одного перста, какой армянскій обычай греки и приводили въ связь съ склонностію армянъ къ монофизитству. Объ этомъ скажемъ ниже.

⁴¹⁾ Такъ объясняетъ дѣло свѣщ. Виноградовъ въ своемъ сочиненіи «О Θεодоритовомъ Словѣ» Москва 1866 г.

⁴²⁾ Наибольшій и лучший историкъ русскои церкви, митрополитъ Макарій помѣстивъ въ Братскомъ Словѣ (ар. 1875 г.), статью: «Преподно Синодально собора о двоѣперстіи съ исторической точки зрѣнія», въ которой появленіе у насъ двоѣперстія думаетъ объяснить смѣшеніемъ сложенія перстовъ въ крестномъ знаменіи и въ священническомъ благословеніи. «Какому-нибудь грамотѣю, говоритъ онъ, любившему поумѣловать, легко могло придти на мысль, вѣтъ въ церкви употребляется двѣ разныя перстосложенія для благословенія и крестнаго знаменія, куда совершенно удобно совмѣстить ихъ въ одно, безъ всякаго нарушенія ихъ внутренняго смысла?.. Родившись въ головѣ какого-либо грамотѣя, такая мысль могла найти сочувствіе и между другими, подобными же грамотѣями и чрезъ нихъ мало-по-малу распространяться: Или дѣло совершилосъ еще проще: какой-либо благочестивый христіанинъ, разсуждая о разницѣ между тѣмъ перстосложеніемъ, которое употребляютъ пастыри церкви для благословенія въру-

неисключая съ расколомъ и со стороны некоторых чуждыхъ историковъ, но нашему мнѣнію, никакъ не можетъ быть извиняемо и оправдываемо, хотя бы самыми остроумными и бойкими разсужденіями о перахъ рускомъ невѣдомѣ, въ видѣ таинной и сѣвернаго намъ непонятной сдѣлать всѣхъ отцовъ Столпаго собора. Мы думаемъ, что представители русской церкви, настоятельно всегда были свѣдущи, чтобы умиль и отличить древній, доселѣ признаваемый всею церковію православной обрядъ, отъ другаго или неправославнаго или только что новонамыслиннаго какинъ-то невѣстнымъ невѣдомомъ думать иначе значить, по нашему мнѣнію, единномъ уже презрительно относиться къ представителямъ нашей древней церковной іерархіи, знаніи имѣть о православіи и христіанствѣ пониманіи вообще нашихъ предковъ и всей русской церкви черезчуръ уже явное представленіе, неоправдываемое дѣйствительностію.

Что двоекрестіе вовсе не было измышленіемъ невѣстныкъ, московскихъ книжниковъ и грамотеѣвъ и что вообще оно не было принадлежностію только невѣстной московской Руси, на это мы имѣемъ прямыя и рѣшительныя доказательства. По указаніямъ нашей бібліотечесъ въ Кіевѣ въ 1584 году было напечатано небольшое поученіе подъ заглавіемъ „Малое слово о крестѣ, како подобаетъ вѣнчавшимся крестнымъ, зданіемъ“⁷¹⁾. Въ дѣйствительности это не есть слово Максима о крестномъ знаменіи, но произведеніе неавѣстнаго автора, хотя въ немъ самое ученіе о перекрещеніи явлено совершенно съ Максимомъ, именно: „совокупленіемъ тріехъ частей, сирѣчь лица и же отъ средняго и малаго тайну и повѣдуемъ божественныя тріехъ ипостасей Отца, Сына и Духа Святаго, единого Бога трою. Протяженіемъ же долгаго и средняго, означеннаго два естества во Христѣ, сирѣчь самаго Спаса Христа исповѣдуемъ свершена Бога и свершена человека въ двою существу и естеству вѣруемаго и познаваемаго“... Въ 1596 году въ Виднѣ была напечатана Лаврентіемъ Зизаніемъ Азбука, въ приложеніи которой помѣщено было сочиненіе его брата Стефана Зизанія подъ заглавіемъ: „Изложеніе о православной вѣрѣ“. Въ концѣ

⁷¹⁾ Оно находится въ Моск. Румянц. музеѣ № 2.224, по указателю Ундольскаго № 96.

этого изложенія въры находится особая статья „о знаменіи крестномъ“, въ которой заключается слѣдующее ученіе о перстосложеніи въ крестномъ знаменіи: „зложеніе великаго палца зѣвѣмъ малыми значить святую Троицу, а сиклѣніе того, при великомъ до среднего, значить въ прирѣженіи и истинности въ Христѣ. Положеніе правыя руки на чело, значить двои: предвѣчное отъ Бога Отца Сыново рождество и тоеже. высокости зышолъ, а што на путь, значить иже тойже Сынъ Божій зступилъ на землю и въчеловѣчился отъ панны чистой святой Маріи и злюдиа жилъ, распятъ, умеръ, въспресе въ третій день, и взнесе на небеса, сѣдитъ одесную Отца, але еще не конецъ. А обвоженіе руки правой первъ на правое плече, а потомъ изправаго на лѣвое, значить иж въ судный день справедливыи на правиии Бога будутъ стояти, а грѣшныи на лѣвици и тое значить иж тогда справедливыи изнесутъ судъ на грѣшныхъ, правииа бо вѣмъ въ судный день лѣвицу звалчить, а не лѣвица правииу. Нынѣ бо вѣмъ лѣвица правииу преслѣдуетъ, а тогда праведницы не только людей грѣшныхъ, але и аггеловъ згрѣшившихъ осудятъ, ищи въ евангеліи отъ Марка глава 19 Лупѣ глава 22, и въ Коринѣянамъ 1 посланіе глава 2, мудрость Соломона глава 3¹⁰⁾. Въ 1602 году въ Вильнѣ была напечатана книга подъ заглавіемъ: „О образѣхъ, о крестѣ, о хвалѣ Божіей и о хвалѣ и молитвѣ святыхъ и о иныхъ артикулѣхъ въры, единое правдивое церкви Христовы“. Въ этой книгѣ, въ пятой главѣ, о крестномъ знаменіи между прочимъ говорится: „злученіамъ трехъ палцовъ посподу-то есть великаго и малаго и третьего, што подѣ малаго, исповѣдуются таежниа божественныхъ трехъ испостасей: Отца Сына и Святаго Духа, единого Бога въ трехъ лицахъ. Протягнѣніемъ же двохъ палцовъ—зѣшнато и средняго, показуется таежниа самого Господа нашего Иисуса Христа, ижъ есть досканалый Богъ и досканалый бытъ человекъ нашѣго для спасенія. Также зложивши палцы первъи кладемъ руку на голову, албо на чело, визнаваючи, ижъ една правдивая и вѣчная наша голова Христосъ есть, яко апостолъ мовитъ: Господа нашего Богъ Отецъ далъ голову вышей всѣхъ церкви, которая есть тѣло его. Потомъ же кладемъ руку на животъ, исповѣдуючи

¹⁰⁾ Алѣбука Зизанія находится въ Румянц. муз. № 65.

снѣтіе его на землю, и еже въ пречистѣмъ животѣ Богоматере безсѣмное зачатіе Его, тотъ бо прошолъ утробу ея, яко солнце само, невременною мѣною дѣны рождествомъ своимъ. Потомуже владѣмъ на лѣвое плече, вынаваючи иже сѣдѣтъ на правицы Бога Отца, прочее, прочее иду... ажъ положатся врази его подножіе ногъ его. Потомуже на лѣвое плече владѣмъ, образуячи, иже прійдетъ еще во второе на судъ и вѣдаеть на дѣвицы сущимъ муку вѣчную, а на правицы сущимъ животъ вѣчный. Также перекрестивше лице свое знаменіемъ крестнымъ, кланяемся Богу, абы насъ дѣваго стоянія избавилъ, а благословеніе свое далъ намъ“⁷⁴⁾. Около двадцатыхъ или въ двадцатыхъ годахъ XVII столѣтія въ Кіевѣ была напечатана книга подъ заглавіемъ: „Книга о вѣрѣ о вѣрѣ единой, святой, соборной, апостольской церкви“, во второй части которой, въ статьѣ „о знаменіи крестномъ“, говорится: „злученіемъ трехъ палцовъ посполу, то-есть великаго и малаго, и третего, што подлѣ малаго, исповѣдуется таємница божественныхъ трехъ ипостасей: Отца, Сына и Святаго Духа, единого Бога въ трехъ лицахъ. А протяженіемъ двохъ палцовъ, великаго и средняго, показывается таємница Бога слова вѣлѣніе Господа нашего Іисуса Христа и двохъ натуръ божской и человѣческой злученіе подлѣ единою особею“ и т. д. вполнѣ согласно съ приведенною сейчасъ выдержкою изъ книги: „о образѣхъ, о крестѣ, о хвалѣ Божіей... и о иныхъ артикулахъ вѣры“. Не только въ печатныхъ книгахъ, но и въ разныхъ южно-русскихъ рукописныхъ сборникахъ, гдѣ только говорится о крестномъ знаменіи, всегда содержится ученіе о двоеперетіи. Такъ оно находится въ тѣхъ многочисленныхъ сборникахъ, которые названы подлѣ имени Литовскихъ Просвѣтителей, оно содержится и въ той рукописной южно-русской книгѣ о Вѣрѣ, сочиненіи кіевскаго михайловскаго игумена Наѣанѣила, которая въ простомъ дословномъ переложеніи была потомъ напечатана въ Москвѣ въ 1648 году⁷⁵⁾.

⁷⁴⁾ Ibid. № 85.

⁷⁵⁾ Именно въ ней ученіе о перстосложеніи излагается такъ: «зложеніе трехъ палцовъ правой руки посполу то-есть великаго и малаго и третьяго, што подлѣ малаго исповѣдуется таємница божественныхъ трехъ ипостасей: Отца, Сына и Св. Духа, единого Бога въ тріехъ лицахъ. Протяженіемъ же двохъ палцовъ —

Изъ приведенныхъ нами свидѣтельствъ, заимствованныхъ изъ печатныхъ и рукописныхъ южно-русскихъ книгъ, помѣщенныхъ ранѣ московской печатной Псалтири 1642 года, въ которой въ первый разъ было напечатано ученіе о двоеперстіи въ крестномъ знаменіи, оказывается, что и кievская Русь также, какъ и московская держалась до половины XVII вѣка того же двоеперстія и что въ кievской ученой литературѣ, до половины XVII вѣка, свидѣтельствъ за троеперстіе рѣшительно не имѣется. Въ виду этихъ неопровержимыхъ данныхъ видѣть въ двоеперстіи спеціальныи продуктъ московскаго невѣжества, измышленіе невѣжественныхъ московскихъ грамотѣевъ оказывается рѣшительно невозможнымъ, такъ какъ двоеперстіе признавали правымъ, открыто его проповѣдывали и въ первый разъ внесли его въ свои печатныя книги южно-русскіе ученые, уже по примѣру которыхъ и Иосифовскіе книжные справщики внесли ученіе о двоеперстіи въ московскія печатныя книги, заимствовавъ у кievлянъ и самую редакцію въ изложеніи этого ученія. Что же касается того вопроса: откуда взялось двоеперстіе и въ кievской Руси, то отвѣтъ на это, по нашему мнѣнію, можетъ быть одинъ: двоеперстіе существовало въ древней Руси, какъ общій обычай, еще до раздѣленія митрополій, съ самаго начала введенія у насъ христіанства, а потомъ въ качествѣ древняго и всѣми признаннаго обычая, оно удержалось и на сѣверѣ и на югѣ и послѣ раздѣленія митрополій, вплоть до самой половины XVII вѣка, когда сначала въ кievской Руси (при Могилѣ), а потомъ и въ московской (при Никонѣ), произведена была однородная церковная реформа, приведшая русскіе церковныя чины и обряды въ соотвѣтствіе съ современными греческими. Такое предположеніе необходимо сдѣлать въ виду того, что кievская Русь въ церковномъ отношеніи, съ первыхъ временъ введенія у насъ христіанства до конца второй половины XVII вѣка, всегда находилась въ зависимости отъ константинопольскаго патріарха, подъ его высшимъ

высшаго и средняго показуется таинница самаго Господа нашего І. Христа, иже есть doskonaлый Богъ и doskonaлый былъ человекъ нашего дѣла спасеніе» и пр. какъ это изложено въ московской печатной книгѣ о Вѣрѣ, въ которой московскіе издатели не прибавили и не измѣнили отъ себя ни одного слова. Рукоп. Ундольскаго № 427, л. 126.

вѣдѣніемъ и водительствою. Восточные патріархи не разъ принимали самое живое и дѣятельное участіе въ церковной жизни южной Руси, не разъ бывали въ ней сами лично, не разъ посылали туда своихъ викаріевъ. Кромѣ того въ южной Руси почти непрестанно жили разные греческіе епископы, жило въ ней всегда много и другихъ грековъ и между ними бывали и люди ученые, которые, какъ напримѣръ, протоевangelъ alexandрійскаго патріарха Іосифъ, принимали даже прямое и непосредственное участіе въ исправленіи южно-русскихъ церковныхъ книгъ съ греческихъ. При такихъ условіяхъ въ южно-русской церкви никакъ не могло появляться, а тѣмъ болѣе такъ долго существовать двоеперстіе въ крестномъ знаменіи, еслибы оно дѣйствительно было только позднѣйшимъ новозмышленнымъ искаженіемъ единственно правой и единственно древней формы перстосложенія—троеперстной. Если же греки, сами уже употреблявшіе въ XVI и XVII столѣтіяхъ троеперстіе, оставляли однако у кievлянъ двоеперстіе, то это показываетъ, что они видѣли въ русскомъ двоеперстіи древній, прочно установившійся и потому привычный для народа обычай и притомъ такой, въ которомъ они, греки, не находили ничего предосудительнаго или несогласнаго съ истиннымъ православіемъ.

О существованіи двоеперстія у другихъ славянскихъ православныхъ народовъ, кромѣ собственно русскихъ, имѣются нѣкоторыя положительныя данныя. Въ 1650 году извѣстный старецъ Арсеній Сухановъ, сопровождая изъ Москвы іерусалимскаго патріарха Паисія и прибывъ съ нимъ въ Молдавію, остановился въ метохѣ сербскаго Аѳонскаго Зографскаго монастыря. Игуменъ и братія этого метоха, которые были сербы, говорили Суханову, что греки и аѳониты сожгли на Аѳонѣ московскія печатныя книги по слѣдующему случаю: „нѣкто у нихъ былъ старецъ честенъ-сербинъ, житіемъ былъ святъ и во всемъ искусенъ и лѣты старъ, жилъ въ скитѣ и держалъ книги московскія у себя и крестился крестнымъ знаменіемъ по московскому, какъ писано въ книгѣ Кирилла Ерусалимскаго, что напечатана въ Москвѣ, да и прочихъ де тому же училъ“. Узнавъ объ этомъ греки аѳониты призвали старца на соборъ къ отвѣту и называли московскія книги еретическими. И онъ де имъ говорилъ, что *есть у нихъ книги старинныя сербскія письменныя, а въ нихъ де*

писано о крестномъ знаменіи также, какъ и въ московскихъ. И тоѣ де книгу письменную, ссыкая, принесли на соборъ и стущали въ московскую печатную книгу и все де сошлось слово въ слова противъ московской печати, а та де книга, какъ писана 130 лѣтъ тому". И московскія печатныя книги и сербскую старую рукописную книгу, въ которой заключалось ученіе о двоеперстїи, греки аеоныты сожгли, причѣмъ главнымъ дѣятелемъ въ этомъ явился ахридскій архїепископъ Даниїль, который въ то время случился на Аеоны. Сухановъ собралъ о соженіи русскихъ книгъ на Аеоны точныя свѣдѣнія отъ очевидцевъ и, такъ какъ Даниїль ахридскій въ это время находился уже въ Молдавіи, то онъ и былъ привлеченъ къ отвѣту іерусалимскимъ патріархомъ Паисіемъ, которому жаловался на него Сухановъ. Даниїль, учаемый очевидцами, въ присутствїи патріарха, Суханова и другихъ далъ такое показаніе: „было де во Аеонской горѣ такъ: собралися старцы на сербскаго старца Дамаскина именемъ, что онъ крестится не по гречески и иныхъ тому учить, и того де старца поставя на соборѣ, допрашивали, откуда онъ тому научился? И онъ де указалъ на сербскую на письменную книгу, что въ ней такъ писано креститься. И тоѣ де книгу, взявъ у него сожгли, а та де книга старинная сербская, тому 130 лѣтъ какъ написана и тому де есть письмо, здѣ прислано изъ Аеонской горы къ митрополиту Стефану Торговицкому“⁷⁶⁾. Съ своей стороны и старецъ Чудова монастыря Пахомій, также, какъ и Сухановъ, сопровождавшій изъ Москвы іерусалимскаго патріарха Паисія, доносилъ государю: „а за крестное воображеніе и за книги, которые пожгли (на Аеоны), говорилъ вопреки и противъ правды святыхъ отецъ стоялъ святыя Аеоныскіе горы старецъ Теодоръ, житіемъ духовенъ и греческіе, государь, старцы хотѣли иво убить до смерти“⁷⁷⁾. Григоровичъ, при посѣщенїи имъ Аеоны на одной книгѣ Хиландарскаго монастыря, прочесть замѣтку, что въ 1620 году, когда на святой горѣ происходили пренія о крестномъ знаменїи, „сожегоше книги московскіе на карчі-ахъгырци и духовника Дамаскина и попа Романа и ученика ихъ Захарїю въ темницы затворише и глобише ихъ 60 гроши. Оле бѣда отъ

⁷⁶⁾ Статейный списокъ Суханова, греческія дѣла 7157 г. № 8.

⁷⁷⁾ Греческія дѣла 7158 г. № 9.

лукаваго рода грѣческаго! Мпа маіа ки веліе безчестіе соториша насемъ серблемъ и болгарамъ ⁷⁶⁾). Отрицать послѣ этихъ свидѣтельствъ тотъ фактъ, что сербы аеоныты около половины XVII вѣка потому именно стали на сторону московскаго двоеперстія противъ современнаго греческаго троеперстія, что находили ученіе о двоеперстіи и въ своихъ старыхъ письменныхъ книгахъ, неудобно.

Другое, еще болѣе рѣшительное свидѣтельство объ употребленіи православными сербами двоеперстія въ крестномъ знаменіи заключается въ слѣдующемъ: въ 1618 году въ Угорцахъ была напечатана книга подъ заглавіемъ: „Собраніе въкратцѣstonesъ отъ божественнаго писанія изъ'объясненіемъ изложенія свѣтлыхъ апостолъ оуднадесяти артыкуловъ православной вѣры. Выдруковано коштомъ и накладыомъ благочестиваго его милости Александра Шептицкаго Зшептичъ, працею і стараніемъ іеромонаха Павла Домжива Лютиковича і еродиякона Селивестра. Въ Угорцахъ, року 1618, мпа марта 30 дня“ ⁷⁷⁾). Въ этой книжкѣ, представляющей нечто въ родѣ краткаго катихизиса, на первой же страницѣ, находится статья „О знаменіи крестномъ“, въ которой ученіе о перстосложеніи излагается такъ: „зложеніе велиаго пальца здвома малыми, значить Святую Троицу, а сложеніе того, што при великомъ до средняго, значить двѣ натурѣ и истности въ Христѣ. Положенъе правой руки на чело значить двоє: предвѣчное отъ Бога Отца сыновне рождество и тоє же звысности зысполъ“ и такъ далѣе вполне сходно, исключая нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словъ, съ изложеніемъ ученія о троеперстіи Стевена Зизанія, какъ оно было изложено въ прибавленіи къ Азбукѣ 1696 года. Понятное дѣло, что православные сербы не могли бы печатать и пользоваться этой книжкой, еслибы видѣли въ ней на первой же страницѣ неправославное ученіе о перстосложеніи, противорѣчившее существовавшему всегда у нихъ обычаю троеперстія. Если же они могли рѣшиться печатать въ своихъ учительныхъ книгахъ ученіе о двоеперстномъ крестномъ

⁷⁶⁾ Григоровича, Очеркъ путешествія по Европейской Турціи, изд. 2, стр. 82.

⁷⁷⁾ Этой рѣдкой книжки въ Россіи находится только два экземпляра, одинъ въ Румянцевскомъ московск. музеѣ, другой—въ Импер. публич. библіотекѣ.

знаменіи, вопреки тогдашнему греческому троеперстію, то конечно только потому, что находили оправданіе для этого въ своей собственной церковной практикѣ, могли сослаться на свои древнія книги (какъ это было на Аѳонѣ), подтверждающія двоеперстіе.

На вопросъ, откуда же у русскихъ и у другихъ православныхъ славянъ взялось двоеперстіе въ крестномъ знаменіи, отвѣтъ, очевидно, можетъ быть одинъ: они могли заимствовать двоеперстіе только у своихъ общихъ просвѣтителей христіанствомъ грековъ. Такъ именно и заявляли объ этомъ противники церковной реформы Никона, которые утверждали, что будто бы въ древнее время и сами греки употребляли въ крестномъ знаменіи двоеперстіе, которое они и передали русскимъ, что, будто бы и сами греки въ относительно недавнее только время перемѣнили двоеперстіе на троеперстіе. Дьяконъ Ѳеодоръ говоритъ: „у нихъ (грековъ) говорили ~~и~~ ^{иногда} ~~иногда~~ ^{алилуію} ^{*)}, и сложеніе перстовъ имѣли якоже мы; но недавно намѣнили, смущаеми отъ римскихъ наукъ“. Во время пренія о перстосложеніи съ Афанасіемъ, митрополитомъ иконійскимъ, дьяконъ Ѳеодоръ говоритъ ему: „и у васъ такого мудрованія (т.-е. троеперстія) прже сего не бывало при преніихъ святѣйшихъ патріархахъ православныхъ, до иподіакона ^{важнаго} Дамаскина, отъ него же вы книги прелестеся... мы, въ православномъ сложеніи перстовъ, во знаменіи крестномъ на четырехъ вашихъ святахъ осылаемо и тѣмъ вѣруемъ“. Онъ же говоритъ: „самаго канархиста Гроба Господня, именемъ Павла, видѣхъ на Москвѣ, бывша въ 174 году, и съ нимъ много бесѣдовахъ о всемъ, онъ же сказа ми: патріархъ де іерусалимскій по старому олагаетъ персти, за кое знаменіе крестное вы нынѣ почали страдати... а переградскій де патріархъ благословляетъ по новому малакинскому сложеніемъ. И обѣ руки ихъ начертаетъ на бумагѣ перомъ. И о щенотѣ въ греческихъ книгахъ старыхъ отнюдь нѣсть, развѣ новаго нѣвого безиминника иподіакона Дамаскина“. Старецъ Симоновъ монастыря Серапіонъ на допросѣ показывалъ въ 1666 году, что

*) Что у грековъ дѣйствительно въ древнее время употреблялась и сугубая алилуія, см. объ этомъ прекрасную статью Николаевскаго: «Къ исторіи споровъ объ алилуіи», Христ. Чт. 1884 г.

онъ разспрашивалъ иконійскаго митрополита Аѳанасія про греческіе церковныя обычаи и Аѳанасій будто бы говорилъ ему, что у грековъ младенцевъ крестятъ чрезъ обливаніе и что греки въ настоящее время употребляютъ троеперстіе, „а въ старину де и у нихъ въ грекахъ крестились двѣма персты; и та де у нихъ оставили, и назвали тотъ крестъ арменскимъ крестомъ, „нынѣ де у нихъ въ грекахъ двѣма персты не знаменуются, а знаменуются де тремя персты, во образъ Святыя Троицы“⁸¹⁾. Инокъ Авраамій говоритъ: „а еже ссылаются на грекъ о сложѣніи трехъ перстъ, и тамо сія у нихъ недавно вошедша прелесть, всего омыдеосятъ дѣтъ. А прежде сего отнюдь не было сія и нѣкоторый богословецъ и учитель церковный не написалъ нигдѣ, ни предавъ тремя персты креститися, понеже худно есть и нечесиво, арменское то, а не христіанское“. „А егда, государь вопрошавши, отъ нихъ о своемъ умъ мудрствовати: кто вамъ предаде сіе и кто васъ научи сему, еже единою крестъ воображати? и ссылаются на невідимаго человека, Дамаскина имени, иподьякона, Студита, что онъ такъ мудрствовалъ и написалъ. А тотъ ихъ Дамаскинъ невідомо кто, и во святыхъ не слышимъ его“. Тотъ же Авраамій пишетъ: „гдѣ бо таковое не праведно речеса, или предадеса когда, еже тремя персты креститеса? Отъ апостолъ ли?— Никакоже. Или которымъ отъ святыхъ отецъ? Никогда же обрящете, кромѣ отступника папы Формова. Онъ бо тако мудрствовалъ; и другій учитель Дамаскинъ иподьяконъ такъ же написа, о немъ же ниже слышахомъ когда прежде сего, ни отцы наша возвѣстиша намъ. И никій, государь, учитель новый не согласуетъ со святыми и богомыслимыми отцами древле предавшими намъ единою сіе таинство, но со арменцы единоумудрствуютъ. Они бо, зловѣрци, тако тремя персты крестятъ лице свое безъ воплощенія Христова“⁸²⁾.

Имѣли ли какое-либо дѣйствительное основаніе указанныя заявленія противниковъ Никона о томъ, что будто бы ранѣе и сами греки употребляли двоеперстіе въ крестномъ знаменіи и что будто бы троеперстіе появилось у нихъ относительно очень недавно?

⁸¹⁾ Матер. для ист. раск. VI, 34, 52, 53, 166, 1, 624.

⁸²⁾ Матер. для ист. раск. VII, стр. 69—70, 294, 299.

Какъ извѣстно, патріархъ Никонъ обращался къ константинопольскому патріарху за рѣшеніемъ разныхъ церковно-обрядовыхъ вопросовъ, и между прочимъ относительно перстосложенія въ крестномъ знаменіи и въ іерейскомъ благословеніи. Никонъ получилъ на свои вопросы отвѣтъ отъ цѣлаго Константинопольскаго собора, такъ что на этотъ отвѣтъ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на официальное выраженіе взгляда всей константинопольской церкви на интересующій насъ вопросъ. Патріархъ Паисій отъ имени Константинопольскаго собора пишетъ Никону: „На двадцать четвертый (вопросъ), въ которомъ спрашиваете, какъ подобаетъ христіанину, изображать свой крестъ, т.-е. какими перстами, отвѣчаемъ, что мы всѣ имѣемъ древнее обыкновеніе по преданію поклоняться, имѣя первые три перста соединенными вмѣстѣ въ образъ Св. Троицы, просвѣщеніемъ которой открыта намъ тайна домостроительства по плоти, или научены славить единого Бога въ трехъ ипостасяхъ, Отца и Сына и Св. Духа, и да сораспнемся вмѣстѣ со крестомъ Господа нашего Іисуса, Сына Божія, спшедшаго съ небесъ и вочеловѣчшагося и плотію пострадавшаго ради спасенія нашего. Да это и основательно, поединку чрезъ соединеніе трехъ перстовъ мы воспоминаемъ тайну Св. Троицы, а тѣмъ, что изображаемъ на себѣ крестъ Господень, напоминаемъ страданіе и воскресеніе Его, съ которыми и ради которыхъ призываемъ отъ Бога помощь“. Вотъ и весь отвѣтъ патріарха на вопросъ Никона о сложеніи перстовъ въ крестномъ знаменіи. Патріархъ Паисій, конечно, хорошо понималъ, что Никонъ въ виду неодинаковости перстосложенія въ крестномъ знаменіи у русскихъ и у грековъ, требовалъ отъ него рѣшительно высказаться о томъ, какое перстосложеніе истинно древнее и правое: русское ли двоеперстное, или греческое троеперстное; зналъ онъ конечно и то, что русскіе придаютъ этому вопросу чрезвычайно важное значеніе, и однако въ своемъ отвѣтѣ онъ только указываетъ на существующій у современныхъ грековъ обычай и на его полное соотвѣтствіе съ православнымъ вѣроученіемъ, вовсе не утверждая въ то же время, что современное греческое троеперстіе есть единственно-правое и всегда исключительно употреблявшееся въ православной церкви перстосложеніе, не говоритъ, чтобы русское двоеперстіе было и не древнее, и не правое. Отвѣтъ па-

тріарха можно перевести такимъ образомъ: греки употребляютъ въ крестномъ знаменіи троеперстіе и они вполне правы, потому что исповѣдуютъ этимъ правое православное вѣроученіе, а рускіе могутъ держаться своего вѣковаго обычая—двоеперстія и будутъ также правы, если они конечно соединяютъ съ этимъ правую православную мысль. Болѣе опредѣленно и рѣшительно патріархъ Паисій высказалъ свою мысль о томъ или другомъ способѣ перстосложенія въ крестномъ знаменіи въ слѣдующемъ отвѣтѣ на вопросъ Никона относительно способа сложенія перстовъ въ архіерейскомъ и іерейскомъ благословеніи. Что касается сложенія перстовъ въ архіерейскомъ и іерейскомъ благословеніи, пишетъ патріархъ Паисій Никону, „то церковь благословляетъ всѣхъ, изображая іерейскою рукою имя Мессіи, или, что то же, имя Іисуса Христа, именно: изображая і и с—что въ сокращеніи значить Іисусъ, и х и с—что въ таковомъ же сокращеніи означаетъ Христосъ. А какими перстами кто чертитъ эти четыре буквы, это безразлично, лишь бы благословляющій и благословляемый имѣли въ мысли, что это благословленіе нисходитъ отъ Іисуса Христа при посредствѣ руки священника, и что Іисусъ Христосъ самъ даетъ благодать благословленія по прошенію того, кто ищетъ ея съ вѣрою. Не приличнѣе дѣлать такъ, какъ изображается Христосъ благословляющимъ на иконахъ, поелику такая форма перстосложенія отчетливѣе выражаетъ имя Іисусъ Христосъ, именно: большой палецъ, т.е. первый и четвертый, будучи соединены вмѣстѣ, изображаютъ Іисуса, а два (второй и третій) стоймя съ небольшимъ наклоненіемъ одного изъ нихъ х, и малый послѣдній с, что значить Христосъ. Впрочемъ то же самое будетъ означать, если будутъ держать и два послѣдніе перста (приклоненными) ниже въ формѣ двухъ с с, три же первые стоймя, какъ изображающіе і и х,—и это не дѣлаетъ никакого различія“. Такимъ образомъ патріархъ Паисій, отвѣчая на вопросъ относительно перстосложенія въ іерейскомъ благословеніи, прямо и рѣшительно говорить, что оно имѣетъ въ виду изобразить іерейскою рукою имя Мессіи, а какими это будетъ сдѣлано перстами—дѣло безразличное, и тѣмъ ясно даетъ понять, что константинопольская церковь, отъ лица которой говоритъ патріархъ, сущность дѣла полагаетъ здѣсь не въ томъ или иномъ перстосложеніи, а въ са-

мой мысли, выражаемой имъ, такъ что, если человѣкъ держитъ правильную мысль, то уже совершенно безразлично будетъ, какъ онъ и какіе именно персты слагаетъ. Само собою понятно, что если относительно важнѣйшаго архіерейскаго или іерейскаго благословенія вполнѣ допустима свобода того или другаго перстосложенія, то тѣмъ болѣе конечно эта свобода допустима относительно обычнаго знаменованія себя крестомъ каждымъ христіаниномъ, лишь бы только мысль, выражаемая тѣмъ или другимъ перстосложеніемъ, была строго православна.

Вотъ точка зрѣнія православной константинопольской церкви на то или другое перстосложеніе въ крестномъ знаменіи и въ архіерейскомъ благословеніи, официально выраженная въ соборномъ посланіи константинопольскаго патріарха Никону. Этимъ вполнѣ объясняется то явленіе, что константинопольская церковь, сама употребляя въ послѣднее время исключительно троеперстіе, въ то же время допускала существованіе двоеперстія и въ московской и въ кievской Руси и у сербовъ, и вовсе не предпринимала какихъ-либо мѣръ для замѣны его у нихъ троеперстіемъ, такъ какъ она знала, что съ двоеперстіемъ русскіе и сербы соединили ту же самую православную мысль, что и греки съ троеперстіемъ. Но была въ этомъ дѣлѣ и другая сторона.

Простое заявленіе константинопольскаго патріарха, что греки употребляютъ по преданію древнее обыкновеніе креститься тремя первыми перстами во образъ Св. Троицы, безъ всякаго подтвержденія этого проложенія какимъ-либо доказательствомъ, кромѣ указанія на заключающееся въ немъ православное ученіе, очевидное нежеланіе патріарха сказать, что русское двоеперстіе не есть такое же древнее обыкновеніе, какъ и греческое троеперстіе, его очевидное преднамѣренное стремленіе внушить русскимъ ту мысль, что то и другое перстосложеніе въ существѣ дѣла совершенно безразлично, лишь бы только имъ выражалась православная мысль, ясно показываетъ, что ученый Мелетій Сиригъ, которому принадлежитъ составленіе соборныхъ отвѣтовъ на вопросы Никона, хорошо знаетъ, что въ православной вселенской церкви перстосложеніе въ крестномъ знаменіи было въ различное время неодинаково, что русское двоеперстіе нѣкогда существовало и у самихъ грековъ, отъ которыхъ оно

вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства и перешло къ русскимъ. Именно этимъ и объясняется то обстоятельство, почему константинопольскій соборъ въ своихъ отвѣтахъ Никону никакъ не могъ сказать того, что единственно древняя и православная форма перстосложенія въ крестномъ знаменіи есть только троеперстная, современная греческая, и что русское двоеперстіе по отношенію къ греческому троеперстію есть уже позднѣйшая, искаженная форма перстосложенія, хотя Никонъ въ своихъ вопросахъ и требовалъ конечно именно того, о чемъ рѣшительно умалчиваетъ соборъ, т.-е. желалъ знать, какое перстосложеніе древнѣе и простѣе—греческое или русское—двоеперстное троеперстное.

Что у грековъ въ древнее время вмѣстѣ съ другими формами перстосложенія существовало и двоеперстіе, на это имѣются прямые данныя. Такъ одинъ грекъ XII вѣка обличаетъ латинскихъ архипастырей въ томъ, что онѣ благословляютъ пятью перстами, а знаменуютъ себя подобно монофизитамъ однимъ перстомъ, „между тѣмъ какъ персты въ знаменованіяхъ должны быть располагаемы такъ, чтобы ими обозначались два естества (въ Христѣ) и три лица (въ Божествѣ)“⁸⁵). Монахъ Петръ изъ Дамаска, писавшій около 1157 года (хотя нѣкоторые думаютъ и утверждаютъ, что онъ жилъ гораздо ранѣе) говоритъ, что въ крестномъ знаменіи „два перста убо и едина рука являютъ распятаго Господа нашего Іисуса Христа, во двою естеству и въ единомъ составѣ познаваема“. Но болѣе раннее и очень важное свидѣтельство объ употребленіи греками двоеперстія въ крестномъ знаменіи принадлежитъ несторіанскому митрополиту Ильѣ Гевери, жившему въ концѣ IX и въ началѣ X вѣка. Желая примирить монофизитовъ съ православными или мелхитами, какъ обыкновенно сирійцы несторіане и монофизиты называютъ православныхъ, — и съ несторіанами, онъ говоритъ „въ согласіи вѣры между несторіанами, мелхитами и яковитами: что они не согласны между собою въ изображеніи креста, что конечно неважно. Именно, одни знаменіе креста изображаютъ однимъ перстомъ, ведя руку слѣва направо; другіе двумя перстами, ведя,

⁸⁵) Cotelierio: Ecclesiae Graecae monumenta, t. III, p. 500—XXIV, 502—XXXVI, 507—LVII, 508—LVIII и 670.

наоборотъ, справа налѣво. Яковиты, обѣняя себя однимъ перстоу сѣва направо, означаютъ этимъ, что вѣруютъ въ еди-наго Христа—превель искупленныхъ отъ грѣха (сѣва) къ благодати (направо). Несторіане и мелхиты, изображая крестъ въ знаменіи двумя перстами—справа налѣво, исповѣдуютъ тѣмъ свое вѣрованіе, что на крестѣ Божество и челоуѣчество были вмѣстѣ соединены, что это было причиной нашего спасенія и что вѣра началась съ правой стороны, а невѣріе, заблужденіе прогнаны съ лѣвой“. Это ясное и определенное свидѣтельство объ употребленіи греками въ X вѣкѣ двоеперетія въ крестномъ знаменіи наши полемисты съ расколомъ стараются всячески отвергнуть на томъ основаніи, что подъ мелхитами слѣдуетъ будто бы разумѣть вовсе не православныхъ, а какихъ-то новѣдомыхъ для исторіи еретиковъ. Такъ о. Виноградовъ, въ своемъ сочиненіи „О Θεодоритовомъ Словѣ“ говоритъ: „мелхиты почему-то въ статьѣ о крестномъ знаменіи, помѣщенной въ Чтен. Общ. Ист. 1847 г., № 7, названы *православными*“. Почему преосвященный Филаретъ черниговскій, авторъ упомянутой статьи о крестномъ знаменіи, называетъ мелхитовъ православными, это понятно. Ассеманъ, у котораго Филаретъ черниговскій и о. Виноградовъ берутъ приведенное выше свидѣтельство Ильи Гевери, въ главѣ, гдѣ находится это свидѣтельство, прямо говоритъ, что нѣкоторые несторіанскіе обряды очень сходны съ обрядами мелхитовъ или грековъ, что несторіане *ἵτις Graecum sequuntur* и затѣмъ говоритъ между прочимъ, что несторіане изображаютъ крестъ „*τὴν ὁμολογίαν τῶν ἁγίων*“, въ доказательство чего и приводитъ свидѣтельство Ильи Гевери о томъ, что мелхиты и несторіане крестятся двумя перстами ⁶⁴⁾).

Что подъ мелхитами нужно разумѣть православныхъ и, частнѣе, православныхъ грековъ, это съ несомнѣнностію слѣдуетъ и изъ другихъ мѣстъ Ассемана, гдѣ онъ только говоритъ о мелхитахъ. По поводу небеснаго огня, сходящаго въ Іерусалимъ въ великую утрени на Гробъ Господень, онъ говоритъ: „*me* волею Бога, а волею тварей дѣлается это чудо: это ясно изъ того, что *patriarchi melchitici* въ какое хотѣтъ время входить и зажига-

⁶⁴⁾ Asseman. Biblioth. Oriental. T. III, pars 2, pag. CCCLXXVII—CCCLXXVIII и CCCLXXXVIII.

отъ свѣчи въ двухъ лампадахъ, скрытыхъ въ запертомъ святомъ гробѣ, какъ рассказывалъ мнѣ одинъ армянскій патріархъ, самъ гдѣ прожившій въ Іерусалимѣ и входившій для возжиганія огня вмѣстѣ съ *патріархомъ мелхитовъ*“⁸⁵). Ионе, что въ данномъ случаѣ патріархомъ мелхитовъ названъ не кто иной, какъ православный іерусалимскій патріархъ. На это даѣе и указываетъ самъ Ассеманъ, когда говоритъ: „*Quaestiones* говорить, что огонь возжигается абиссинцами, а не патріархомъ *мелхитовъ или грековъ*“⁸⁶). Армянскій митрополитъ, конца XIII и начала XIV вѣка, „*Ebedjesus Sobensiss*“, раздѣливъ три секты христіанъ, именно яковитовъ, мелхитовъ и несторіанъ, объ мелхитахъ прибавляетъ: другая, которая признаетъ два естества и одно лицо въ Христѣ, называется сектой *мелхитовъ*, такъ какъ установлена силой императоромъ; и ее приняли римляне, которые называются франками, и константинопольскіе греки и всѣ сѣверные народы: именно *рутены (Русскіе)*, аланы, черкасы, азіані, грузины и другіе ихъ сосѣди. Франки же отличаются отъ нихъ тѣмъ, что считаютъ Св. Духа исходящимъ отъ Отца и Сына и для жертвы употребляютъ опрѣсожи“⁸⁷).

И другіе ученые, напримѣръ Combetis, подъ мелхитами разумѣютъ православныхъ, или всѣхъ тѣхъ, которые вопреки еретикамъ-монофизитамъ признали четвертый Вселенскій соборъ. Онъ говоритъ: „одни, послѣдовавшіе православной вѣрѣ, собору и царю Маркіану, были названы мелхитами, т.-е. царскими, потому что мелхи по-сирски и по-еврейски значить царь“⁸⁸). Наши полемисты съ расколомъ, въ подтвержденіе того, что подъ мелхитами слѣдуетъ разумѣть еретиковъ, а не православныхъ, ссылаются на старопечатную Кормчую, въ которой приводятся слѣдующія слова Димитрія, митрополита кизичевского (911—919 г.),

⁸⁵) Ibid. p. CCCLXV.

⁸⁶) Ibid. p. CCCLXVI. И въ другихъ мѣстахъ Ассеманъ называетъ грековъ мелхитами: «гдѣ же ступени посвященія и у *грековъ мелхитовъ* въ антиохійскомъ патріархатѣ»; «обрядъ благословенія архидіакона относится къ антиохійской церкви *грековъ мелхитовъ*»; «ограниченная власть хорепископа и періодекта у *грековъ мелхитовъ*, сирійцевъ несторіанъ и яковитовъ», Ibid. p. DCCCXXXII, DCCCXLIII.

⁸⁷) Ibid. c. CCCXXXIII, и т. II, p. 456.

⁸⁸) Combetis Historia haeresis Monothelitarum, p. 265.

о яковитѣхъ и о хащшарѣхъ: „другая ересь мелхите нарекошася, *иже благочестивому царю Маркіану послѣдоваши*, мелхій бо царь сказуется; сїи же и хащшари, иже токмо въ крестъ вѣрують, по языку бо ихъ хащшаръ крестъ именуется“⁸⁹⁾.

Но вопросъ въ томъ: кто былъ благочестивый царь Маркіанъ, за которымъ послѣдовали мелхиты и отъ котораго они получили свое названіе? Это былъ греческій императоръ Маркіанъ, супругъ Пульхеріи, который въ 451 году собралъ въ Халкидонѣ четвертый Вселенскій соборъ, осудившій монофизитовъ, которые съ этого времени уже окончательно отдѣлились отъ православной церкви, увѣряя, что опредѣленія Халкидонскаго собора состоялись будто бы подъ давленіемъ императора, почему они принявшихъ этотъ соборъ и назвали отъ еврейско-сирскаго слова мелехъ-царь—мелхитами, царскими или по современному—роялистами. Очевидно, что слѣдовать благочестивому царю Маркіану, т.-е. быть мелхитами значило быть православнымъ, наоборотъ, не слѣдовать Маркіану, т.-е. не быть мелхитомъ—значило не быть православнымъ. Въ виду этого уже само собою становится понятнымъ, что православный митрополитъ Димитрій кизическій никакъ не могъ назвать мелхитовъ, *„иже благочестивому царю Маркіану послѣдоваши“*, еретиками. Онъ дѣйствительно и не называетъ мелхитовъ еретиками. Приведенное мѣсто Димитрія кизическаго съ греческаго читается такъ: „мелхитами были названы послѣдовавши благочестивому царю Маркіану, ибо мелхи значитъ царь“⁹⁰⁾ и только. Вѣроятно какой-нибудь позднѣйшій славянский писатель, приводя это мѣсто изъ Димитрія кизическаго, и видя, что онъ говоритъ о еретикахъ яковитахъ и тутъ же о какихъ-то непонятныхъ ему мелхитахъ, счелъ и послѣднихъ за еретиковъ наравнѣ съ яковитами и въ этомъ смыслѣ сдѣлалъ отъ себя къ словамъ Димитрія кизическаго пояснительную приставку изъ двухъ словъ: „другая ересь“, благодаря чему православные послѣдователи благочестиваго царя Маркіана совершенно неожиданно превратились въ еретиковъ.

⁸⁹⁾ Свящ. Виноградова: О Феодоритовомъ словѣ, стр. 46. Высокопреосв. Макарія статья: правило Стоглаваго собора о двуперстіи съ исторической точки зрѣнія. Братское слово, 1875 г., кн. 2, стр. 34.

⁹⁰⁾ Подлинный греческій текстъ приведенныхъ словъ Димитрія Кизическаго, см. у Рали и Потли въ Zbústava, т. IV, стр. 407—408.

Силу приведенныхъ нами выше свидѣтельствъ въ пользу существованія у грековъ двоеперстія въ X, XI и XII вѣкахъ нѣкоторые думаютъ ослабить и тѣмъ еще соображеніемъ, что будто бы приведенныя свидѣтельства, если и говорятъ за существованіе двоеперстія, то только у однихъ сирійскихъ христіанъ, жившихъ среди монофизитовъ и несторіанъ, такъ что на это явленіе слѣдуетъ смотрѣть только какъ на исключительно мѣстный, специально сирійскій обычай¹¹⁾, котораго совсѣмъ не знала и никогда не держалась вселенская православная константинопольская церковь, въ которой двоеперстіе вовсе не употреблялось. Но и такое пониманіе дѣла будетъ несправедливо и несогласно съ дѣйствительностію. Мы имѣемъ подъ руками такой фактъ, который ставитъ внѣ всякаго сомнѣнія существованіе двоеперстія въ самой константинопольской церкви вначалѣ XI столѣтія. Этотъ фактъ заключается въ слѣдующемъ: яковитскій патріархъ Іоаннъ VIII Абдонъ, жившій въ Антиохіи, которая въ то время принадлежала грекамъ, былъ обвиненъ милитинскимъ митрополитомъ Никифоромъ предъ греческимъ императоромъ Рованомъ Аргиропуломъ въ томъ, что будто бы Іоаннъ старается совращать грековъ въ свою ересь. Императоръ приказалъ привести Іоанна въ Константинополь. Въ 1029 году 15 іюня Іоаннъ Абдонъ съ 6 епископами, 20 пресвитерами и монахами яковитскими, въ сопровожденіи обвинителя митрополита Никифора, прибылъ въ Византію. Здѣсь патріархомъ константинопольскимъ составленъ былъ соборъ съ цѣлю обратить яковитовъ въ православіе, но они остались непреклонными въ своемъ заблужденіи. Тогда, говоритъ Ассеманъ, снова устроивши собраніе, патріархъ (греческій) и приглашенные епископы (греческіе) приказали Іоанну Абдону патріарху и Елію, епископу симнадійскому, присутствовать (на соборѣ). Когда же послѣ долгаго спора не могли преклонить нашихъ къ своему мнѣнію, потребовали отъ нихъ единственно того, чтобы не примѣшивали елее въ евхаристіи и крестились не однимъ перстомъ, а двумя¹²⁾. Григорій

¹¹⁾ См. вышеупомянутую статью митрополита Макарія въ Братскомъ словѣ, стр. 34, 35, 43.

¹²⁾ Tum (inquit) facto rursus conventu Patriarcham (Graecorum) et episcopos accessentes, Ioannem Abdon Patriarcham et Eliam Symnadae episcopum sedere

Bar-hebraeus, яковитскій патріархъ конца XIII вѣка, у котораго Ассеманъ взялъ приведенное имъ извѣстіе, въ своей „Хроникѣ“ о пребываніи Іоанна Абдона въ Константинополѣ рассказываетъ слѣдующее: когда Абдонъ явился въ Константинополь, то народъ благодаря неблагопріятнымъ вѣстямъ, распущеннымъ про яковитовъ митрополитомъ Никитомъ, бросалъ въ яковитскаго патріарха и его свиту съ крышъ камнями. „Когда же предстали предъ патріархомъ халкидонскимъ въ ихъ большой церкви, того патріарха злорѣчивый митрополитъ греческій убѣдилъ не вступать съ ними (яковитами) въ изслѣдованіе о вѣрѣ, такъ какъ они были чрезвычайно искусны въ спорахъ; но не могъ сдѣлать, чтобы не спрашивали ихъ. Итакъ, когда спрашивали, что же они исповѣдывали, наши принесли два свитка (двѣ книги), написанные по гречески и по сирійски. Когда же раскрыли свитки, то греки ничего не могли прочесть въ нихъ. „Мы васъ привели, сказали противники (греки), не затѣмъ, чтобы у васъ учиться вѣрѣ, но чтобы васъ учить вѣрѣ; исповѣдуйте вмѣстѣ съ нами двѣ природы послѣ соединенія (post unionem)“. А патріархъ (яковитскій) отвѣтилъ: „мы ни въ чемъ не измѣнили исповѣданіе нашихъ отцовъ“. Тогда сей злорѣчивый милитинецъ, поднимаясь, говоритъ: „ты отвергаешь исповѣданіе императора“⁹³⁾ и

jusserunt. Quumque post longam disputationem nostros in suam sententiam flectere nequissent, id unum ab iis postularunt, ne scilicet oleum Eucharistiae admitterent, neve crucem unico digito, sed duobus fermarent. Asseman. Biblioth. Oriental. T. II, pag. 352 и 356.

⁹³⁾ Греки такимъ образомъ отождествляли православіе съ вѣрностью константинопольскому императору; въ числѣ доказательствъ въ пользу православія указывали на то, что его установили и исповѣдуютъ византійскіе императоры, почему яковиты и потомъ несторіане и называли православныхъ грековъ презрительно *мелхитами*, т.-е. вѣрующими по приказу царя. Гиббонъ говоритъ: «многочисленность и высшіе признаки могущества давали латинянамъ и грекамъ нѣкоторое право называть себя католиками; но на востокѣ имъ давали менѣ почетное названіе *мелхитовъ* или *роялистовъ*, т.-е. такихъ людей, вѣрованія которыхъ основывались не на Свящ. Писаніи, не на разсудкѣ и не на традиціи, а были установлены и поддерживались произвольно властію свѣтскаго монарха. Ихъ противники (т.-е. яковиты и несторіане) могли ссылаться на слова членовъ Константинопольскаго собора, объявившихъ себя рабами государя и могли съ злобной радостію рассказывать, какъ декреты Халкидонскаго собора были впушены и передѣланы императоромъ Маркіаномъ и его цѣломудренною супругой (Ист. упадка и разрушенія римск. имперіи, т. V, стр. 273, перев. Невѣдомскаго).

ударилъ патріарха по щекѣ, ему самъ блаженный подставилъ и другую. Такимъ дѣйствіемъ многіе изъ знатныхъ грековъ были раздражены, опечалены и плакали и, вышедши, разошлись съ рошотомъ. Патріархъ же и его спутники были отведены въ монастырь Маг-Меппае и на слѣдующій день въ монастырь Григорія. Потомъ собравши другой соборъ, призвали патріарха (греческаго) и епископовъ (греческихъ) и заставили присутствовать патріарха (яковитскаго) и Елію симнадійскаго. Когда же послѣ многихъ собесѣдованій увидали, что тѣ съ ними совсѣмъ не соглашаются, сказали: „только не примѣшивайте елей къ священной частичкѣ и не изображайте крестъ однимъ перстомъ, но двумя“ ^{*)}).

Такимъ образомъ въ 1029 году константинопольскій патріархъ, вмѣстѣ съ другими греческими епископами желая обратить въ православіе яковитскаго патріарха Іоанна VIII и его спутниковъ, торжественно потребовалъ отъ нихъ на соборѣ, чтобы они крестились не однимъ перстомъ, но двумя. Ясное дѣло, что вначалѣ XI вѣка какъ самъ константинопольскій патріархъ, такъ и другіе греческіе іерархи въ крестномъ знаменіи употребляли двоеперстіе, которое они и считали истинно-православнымъ перстосложеніемъ, вопреки монофизитскому одноперстію. Почему греки держались двоеперстія и почему они такъ настойчиво требовали отъ яковитовъ, чтобы тѣ никакъ не крестились однимъ перстомъ, а двумя,—понятно. Употребленіе яковитами одного перста въ крестномъ знаменіи находилось въ тѣсной связи съ ихъ монофизитскими воззрѣніями на природу Христа. Ассеманъ въ своей „dissertatio de Monophysitis, помѣщенной въ началѣ втораго тома его Bibl. Oriental., говоритъ: „Пратеолъ со словъ Бернарда люксембургскаго, а со словъ Пратеола Куаттерій Гоemannъ пишутъ, что яковиты не вѣруютъ во Святую Троицу, но только въ единство, въ обозначеніе чего при крестномъ знаменіи знаменуютъ себя и осѣняютъ однимъ перстомъ. Откуда они взяли

^{*)} *Tantum modo, aiebant, ne misceatis oleum particulae consecrandae, et ne crucem signetis uno digito, sed duobus.* Gregorii Barhebraei Chronicon Ecclesiasticum издана въ трехъ томахъ съ латинскимъ переводомъ и примѣчаніями, Ioannes Baptista Abbeloos et Thomas Iosephus Lamy Locseanii 1872 г. Приведенныя нами свѣдѣнія объ Іоаннѣ Абдонѣ взяты изъ перваго тома, стр. 426—430.

такой обычай—не говорить. Но что онъ дѣйствительно былъ измышленъ, это доказываютъ синодальныя посланія патріарховъ того народа къ александрійскимъ первосвященникамъ, равно богословскія сочиненія епископовъ и ученыхъ, на которыя я ссылаюсь въ этомъ томѣ; наконецъ сирійскія литургіи и богослужебныя книги той сенты, въ которыхъ ничто такъ часто не встрѣчается, какъ исповѣдываніе троичности лицъ и единства божественной природы. Почему же знаменіе креста совершаютъ однимъ перстомъ, причину этого указываетъ Давидъ, сынъ Павла, епископъ яковитскій, въ діалогъ de Trisagio въ слѣдующихъ словахъ: поелику Христосъ одинъ, Божіе слово, которое воплотилось, а не два и распятъ на одномъ крестѣ и одинъ разъ; по сему крестъ изображаемъ однимъ перстомъ. Ту же почти причину, указанную самими яковитами, принимаетъ и Яковъ Витрійскій въ *Histor. Orient.* Когда же я спрашивалъ, говорить, почему знаменовались только однимъ перстомъ, отвѣчали, что однимъ перстомъ обозначали единую божескую сущность, тремя же частями—Троицу, осѣняя себя знаменіемъ креста во имя троичности и единства. *Греки же и сиріане возражали имъ, что по причинѣ единства природы, которую признавали во Христѣ, знаменовались только однимъ перстомъ.* Замѣть, что не только противники яковитовъ, каковы греки и сиріане, обвиняютъ ихъ въ томъ нелѣпѣйшемъ заблужденіи, которое Пратеоль и иные вышеупомянутые авторы имъ приписываютъ^{*)}. Греки обличали латинянъ въ томъ, что они крестятъ лицо однимъ перстомъ подобно тому, какъ это дѣлаютъ монофизиты, имѣющіе въ виду обозначить этимъ единую природу Распятаго^{**)}. Combetis говоритъ^{**)}, что яковиты „придумали и то, чтобъ однимъ перстомъ крестить лицо, какъ признающіе во Христѣ одну природу“. Gretzeri говоритъ^{**)}, что одноперетіе въ крестномъ знаменіи „употреблялось нѣкогда еретиками монофизитами въ ознаменованіе единой природы во Христѣ, по свидѣтельству Никифора (lib. 18, с. 53)“. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же писатель говоритъ: „два перста (въ крестномъ знаменіи означаютъ) двѣ природы во

*) Cotelario, Ecclesiae Graecae monumenta, t. III, p. 507, 508, 670.

**) Historia haeresis monothelitarum, p. 266.

**) Opera omnia, t. I, lib. IV, cap. I, p. 338 и cap. IV, p. 343.

Христѣ... ибо если еретики монофизиты однимъ перстомъ выражали еретически одну природу во Христѣ, почему не изображать православнымъ, въ противность еретикамъ, двѣ природы (во Христѣ) *двумя перстами, обыкновенно употребляемыми при изображеніи креста*⁸⁾. Дѣйствительно, когда появилась ересь монофизитовъ, которая воспользовалась древнѣйшей, до того употреблявшейся формой перстосложенія — одноперстіемъ для пропаганды своего еретическаго ученія, стала смотрѣть на одноперстіе какъ на символическое выраженіе своего ученія о единой природѣ во Христѣ, тогда православные вопреки монофизитамъ стали употреблять въ крестномъ знаменіи двоеперстіе, какъ символическое выраженіе православнаго ученія о двухъ природахъ во Христѣ. Такъ случилось, что одноперстіе въ крестномъ знаменіи стало служить виѣшнимъ, нагляднымъ признакомъ монофизитства, двоеперстіе — православія. Продолжительная и упорная борьба съ монофизитствомъ, которую пришлось вести греческой церкви, естественно заставила православныхъ грековъ придавать особенно важное значеніе двоеперстію, какъ видимому и понятному для всѣхъ знаку принадлежности извѣстнаго лица къ православной церкви, тѣмъ болѣе, что въ Сиріи, Египтѣ и нѣкоторыхъ греческихъ городахъ православное народонаселеніе было перемѣщено съ монофизитскимъ. Этимъ и объясняется, почему константинопольскій патріархъ и епископы, обращая въ православіе яковитскаго патріарха и его спутниковъ, настойчиво требовали отъ нихъ, чтобы они изображали крестъ не однимъ перстомъ, а двумя: по употребленію въ крестномъ знаменіи двоеперстія или одноперстія заключали въ то время и о принадлежности лица къ православію или монофизитству. Борьбою и постояннымъ совмѣстнымъ жительствомъ съ монофизитами объясняется и то обстоятельство, почему двоеперстіе такъ долго держалось и въ константинопольской церкви и потомъ между сирійскими православными христіанами и почему троеперстіе, эта самая естественная для христіанина форма перстосложенія⁸⁾, могло сдѣлаться въ греческой церкви всеобщимъ

⁸⁾ Потому что троеперстіемъ выражается основный догматъ христіанства — ученіе о троячности лицъ въ Божествѣ. Съ этой точки зрѣнія и латиняне признають троеперстіе за самую лучшую форму перстосложенія. Такъ: Gretseri,

господствующимъ обычаемъ только въ позднѣйшее время, когда уже окончательно прекратилась борьба съ монофизитствомъ; этимъ объясняется и то обстоятельство, почему въ западной церкви, не соприкасавшейся непосредственно съ монофизитами, троеперстіе встрѣчается ранѣе, чѣмъ у грековъ⁹⁹⁾.

Такимъ образомъ въ греческой православной церкви, благодаря особымъ обстоятельствамъ (именно монофизитству), несомнѣнно существовалъ очень продолжительный періодъ времени, когда двоеперстіе было въ ней господствующею и преобладающею формою въ крестномъ знаменіи; отрицать этотъ фактъ невозможно, да и нужды въ этомъ, какъ увидимъ, нѣтъ никакой.

Изъ сказаннаго нами понятнымъ становится, откуда и когда появилось на Руси двоеперстіе и насколько виновато въ немъ московское невѣжество. Въ 1029 году самъ константинопольскій патріархъ, вмѣстѣ съ другими греческими епископами, требовалъ на соборѣ отъ яковитскаго патріарха Іоанна VIII Абдона и его спутниковъ, чтобы „они крестились не однимъ перстомъ, а двумя“, требовалъ этого конечно потому, что правымъ и обязательнымъ для православныхъ перстосложеніемъ греки считали въ то время двоеперстіе. Но, какъ извѣстно, менѣе чѣмъ за 50 лѣтъ до этого событія русскіе приняли христіанство отъ грековъ, приняли къ себѣ присланныхъ изъ Константинополя церковныхъ іерарховъ, которые научили ихъ вѣрѣ и передали имъ весь греческій церковный обрядъ и чинъ. Понятно, что просвѣтителі русскихъ христіанствомъ, греки прежде всего научили ихъ творить на себѣ крестное знаменіе, какъ ви́шній, видимый для всѣхъ знакъ ихъ обращенія и принадлежности къ христіанству; понятно, что греки научили новопросвѣщенныхъ русскихъ творить крестное знаменіе такимъ же образомъ, какъ они сами творили его въ

въ вышеуказанномъ сочиненіи (t. I, сар. IV, р. 343) говорить: «и не важно, всей ли рукой или тремя перстами изображать крестъ, хотя яснѣе изображеніе Троицы при троеперстномъ знаменіи.

⁹⁹⁾ Объ употребленіи въ римской церкви троеперстія въ крестномъ знаменіи говорятъ: папа Левъ IV (847—855), папа Иннокентій III (1198), Лука, епископъ тудентскій въ Испаніи († 1288) и др. (Всѣ эти свидѣтельства указаны въ вышеупомянутой статьѣ высокопр. Макарія, помѣщенной въ Вратскомъ словѣ, 1876, кн. 2, стр. 38—39 и въ статьѣ преосв. Филарета, архіеп. черниговскаго, помѣщенной въ Чт. общ. исторіи и древностей 1847 г. кн. VII, стр. 32).

это время. А такъ какъ правымъ и обязательнымъ для православныхъ греки считали тогда двоеперстное перстосложеніе, то конечно и русскіе они научили знаменоватъ себя въ крестномъ знаменіи двумя перстами. Вотъ когда и откуда появилось на Руси двоеперстіе въ крестномъ знаменіи!

Но признаніе того факта, что двоеперстіе въ крестномъ знаменіи существовало нѣкогда въ православной греческой церкви, какъ преобладающая и господствующая форма перстосложенія, что она по времени предшествовала господствующему значенію троеперстія, нисколько однако не оправдываетъ нашихъ старообрядцевъ, доселѣ смотрящихъ на двоеперстіе какъ на единственно и исключительно православную форму перстосложенія и отрицающихъ всѣ другія формы, какъ неправославныя и даже еретическія. Дѣло въ томъ, что если двоеперстіе, какъ господствующая форма перстосложенія и употреблялось въ православной церкви ранѣе троеперстного перстосложенія, то все-таки и само оно не было однако первоначальною и древнѣйшею формою перстосложенія, а позднѣйшею и видоизмѣненною изъ древнѣйшей—единоперстія, такъ какъ въ первые вѣка христіанства знаменовались въ крестномъ знаменіи однимъ перстомъ. На это имѣется цѣлый рядъ несомнѣнныхъ свидѣтельствъ. Такъ св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ: „когда знаменуешься крестомъ, то представляй всю знаменательность креста... Не просто *перстомъ* должно изображать его, но должны сему предшествовать сердечное расположеніе и полная вѣра“. Св. Епифаній говоритъ о нѣкомъ знакомѣ ему православномъ мужѣ Іосифѣ, что онъ „взявъ сосудъ съ водою собственнымъ своимъ *перстомъ* напечатлѣлъ на немъ крестное знаменіе“. Объ употребленіи одного перста въ крестномъ знаменіи говорятъ затѣмъ: блаженный Іеронимъ, блаженный Теодоритъ, церковный историкъ Созоменъ, св. Григорій Двоесловъ Іоаннъ Москъ и др. Только у одного св. Кирилла іерусалимскаго мы встрѣчаемъ такое свидѣтельство: „съ дерзновеніемъ да изображаемъ *перстами* знаменіе креста на челѣ и на всемъ“¹⁰⁰).

¹⁰⁰) Всѣ эти свидѣтельства приведены въ статьѣ митрополита Макарія: «Правило Стоглаваго собора о двуперстіи съ исторической точки зрѣнія» (Братское слово 1875 г. кн. 2) и въ статьѣ «О крестномъ знаменіи» Филарета, архіепископа черниговскаго (Чт. Общ. ист. и др. 1847 г. № 7).

Самый крестъ при знаменованіи себя въ первые вѣка христіанства изображался иначе, чѣмъ въ послѣдующее время и теперь, именно: однимъ перстомъ изображали тогда крестъ по примѣществу на челѣ или же на устахъ, очахъ, персяхъ и вообще на отдѣльных частяхъ тѣла, такъ что знаменованіе себя большимъ крестомъ въ первые вѣка христіанства не употреблялось, а вошло въ обычай уже въ позднѣйшее время ¹⁰¹⁾.

Такимъ образомъ оказывается, что перстосложеніе для крестнаго знаменія было въ христіанской церкви въ различное время очень не одинаково; знаменовали себя крестомъ и однимъ перстомъ, и двумя, и тремя, причемъ въ различное время такому или иному перстосложенію усвоилось обыкновенно известное, определенное символическое значеніе въ связи съ тѣмъ или другимъ вѣроученіемъ ¹⁰²⁾, которое хотѣли выразить вѣншиимъ,

¹⁰¹⁾ Объ этомъ находятся свидѣтельства у Тертуліана, Кипріяна, св. Ипполита, Василія Великаго, Григорія Нисскаго, Ефрема Сирина, Амвросія Медиоланскаго, у Иеронима, Августина и др. Этотъ фактъ былъ извѣстенъ и нѣкоторымъ русскимъ первой половины XVI вѣка. Соборная грамота въ Соловецкій монастырь, о заточеніи бывшаго троицкаго игумена Артемія, говоритъ: «да и потому Артемью вина, что троицкій бывшей игуменъ Іона Сергіева монастыря писалъ на него, что онъ говорилъ хулу о крестномъ знаменіи: вѣтъ де въ томъ ничего, прежде д и сего на челѣ своемъ знаменіе клалъ, а нынѣ своимъ произволеніемъ болше на себя кресты кладуть» (А. Э. I, № 239, стр. 252).

¹⁰²⁾ Филаретъ, архіепископъ черниговскій, въ своей статьѣ: богослуженіе русской церкви до-монгольскаго времени, въ трактатѣ о крестномъ знаменіи говоритъ: «Извѣстно, что христіане вселенской церкви въ разное время различно знаменовались крестнымъ знаменіемъ, смотря по тому, какую мысль вѣри, какое чувство нужно выражать симъ вѣншимъ дѣйствіемъ, по обстоятельствамъ времени. Чтобы показывать единство Божіе многобожникамъ (въ первое время христіанства), творили знаменіе креста *однимъ перстомъ*. Когда явился Аріій съ своею враждою противъ св. Троицы, тогда *нѣкоторые* стали знаменоваться тремя перстами, хотя общимъ знаменіемъ продолжало оставаться одноперстіе. Сіе (троеперстное) неуспѣло еще освятиться употребленіемъ вмѣсто одноперстнаго, какъ монофизитство, явивъ къ концу V вѣка, заставило православныхъ обратиться къ другому знаменію. Монофизиты съ тѣмъ большимъ рвеніемъ продолжали употреблять одноперстное знаменіе, что оно, какъ казалось имъ, подкрѣпляетъ мнѣніе объ единомъ ествѣ въ Христѣ Иисусѣ. Православные, желая исповѣдать не только устами, но осязательнымъ знакомъ два естества во Христѣ, *стали знаменоваться себя двумя перстами*. Къ началу X вѣка сн два вида знаменій — одноперстное и двуперстное служили однимъ изъ вѣншихъ отличій двухъ разныхъ вѣроисповѣданій, монофизитскаго и православнаго. Такъ было въ Сиріи и

для всех видимымъ знакомъ, такъ что правильность того или другаго перетолкованія опредѣлялась въ данное время соединяемымъ съ нимъ ученіемъ. Самый крестъ въ знаменованіи себя христіане сначала изображали только или на челѣ, или на другихъ частяхъ тѣла и уже послѣ стали класть руку при изображеніи креста на чело, потомъ на животъ, на правое плечо и на лѣвое или сначала на лѣвое, а потомъ на правое. Следовательно перетолкованія въ крестномъ знаменіи и самый способъ изображенія креста имѣютъ свою исторію, такъ какъ они съ теченіемъ времени видоизмѣнялись по требованію тѣхъ или другихъ обстоятельствъ, причемъ эти видоизмѣненія, всегда находились въ связи съ выраженіемъ, которое хотѣли въ данное время выразить известнымъ перетолкованіемъ¹⁰²⁾. Отсюда само собою

Арменія, гдѣ монофизитство дѣйствовало съ особою силою. Между тѣмъ троенерстное знаменіе крестомъ входило болѣе и болѣе въ употребленіе и особенно тамъ, гдѣ монофизитство мало занимало собою умы людей: за нимъ осталось то преимущество, что оно для всехъ выражало одинъ изъ самыхъ важныхъ догматовъ христіанства—догматъ св. Троицы, а другихъ отклоняло отъ споровъ пустыхъ». (Чт. Общ. ист. и древн. 1847 г. кн. VII, стр. 30—32).

¹⁰²⁾ Къ сожалѣнію въ нашей литературѣ до сихъ поръ еще нѣтъ ни одного, строго-научнаго, безпристрастнаго и серьезнаго историческаго изслѣдованія какъ о перетолкованіи въ крестномъ знаменіи, такъ и по другимъ вопросамъ, которые однако уже цѣлыхъ два столѣтія служатъ между православными и старообрядцами предметомъ горячихъ споровъ, пререканій и взаимныхъ обвиненій, часто несправедливыхъ благодаря тому, что обѣ спорящія стороны не имѣютъ подъ собою твердой, научно-изслѣдованной почвы. Намъ кажется, что на нашихъ ученыхъ полемистахъ съ расколомъ лежитъ нравственный долгъ изслѣдовать спорные вопросы исторически, строго-научно, безъ предвзятыхъ, установившихся полемическихъ тенденцій, такъ какъ только подъ этимъ условіемъ и возможна будетъ правильная постановка полемики съ расколомъ, самая ея успѣшность и плодотворность. Въ самомъ дѣлѣ, для успѣха полемики съ расколомъ недостаточно ограничиваться одними обличеніями невѣжества и непониманія раскольниковъ, а нужно показывать и свое собственное, строго-научное и безпристрастно-приобрѣтенное знаніе, недостаточно ограничиваться и заявленіями однихъ общихъ истинъ, что обрядъ не догматъ, что онъ въ теченіе вѣковъ видоизмѣнялся въ православной церкви и можетъ видоизмѣняться, что значеніе обряда опредѣляется не тою или другою его внѣшнюю формою, а заключающимся въ немъ ученіемъ. Необходимо для успѣха полемики эти общія истины показывать и доказывать на безпристрастно и основательно изученной исторіи тѣхъ самыхъ частныхъ обрядовъ, по поводу которыхъ старообрядцы отдѣлились отъ церкви и о которыхъ доселѣ ведутся постоянно горячіе споры съ ними. Тогда и старообрядцу, если ему ясно, безпри-

следует, что считать какую-либо одну форму перстосложения за единственно православную, будто бы всегда неизменно существовавшую в православной церкви, исключаящую все другие формы, как неправославныя, придавать тому или другому перстосло-

страстно и безъ полемическихъ увлеченій будетъ изложена, напимѣрь исторія перстосложения въ православной церкви и если возможно и въ другихъ христіанскихъ церквахъ, сдѣлается понятнымъ, что обрядъ никакъ нельзя смѣшивать съ догматомъ, считать его, какъ и догматъ всегда одинаково неизмѣннымъ, тогда и онъ увидитъ, что съ точки зрѣнія древности существованія обряда и двоеперстіе и троеперстіе есть позднѣйшія формы перстосложения по отношенію къ древнѣйшей—одноперстію. Онъ увидитъ и то, что одноперстіе, сначала строго-православный обрядъ, употребляемый великими отцами и учителями церкви, съ теченіемъ времени сдѣлался неправославнымъ, конечно не самъ по себѣ, но въ виду того, что имъ воспользовались еретики монофизиты, связавшіе съ нимъ къ соблазну православныхъ свое еретическое ученіе, вслѣдствіе чего православная церковь и замѣнила у себя одноперстіе, ставшее символомъ монофизитства, двоеперстіемъ, ставшимъ символомъ православія. Онъ увидитъ далѣе, что появленіе двоеперстія и продолжительность его существованія въ православной греческой церкви зависѣло исключительно отъ монофизитства, только во время борьбы съ нимъ имѣло свой смыслъ и значеніе. Какъ скоро борьба съ монофизитствомъ прекратилась, то и сама греческая константинопольская церковь, желая и самой формою перстосложения въ крестномъ знаменіи отличаться не только отъ монофизитовъ одноперстниковъ, но и отъ несторіанъ, строго державшихся двоеперстія, съ которыми они соединяли свои еретическія представленія объ образѣ соединенія двухъ природъ во Христѣ, замѣнила у себя двоеперстіе болѣе естественнымъ и свойственнымъ всякому христіанину троеперстіемъ, а ея примѣру послѣдовали потомъ и все другія православныя церкви, такъ что двоеперстіе сдѣлалось съ этого времени исключительно принадлежностью только несторіанства, стало еретическимъ перстосложеніемъ въ глазахъ православныхъ. Отсюда уже само собою будетъ понятнымъ каждому не только то, что двоеперстіе не, есть догматъ, но что оно, перешедши на Русь отъ грековъ, когда тѣ вели еще борьбу съ монофизитами, для русской церкви вовсе не соприкасавшейся съ монофизитствомъ, никогда не имѣло того исключительнаго и важнаго значенія, какое оно имѣло въ свое время для церкви греческой. Въ виду этого для русскихъ рѣшительно не было никакихъ серьезныхъ и уважительныхъ сколько-нибудь причинъ упрямно держаться именно только двоеперстной формы перстосложения, а тѣмъ болѣе считать ее за исключительно православную форму, особенно послѣ того, какъ и сама греческая церковь отказалась отъ двоеперстія и замѣнила его у себя троеперстіемъ, благодаря чему нѣкогда православное двоеперстіе сдѣлалось теперь исключительно принадлежностью еретиковъ несторіанъ. Наконецъ, если двоеперстіе уже по самому своему существу и происхожденію не имѣло на Руси той исключительной спеціальной причины для своего существованія, какаю для него была въ извѣстное время въ греческой церкви и уже по одному этому

женію въ крестномъ знаменіи значеніе догмата, характеръ неизмѣняемости, значить или вовсе не знать исторію перстосложенія, или завѣдомо искажать ее изъ неправильно понятыхъ полемическихъ цѣлей. То перстосложеніе православно и обязательно для каждаго христіанина, какое въ данное время признаетъ такимъ сама православная церковь, такъ какъ только ей одной исключительно принадлежитъ право, какъ устанавливать и

должно было уступить съ теченіемъ времени свое мѣсто троеперстію, то тѣмъ болѣе такая перемѣна должна была совершиться у насъ, что благодаря неправильному взгляду на обрядъ вообще и въ частности благодаря незнанію исторіи перстосложенія въ крестномъ знаменіи, нѣкоторыми русскими придано было двоеперстію совсѣмъ неподобающее ему значеніе: оно признано было за догматъ, за единственно православную форму перстосложенія, всегда неизмѣнно существовавшую будто бы въ православной церкви и исключавшую всѣ другія формы перстосложенія, какъ неправильныя. И это въ то время, когда на православномъ востокѣ двоеперстіе сдѣлалось исключительно принадлежностію несторіанства, когда тамъ на употребленіе двоеперстія стали смотрѣть какъ на внѣшній видный знакъ принадлежности употребляющаго его лица къ несторіанству. Между тѣмъ русскіе, имѣя неправильное представленіе о происхожденіи и значеніи двоеперстія, стали однако обвинять грековъ на этомъ между прочимъ основаніи въ неправославіи, въ искаженіи древняго православнаго обряда и только себя считали людьми истинно и строго православными, вслѣдствіе чего замѣна у насъ двоеперстія, теперь уже исключительно несторіанскаго обычая, троеперстіемъ становилось дѣломъ требуемымъ миромъ церквей и правильно-понятыми интересами самой русской церкви.

Конечно возстановить полную подлинную исторію перстосложенія въ крестномъ, знаменіи съ начала царствованія христіанской церкви до позднѣйшаго времени, равно какъ и исторію другихъ вопросовъ, служащихъ предметомъ спора между православными и раскольниками, дѣло очень не легкое, но въ то же время и не невозможное. Хотя въ древней христіанской церкви и не придавали обряду того преувеличеннаго значенія, какое ему придано было нѣкоторыми въпослѣдствіи особенно русскими, но все-таки и въ то время обрядъ имѣлъ вообще очень важное значеніе, а если съ нимъ соединилось такое вѣроученіе, по поводу котораго происходили споры и несогласія, то въ такихъ случаяхъ обрядъ ставился наравнѣ съ самымъ ученіемъ. Благодаря этому обстоятельству уже одно изученіе, наприм. несторіанства и монофизитства, въ связи съ исторіею православія и многочисленныхъ попытокъ къ ихъ взаимному примиренію, когда обращается серьезное вниманіе и на существовавшія между ними обрядовыя разности, можетъ дать, по нашему мнѣнію, очень цѣнный матеріалъ и для рѣшенія разныхъ обрядовыхъ вопросовъ.

освящать своимъ употребленіемъ тѣ или другіе церковные обряды, такъ и производить въ существующихъ обрядахъ тѣ перемѣны, какія по ея мнѣнію необходимы по требованію извѣстныхъ обстоятельствъ, въ видахъ огражденія и упроченія православія. Обязанность же всякаго православнаго христіанина въ этомъ случаѣ состоитъ въ томъ, чтобы безпрекословно подчиняться водительству церкви, признавать для себя обязательнымъ и спасительнымъ то, что такимъ признаетъ святая церковь.

Г Л А В А V.

Патріаршество Іосифа замѣчательно и въ томъ отношеніи, что въ его время со стороны свѣтскаго и духовнаго правительства проявляется особенная заботливость о распространеніи у насъ просвѣщенія. Эта заботливость сказывается прежде всего въ усиленномъ изданіи разныхъ отеческихъ произведеній и книгъ учительнаго характера въ родѣ Кирилловой книги, книги о Вѣрѣ, малаго Катихизиса (который издается, какъ говоритъ предисловіе, „ради ученія и вѣдѣнія всѣмъ православнымъ христіаномъ, наипаче же дѣтемъ учащимся“), общеобразовательныхъ, въ родѣ грамматики Мелетія Смотрицкаго. При изданіи самыхъ церковныхъ книгъ видна та же заботливость о распространеніи просвѣщенія. Іосифовскіе книжные справщики вносятъ въ наши церковныя книги разные не печатавшіяся въ нихъ ранѣе статьи, которыя бы содѣйствовали болѣе сознательному и разумному усвоенію церковныхъ книгъ, вносили бы въ чтеніе ихъ болѣшую осмысленность и оберегли бы читателей отъ разныхъ грубыхъ ошибокъ и погрѣшностей. Съ этою именно цѣлю въ Псалтирь напримѣръ, эту самую любимую и распространенную между грамотными книгу, вносится особая статья о великомъ значеніи креста для христіанина, о томъ, какъ слѣдуетъ знаменоваться крестнымъ знаменіемъ и что этимъ исповѣдуются; или же вносятся такая статья: „наказаніе ко учителемъ, како имъ учить дѣтей грамотѣ, и како дѣтемъ учиться божественному писанію и разумнѣю“; причемъ указываются и тѣ грубыя ошибки, въ которыя могутъ впасть обучаемые и на что учителямъ слѣдуетъ обратить особенное вниманіе; рекомендуется, чтобы ученики

читали неспѣшно, усвоили бы разумъ читаемаго, такъ какъ грамотное ученіе „дѣло Божіе есть“, и потому не допускаетъ небрежности. А самимъ учителямъ, если они окажутся не особенно свѣдущими, рекомендуется: „и вы зрите въ самую грамматику, и въ ней подробну вся узрите“.

Сознаніе необходимости не только осмысленнаго чтенія церковныхъ книгъ, необходимости усиленія религіознаго просвѣщенія, но и сознаніе необходимости правильнаго научнаго образованія все болѣе укоренилось въ передовомъ русскомъ обществѣ временъ патріарха Іосифа. Съ особенною силою и убѣдительностію говоритъ объ этомъ предисловіе къ грамматикѣ Смотрицкаго. Здѣсь прежде всего указывается на то, что знаменитѣйшіе отцы церкви: Аѳанасій Великій, Василій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ, Іоаннъ Дамаскинъ и другіе святые изучали различныя науки: грамматику, философію, риторику, землемѣріе, астрономію; что ради обученія наукамъ они покидали родину и посѣщали различные города, гдѣ только находились какіе-либо знаменитые учителя; что они не только сами изучали различныя науки, но и считали изученіе ихъ необходимымъ для всѣхъ урокомъ правильнаго пониманія и усвоенія Св. Писанія, необходимымъ условіемъ истинно-христіанскаго міросозерданія и даже самой христіански-благочестивой жизни. Въ виду этого составители предисловія съ особенною силою вооружаются на противниковъ и презрителей внѣшняго научнаго образованія. „И внѣшнее (образование), говорятъ они, еже мнози отъ христіанъ ненавидятъ и отменютъ, яко пакостно и навѣтно и отъ Бога разлучающа, — *еа же многы злы разсуждающе*; ибо понеже нѣціи отъ внѣшня премудрости повредишася умомъ, восхотѣвши смыслити о небеси и о прочихъ тварехъ, мы же о сихъ добръ разсуждающе, елика потребна къ животу и наслажденію сія плодствимъ, елика же вреждающая, отметаемъ... тако убо и о еллинскихъ ученій: елика есть *испытательно и зрительно* сущихъ по естеству сія пріяхомъ, елика же *лестна и пагубна*, сирѣчь боготоренія бѣсовомъ и другая, подобная симъ, отвергохомъ, паче же отъ тѣхъ ученій пользовахомъ благочестивіи. Тѣмъ же не подобаетъ укоряти и безчестивовати наказанія, *якоже мнитися* нѣкимъ *неискуснымъ сущимъ и не имущимъ* разума, еже раздѣ-

лити лучшее отъ горькаго; азъ убо глаголю, яко иже безчестуютъ наказаніе, тѣ сами немаказани суще и велятъ всѣмъ ненаказаннымъ быти, даже отъ нерадѣнія злая творяще, не обличаеми будутъ по реченному, яко отринута чувство и обличающаго во вратѣхъ возненавидѣша; всѣ бо исповѣдуемъ, яко честнѣйше есть ученіе въ насъ и наказаніе сущихъ благъ.“ Указываются примѣры святыхъ искателей любомудрія. „Къ сраму же и затканіе устъ неблагопріятныхъ и поношающихъ быти любомудрію, да посрамятся убо иже не внимающіи во ученіе словеса богословецъ, паче же и укоряюще сіе и инѣмъ возбраниющіи, воспрославятъ же ся отъ Бога и человекъ, иже то проходящія... Простится же убо еже ненаученія согрѣшеніе, аще точію не отъ дѣлности происходитъ. А еже съ ненаученіемъ имѣти разума киченіе, люто есть и ненавистно, и прощенія всякаго недостойно, и болѣе да не глаголю крайняго ненаученія знаменія“... Съ особенною силою возстаеъ претивъ тѣхъ „иже въ писаніихъ божественныхъ словесъ разуму непрележаще“, которые говорятъ, „яко нѣсть нужда еже испытovati писанія и ученія многа.“ Возражающимъ, что въ Св. Писаніи много „неудобо разумна намъ являются“ и потому читать и понимать его трудно, дается совѣтъ „недовѣдомая“ прочитывать много разъ, а если и послѣ этого оно останется непонятнымъ, „шестуй къ премудрѣйшему учителю и вопросы глаголемыхъ и много покажи потщаніе“ и тогда Господь, видя твое усердіе „открыеть ти всяко“. Въ частности, въ послѣсловіи о необходимости изученія для каждаго грамматики говорится, что не изучившій ея „и въ писаніихъ покушаяся изслѣдити, аще и зѣло преимѣя разумомъ будетъ, всячески погрѣшити имать: како бо кому взыти возможно на послѣднія степени, первыхъ не причащшуся; или како разрѣшити возможно въ писаніихъ обрѣтаемыя творческія силлогизмы, паче же писати и читати и глаголати добръ, аще не сей кто первѣе пріобщився“ ¹⁾?

Но одними заявленіями о важности и необходимости научнаго образованія при патріархѣ Іосифѣ уже не ограничились, а стали

¹⁾ Нелишнимъ считаемъ сопоставить эти воззрѣнія дѣйствительныхъ книжныхъ

дѣлательно стремиться основать въ Москвѣ, съ помощію ученыхъ кіевлянъ и грековъ, настоящую школу, въ которой бы русскіе могли получать правильное научное образованіе. Въ 1670 году намѣстникъ кіевского митрополита старецъ Игнатій, будучи въ Москвѣ, подалъ государю челобитную, въ которой, отъ имени

Іосифовскихъ справщиковъ на науку и научное образованіе съ тѣми воззрѣніями на этотъ предметъ, которыя имѣли *предполагаемые* книжные Іосифовскіе справщики: Аввакумъ, Лазарь и др., чтобы еще разъ видѣть всю, прямо бросающуюся въ глаза несообразность этого предположенія. Аввакумъ говоритъ, что Діонисій Ареопагитъ «прежде даже не пріѣхавъ въ вѣру Христову, хитрость имѣя исчитати бѣги небесныя; егда же вѣрова Христови, вся сія вѣдѣнья быти яко умѣны. Къ Тимошею пишетъ въ днѣхъ своей, сице глагола: дитя, али неразумѣешь яко вся сія вѣдѣнья блядъ ничтоже суть, но токмо прелесть, и тля и пагуба... Исчитати бѣги небесныя любятъ погибающіи, понеже любве истинныя не пріѣхавъ, во еже спастися имъ: и сего ради послѣтъ имъ Богъ дѣйство лести, во еже вѣровати имъ иже, да судъ примутъ невѣровавшіи истинѣ, но благоволиша о неправдѣ». Въ другомъ мѣстѣ: «Алманашины и звѣздочетцы и вси зодѣйщики познали Бога вѣдѣніемъ хитростию, и не яко Бога почтоша и прославиша, но осуетишася своими умышлѣніи, угодоблѣтиса Богу своею мудростию начинающе, якоже первый блядивый Невродъ, и по немъ Зевесъ прелататый, блудодѣй, и Ермисъ піяница, и Артемида любодѣица, о нихъ-же Грамографъ и вси кронники свидѣлствуютъ, тоже по нихъ бывше Платонъ и Пинеагоръ, Аристотель и Діогенъ, Иннократъ и Галинъ: вси сіи мудри быша и во адъ угодниша... Вси христіане отъ апостолъ и отъ отецъ святыхъ научени быша смиренію, и кротости и любви нелицемѣрной; съ вѣрою непорочною и постомъ, и со смиренною мудростию, живуще въ трезвости, достигаютъ не мудрости вѣдѣніемъ поразумѣвати и луннаго теченія, но на самое небо восходятъ смиреніемъ... Виждь, гордождецъ и алманашинокъ, гдѣ твой Платонъ и Пинеагоръ! Тако ихъ, яко свиней, вши съѣли и память ихъ съ шумомъ погибѣ, гордости ихъ и угодоблѣнія ради Богу. Мои же святіи, смиренія ради и долготерпѣнія, отъ Бога прославишася и по смерти обоготовлени быша, понеже и тѣлеса ихъ являютъ въ нихъ живущую благодать Господню, чудесыи и знаменіи яко солнце повсюду сіяютъ»... «Такъ то и нынѣшніе алманашиники, слыхалъ я, мало покоемъ имѣютъ себѣ: и ветхая испражняты пойдеть, а въ книжку поглядитъ, здороволи испраждится. Свиньи и коровы болши васъ знаютъ, предъ погодою визжать, да режутъ, да подъ повѣти бѣгутъ: и послѣ того дождь бываетъ. А вы, разумныя свиньи, лице небу и земли нивѣтрете, а времени своего не искушаете, како умѣреть. Горе, да только съ вами, съ толстыми быками! «И кромѣ философіи и кромѣ риторикъ и кромѣ грамматикъ мощно есть вѣрно сущу препрети всѣхъ противящихся истинѣ». — «И мы, Михайловичъ, станемъ поучатися, какъ намъ умерети и умъ вперити въ Богу всегда да полезѣе намъ будетъ тамо, егда обрящемся со Христомъ, нежели съ рито-

митрополита Петра Могилы, заявляя, что „смиранный отецъ, митрополитъ кievскій Петръ, паче всѣхъ прошеній своихъ, изрядное бьетъ челомъ твоему царскому величеству, пожалуй, благочестивый царь, и повели въ царствующемъ своемъ градѣ, благодатию и казною своею царскою, монастырь соорудить, въ которомъ бы старцы и братія общежительнаго кievскаго брат-

рикою славы ница, быти кромѣ Христа. Молю Бога ввечеръ и утро и полудне еже бы тебѣ не желати риторикѣ киченія ради, но искати распятаго Христа.— Христосъ не училъ насъ діалектики и ни краснорѣчія, потому что риторъ, ни философъ не можетъ быти христiанинъ. Аще кто отъ христiанъ не истощитъ отъ своего помышленія всяку премудрость вѣшнюю и всяку память эллинскихъ философовъ, спастися не можетъ. Премудрость эллинская мати всѣмъ лукавымъ дохматомъ. Сократа философа эллинскаго вни съѣли, Платона въ ссылку сослали и тамо зѣвъ исчезъ, понеже хотѣлъ ново житіе въ людехъ поставити». (Матер. для ист. раск. V, стр. 3, 298—299, 334—335; 1, стр. 682—686). Дьяконъ Федоръ свой взглядъ на значеніе науки и образованія вообще высказалъ въ своемъ разговорѣ съ иконійскимъ митрополитомъ Аванасіемъ. Митрополитъ спрашивалъ Федора: «Платона и Аристотеля читалъ-ли»?—Федоръ: «которая польза такіа книги честь? Не чту азъ таковыхъ книгъ».—Митрополитъ: «а когда ты не читалъ, незнаешъ ничего».—Федоръ: «на что мнѣ тѣя книги чести эллинскихъ безбожныхъ поганныхъ философовъ, которые въ болваны вѣровали и о тщетной мудрости упражнялися, а спасенія себѣ не искали!»—Митрополитъ: «а грамматику училъ ли, или читалъ»?—Федоръ: «разумѣю отчасти; грамматика не вѣрѣ учить, но какъ какое слово добръ глаголати и правѣ писати. То мое о Христѣ ученіе: восточныя святія церкви книги и правыя догматы. Митрополитъ: «а богословію училъ ли еси»?—Федоръ: «Богословію Христа моего разумѣю отчасти,—потрудился; отче,—и сего ради добръ во Христа вѣрую и вѣмъ».—Въ другомъ мѣстѣ Федоръ такъ опредѣляетъ кругъ необходимыхъ знаній: «И ты, чадо мое животное, Максиме, аще знаешъ тѣхъ мнящихся быти учителей и наставниковъ по гибели и во тмѣ невѣдѣнія шатающихся, вели имъ прочести съ трезвымъ умомъ и съ чистою совѣстію четыре Христова евангелія, изряднѣе же сына Громова богословіе, и прочихъ святыхъ апостолъ проповѣдь вселенную, и святыхъ седьми соборовъ и девяти помѣстныхъ дѣянія и правила ихъ проити, къ симъ же святія учительныя слова прочести съ разумомъ и со извѣстнымъ испитаніемъ, да къ тому же и вся службѣ на господскія двудесятия праздники просмотрити, стихѣры и славники, и ирмосы и каноны, богомудрыхъ творцовъ гранесія, да научатся отъ всѣхъ тѣхъ и громогласно съ нимиже всѣми святыми согласно исповѣдати въ Троицѣ единого Бога». (Ibid. VI стр. 54, 101). Съ своей стороны Лазарь въ челобитной государю, говоритъ: царю благородный, вѣмъ ты благоразумна и мудра суща и чуждуса, како времени сего не испытуешъ! Имѣеши у себя мудрыхъ философовъ, разсуждающихъ лице небеси и земли и у звѣздъ кво-

скаго монастыря живучи, о твоёмъ царскомъ величествѣ и о благовѣрной царицѣ твоей и о Богомъ дарованныхъ царскихъ чадѣхъ величества твоего безпрестанно Бога молили и дѣтей боярскихъ и простаго чину грамотѣ греческой и словянской учили. Дѣло то Богу угодно будетъ и твоему царскому величеству честно, и во всѣхъ странахъ преславно. Аще возможно величеству твоему въ семъ прошенію отца митрополита кievскаго пожаловати благодатно, яко милосердый царь и свѣтило всему православному роду россійскому, по воли своей государской сотвори, а отецъ митрополитъ кievскій твою государскую волю вскорѣ исполнить и старцовъ со учителями пришлеть“²⁾. Но на этотъ разъ предложеніе кievскаго митрополита въ Москвѣ не было принято. Тогда, въ 1645 году, въ Москву прибылъ за мѣстонынею палеопатрасскій митрополитъ Теофанъ, который подалъ царю особую челобитную, и въ ней между прочимъ заявлялъ: „да повелиши быть (въ Москвѣ) греческой печати и пріѣхати греческому учителю учить русскихъ дѣтей философіи и богословія греческаго языка и по русскому“. Ходатайство Теофана принято было въ Москвѣ благосклонно, тѣмъ болѣе, что онъ самъ вызвался подыскать для московской школы подходящаго учителя и дѣйствительно прислалъ въ Москву „для печати и ученія“ константинопольскаго архимандрита Венедикта. Но въ Москвѣ Венедиктъ, своимъ учительскимъ самохвальствомъ, мелочною притязательностію и неблаговидными поступками произвелъ крайне непріятное впечатлѣніе и потому былъ отосланъ назадъ. Послѣ этой неудачной попытки основать школу въ Москвѣ съ помощію грековъ, постельничій Федоръ Ртищевъ рѣшился привести въ исполненіе проектъ, въ 1640 году предложенный кievскимъ митрополитомъ Петромъ Могилою, объ основаніи въ Москвѣ монастыря, въ которомъ бы вызванные изъ кievскаго братскаго монастыря иноки „дѣтей боярскихъ и простаго чину грамотѣ греческой и словянской учили“. Съ согласія и по бла-

сты аршиномъ измѣряющихъ: и таковыхъ глаголетъ Спасъ лицемѣры быти, яко времени сего не испытуютъ, а ты, государь, таковыхъ честныхъ имаши и различными брашны питаеши и благовонными питіями наполяеши, и хоцещи вѣшними ихъ плетухами власть свою мирну управити» (Ibid. IV, 252).

²⁾ Ак. юг.-зап. Рос. т. III, № 33 и 44.

гословенію патріарха Іосифа возникаетъ близъ Москвы Андреевскій монастырь и населяется иноками изъ разныхъ южно-русскихъ монастырей. Въ 1649 году само правительство вызываетъ въ Москву ученыхъ кіевлянъ для перевода Библии съ греческаго языка на славянской и какъ значится въ одной официальной справкѣ, „для риторскаго ученія“¹⁾. Въ 1649 году въ Москву призываетъ іерусалимскій патріархъ Паксій; а съ нимъ его дидакаль, грекъ Арсеній, который ранѣе жилъ въ кіевской Руси и зналъ славянской языкъ. Наше правительство оставляетъ Арсенія въ Москвѣ въ качествѣ учителя риторики въ имѣющейся открыться въ Москвѣ школѣ. Но этого мало. Царь обратился съ просьбою къ бывшему тогда въ Москвѣ іерусалимскому патріарху Паисію, чтобы онъ по возвращеніи на востокъ позаботился прислать между учеными греками благонадежнаго учителя и прислать его для учительства въ Москву: объ этомъ свидѣтельствуеетъ грамота патріарха Паисія къ царю въ 1663 году, въ которой онъ, посылая въ Москву въ качествѣ учителя для московской школы, митрополита Навпакта и Арты Гавріила, пишетъ: „повелѣли намъ, богомольцу вашему, радѣти и обрѣсти единаго учителя премудраго и православнаго, и не имѣлъ бы никакого пороку во благочестивой вѣрѣ, и былъ бы далече отъ еретиковъ, и послати бъ намъ іво ко святому вашему царствію поклонится, да ученить учительство и учить эллинскій языкъ, якоже она есть древняя отъ иныхъ языкъ, понеже она корень и источникъ инымъ“. Въ то время, когда Ртищевъ и самъ государь озабочивались устроить въ Москвѣ школу, которая бы служила разсадникомъ научнаго просвѣщенія для русскихъ, и патріархъ Іосифъ, съ своей стороны, тоже хлопоталъ о томъ, чтобы подыскать на востокъ между православными учеными греками подходящаго благонадежнаго учителя для московской школы. Хлопоты объ этомъ патріархъ возложилъ на извѣстнаго грека Ивана Петрова Тафрали, служившаго нашему правительству въ качествѣ тайнаго агента по сношеніямъ съ православнымъ востокѣмъ. Иванъ Петровъ исполнилъ порученіе патріарха Іосифа, и въ 1649 году доносилъ ему: „даю вѣдомость о нѣкоторомъ

¹⁾ Малороссійскія дѣла, св. 5, 1652—1653 г. № 16. Въ одномъ рукописномъ сборникѣ XVII вѣка тоже говорится, что Епифаній былъ вызванъ царемъ въ Москву «ради наученія славено-россійскаго народа дѣтей эллинскому наказанію» (опис. синод. библ. отд. II, 3 № 291, стр. 427).

учитель смышленомъ эллинскому языку и разсудителя евангельскому слову и имя ему Медентій, прозвище Сирихъ, что такова учителя втораго не обрѣтается во всей вселенной и ни въ которомъ мѣстѣ, и далъ свое слово—хотѣлъ придти сюда къ благочестивому царю и святѣйшему вашему. А будетъ изволеніе благочестиваго царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, самодержца всея Руси и произволеніемъ святительства вашего, изволите дати грамоту мнѣ, да онъ придетъ сюда, и челомъ бью, да мнѣ о томъ учини указъ и подай отвѣтъ“⁴⁾.

Такимъ образомъ уже во время патріарха Іосифа въ извѣстной части передоваго московскаго общества ясно была признана несостоятельность нашей предшествующей умственной жизни, открыто была признана необходимость науки и образованія и какъ естественный результатъ этого сознанія уже при Іосифѣ явились усиленныя хлопоты объ учрежденіи въ Москвѣ правильно организованной школы, во главѣ которой стояли бы или ученые кіевляне, или ученые греки⁵⁾. Слѣдовательно, тотъ

⁴⁾ О попыткахъ устроить въ Москвѣ школу съ помощію грековъ см. нашу книгу: Характ. отнош. Рос. къ прав. востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ стр. 477 и слѣд.

⁵⁾ Обыкновенно всѣ заботы объ устройствѣ въ Москвѣ школы и вызовъ ученыхъ кіевлянъ и грековъ въ Москву стараются приписать вліянію Никона, видѣть въ этомъ только его личное дѣло. Но думать такъ несправедливо. Никонъ, насколько теперь извѣстно, вовсе не заботился объ устройствѣ въ Москвѣ школы. Это видно изъ слѣдующаго. Когда Іерусалимскій патріархъ Паисій былъ въ Москвѣ (1649), то царь, конечно съ согласія и одобренія патріарха Іосифа, просилъ Паисія, чтобы онъ и другіе патріархи прислали на востокъ хорошаго, строго-православнаго учителя грека и прислали бы его въ Москву для учительства. Паисій исполнилъ эту просьбу царя только въ 1653 году, когда московскимъ патріархомъ былъ уже Никонъ. Въ качествѣ учителя Паисій прислалъ въ Москву митрополита Навпакта и Арты Гавріила Власія, о которомъ писалъ царю: «избрали есми достойнаго о такомъ дѣлѣ, яко сего преосвященнаго Навпакта и Арты, пречестнаго экзарха всеа Италіи, премудраго учителя и богослова великія церкви Христовы, о Святомъ Дусе возлюбленнаго брата нашего и сослужителя нашего смиренія, господина Гавріила Власія, якоже такова въ нынѣшнихъ временахъ въ родѣ нашемъ не во многихъ обрѣтается... А только будетъ произволить царствіе ваше быти учительству, и онъ готовъ есть побыти, колико время ему возможно, а мы ему также общались, что ему имѣти волю свою, а будетъ благодарить великое ваше царствіе. И онъ побудетъ и много время, покажѣста ученики отъ него отойдутъ, и противлятися будутъ съ еретиками, и отвѣтъ бу-

переворотъ въ нашей умственной жизни, когда старая московская, основанная на крайне односторонней книжной начитанности ученость, вмѣстѣ съ старыми московскими сборниками и другими продуктами старорусскаго писательства, признаны были несостоятельными, неудовлетворяющими болѣе современнымъ запросамъ и потребностямъ жизни; когда признана была необходимость усиленныхъ литературныхъ заимствованій изъ южно-русскихъ произведеній, необходимость болѣе тѣснаго сближенія съ образованными кіевлянами и греками, чтобы съ ихъ помощію перенести науку въ Москву и при посредствѣ правильно устро-

дуть давать обо всякомъ вопросѣ, и будетъ благодаритися великое ваше царствіе, и всѣ бояре и князи, и будещи оставити вѣчное воспоминаніе въ похвалу и славу отъ всѣхъ царствъ и королевствъ». Съ своей стороны и константинопольскій патриархъ Іоанникій писалъ царю о митрополитѣ Гавріилѣ, что онъ «и богословъ и православный въ родѣ нашемъ, и что произволитъ великое ваше царствіе отъ него вопросити отъ богословія и изысканія церковнаго, о томъ будетъ отвѣтъ держати благочестію и православно, якоже воспріяла благочестивая Христова великая апостольская и восточная церковь». Но и помимо этихъ рекомендацій восточныхъ патриарховъ русское правительство уже ранѣе хорошо знало Гавріила Власія, который, проживая въ Молдавіи въ качествѣ учителя, не разъ присылалъ на Русь, какъ ея доброхотъ, отписки съ политическими вѣстями, и кромѣ того ранѣе прислалъ въ Москву двѣ книги: одна—Мелетія, патриарха александрийскаго, противъ іудеевъ, другая—грамматика, причѣмъ обѣ книги были писаны «эллиньскимъ и словенскимъ языкомъ». Такимъ образомъ митрополитъ Гавріилъ удовлетворялъ всѣмъ требованіямъ, чтобы быть принятымъ въ Москвѣ въ качествѣ учителя: обѣ его православія, выдающейся учености и способности къ учительству торжественно свидѣтельствовали своими грамотами сами восточные патриархи, онъ былъ уже извѣстнымъ доброхотомъ русскаго правительства, онъ зналъ славянскій языкъ и уже ранѣе присылалъ въ Москву книги на греческомъ и славянскомъ языкахъ. А между тѣмъ Гавріилъ не остался въ Москвѣ учителемъ, но былъ отосланъ назадъ, хотя патриархомъ теперь уже былъ Никонъ, предполагаемый ревнитель и поборникъ учрежденія въ Москвѣ школы съ помощію ученыхъ иностранцевъ. Это очень странное явленіе можно бы, пожалуй, объяснить тѣмъ, что Никонъ, вѣроятно, имѣлъ какія-либо вѣскія для него причины не поручать именно Гавріилу устройство въ Москвѣ школы, а хотѣлъ передать это дѣло въ болѣе вѣрныя и лучшія, по его мнѣнію, руки. По въ дѣйствительности этого не было. Изъ всего времени патриаршества Никона мы не только рѣшительно не имѣемъ никакихъ данныхъ, но даже и намековъ на то, чтобы Никонъ сколько-нибудь думалъ и заботился объ устройствѣ въ Москвѣ школы, хотя времени для этого у него было достаточно, а его выдающееся вліятельное положеніе, его тѣсныя связи съ греками и кіевлянами, давали ему полную возможность быстро и скоро осуществить мысль своего предшественника объ устрой-

енной школы прочно водворить ее здѣсь,—этотъ въ высшей степени важный переворотъ въ нашей духовной жизни начался и въ извѣстной части общества совершился уже при патріархѣ Іосифѣ, время котораго, съ этой стороны, несомнѣнно было временемъ прогрессивнымъ, временемъ того поворота въ умственной жизни русскихъ, который въ концѣ концовъ привелъ ихъ потомъ къ тѣсному сближенію съ образованнымъ Западомъ.

ствѣ въ Москвѣ школы. Между тѣмъ мы видимъ явленіе какъ разъ противоположное: незадолго до патріаршества Никона у насъ идутъ горячія хлопоты о привлеченіи въ Москву ученыхъ, энергичные поиски подходящихъ учителей для задуманной Московской школы; со вступленіемъ же на патріаршій престолъ Никона всѣ эти хлопоты и поиски разомъ прекращаются и вопросъ объ устройствѣ въ Москвѣ школы совсѣмъ сходитъ съ очереди. Ясно дѣло, что вопросъ объ устройствѣ въ Москвѣ школы былъ поднятъ и дѣлательно разрабатывался вовсе не Никономъ, а другими лицами, Никонъ же былъ и навсегда остался къ нему равнодушенъ. Правда, Никонъ имѣлъ у себя подъ рукою нѣсколькихъ ученыхъ грековъ и кіевлянъ, но они были оставлены въ Москвѣ не имъ, а еще Іосифомъ и Никонъ воспользовался ими не для устройства въ Москвѣ школы, но только для книжныхъ переводовъ и исправленій.

ГЛАВА VI.

На ряду съ прогрессивными просвѣтительными стремленіями, такъ замѣтно проявившими себя во время патріаршества Іосифа, сказалось у насъ въ этоже самое время и другое направленіе, противоположное первому, которое, особенно усилившись къ самому концу патріаршества Іосифа, враждебно столкнулось съ новыми московскими вѣяніями, вступило въ борьбу съ самимъ патріархомъ Іосифомъ, потомъ упорно продолжало бороться съ преемникомъ Іосифа—Никономъ и въ концѣ концовъ породило въ русской церкви расколъ. Откуда и какъ появилось это направленіе при Іосифѣ, кто были его представители, во имя чего и за что оно собственно ратовало—все это такіе вопросы, на которые нѣтъ удовлетворительныхъ отвѣтовъ у нашихъ церковныхъ историковъ и полемистовъ съ расколомъ, а между тѣмъ безъ ихъ рѣшенія невозможенъ правильный взглядъ на борьбу между патріархомъ Никономъ и противниками его исправленій, невозможно и правильное пониманіе происхожденія у насъ раскола. Сколько позволятъ наши средства, мы попытаемся изложить это дѣло, какъ мы его понимаемъ, чтобы хотя что-нибудь освѣтить будущему изслѣдователю на этомъ темномъ еще пути.

Со вступленіемъ на царскій престолъ Алексѣя Михайловича особенно выдающееся значеніе въ Москвѣ въ церковныхъ дѣлахъ получилъ духовникъ царя, протопопъ московскаго Благовѣщенскаго собора Стефанъ Вонифатьевъ. Судя по тому немногому, что мы знаемъ о Стефанѣ ¹⁾, нужно признать, что это

¹⁾ Наши свѣдѣнія о Стефанѣ Вонифатьевичѣ заимствованы почти исключи-

былъ человѣкъ выдающійся по своему уму, высокимъ нравственнымъ качествамъ, по своей ревности къ благочестію, по своимъ стремленіямъ къ общественной дѣятельности. Это былъ по словамъ біографа Неронова, „мужъ благоразуменъ и житіемъ добродѣтеленъ, слово учительно во устахъ имѣя“, человѣкъ, умѣвшій внушить къ себѣ любовь и уваженіе всѣхъ окружающихъ его лицъ. Молодой и воспріимчивый царь Алексѣй Михайловичъ воспитался подъ замѣтнымъ вліяніемъ своего ревностнаго по благочестію духовника, который, „всегда входя въ царскія палаты, глаголаше отъ книгъ слова полезная, увѣщевая со слезами юнаго царя ко всякому доброму дѣлу, и врачуя его царскую душу отъ всякихъ злыхъ начинаній“, такъ что то глубокое и постоянное благочестіе, которое потомъ всегда проявлялъ царь Алексѣй Михайловичъ, было насаждено въ немъ и укрѣплено съ юныхъ лѣтъ его духовникомъ, Стефаномъ Вонифатьевымъ ²⁾. Какъ сильно было вліяніе духовника на молодого царя и въ какую сторону оно направлялось, это между прочимъ видно изъ того, что когда Алексѣй Михайловичъ женился на Маріи Милославской, „тогда честный опытный протопопъ Стефанъ и моленіемъ и запрещеніемъ устрои не быти въ оно брачное время смѣху никаковому, ни кошунамъ, ни бѣсовскимъ играніямъ, ни пѣснемъ студнимъ, ни сопельному, ни трубному козлогласованію“. Стефанъ, какъ истый ревнитель благочестія, хотѣлъ, чтобы именно царскій домъ былъ образцомъ христіанской жизни для подданныхъ, чтобы царь первый отказался отъ тѣхъ свадебныхъ обычаевъ, забавъ и игръ, въ которыхъ болѣе всего сохранилось

тельно изъ біографіи протопопа Іоанна Неронова, составленной современникомъ и напечатанной въ первомъ томѣ Матеріаловъ для исторіи раскола П. Субботина.

²⁾ Что Стефанъ Вонифатьевъ поучалъ царя благочестію чтеніемъ ему назидательныхъ книгъ, это видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго: въ письмѣ Стефану изъ Вологды, отъ 13 іюля 1654 года, Нероновъ пишетъ: «преподобнаго-же отца Θεодора Исповѣдника, игумена Студійскаго, житіи къ тебѣ послахъ, моля, да часто почитаеши его предъ благочестивымъ царемъ, чтобъ ему, государю, внятно было. Паче же и великаго свѣтильника и вселеннѣй учителя воистину, и покаянію проповѣдника, Іоанна Златоустаго житіе почитаеши молихъ ти». Вѣроятно подобныя чтенія часто достигали цѣли: государю становилось «внятно», что хотѣлъ ему внушить его уважаемый духовникъ.

языческаго, несогласнаго съ духомъ христіанскаго благочестія. Онъ достигъ свой цѣли. Хотя его требованіе, чтобы на царской свадьбѣ небыло никакихъ бѣсовскихъ игрانی, студныхъ пѣсенъ и сопельныхъ и трубныхъ козлогласованій, шло въ разрѣзъ съ народными вѣковыми обычаями, всѣми признаваемыми и свято соблюдаемыми, однако свадьба царя дѣйствительно совершилась „въ тишинѣ и страстѣ Божіи, и въ пѣніихъ и въ пѣсняхъ духовныхъ“; вмѣсто прежнихъ „пѣсней студныхъ“, на ней пѣли „строчные и демественныя большіе стихи“, также изъ тріодей „драгія вещи“³⁾.

Но Стефанъ Вонифатьевъ, „зѣло“ пекийся о спасеніи души благочестиваго царя, млада суща, да не совратится умъ его въ нѣкая злая“, не ограничивался наученіемъ благочестію только одного царя. Онъ старался дѣйствовать своими поученіями и на окружающихъ царя вельможъ, чтобы и въ нихъ насадить сѣмена благочестія и гражданской правды. Стефанъ, говоритъ про него біографъ Неронова, „и бояръ увѣщеваше со слезами непрестанно, да имуть судъ правый безъ мзды, и не на лица зряще да судять, яко да не видеть отъ нѣкоторыхъ обидѣнныхъ и до конца раззорившихся вопль и плачь во уши Господа Саваоа“⁴⁾. Эти моленія и слезныя увѣщанія Стефана, не только

³⁾ Забѣлина: Домъ битъ русскихъ царицъ, стр. 451.

⁴⁾ До насъ дошелъ сборникъ подъ заглавіемъ: «Книга, глаголемая Златоустъ», принадлежащая, какъ видно изъ находящейся на ней номѣты, Стефану Вонифатьеву. Въ этомъ сѣрникѣ, наряду съ отеческими поученіями, находится и нѣсколько русскихъ произведеній, изъ которыхъ особенно заслуживаетъ вниманія *Слово о правдѣ*. Въ немъ между прочимъ говорится: «аще убо вѣрный царь въ нынѣшнее время испытываетъ, то во всѣхъ языцѣхъ, кромя російскаго языка, невѣми правовѣрующа царя. И аще вѣроу правъ есть, достоинъ ему негѣбносно списвати разсмотрѣ же ко благополучію всѣмъ сущимъ подъ нимъ. Ни едиными вельможами, ежъ о исправленіи щещися, но и до послѣднихъ. Вельможи бо суть потребни, но ни отъ лонихъ своихъ трудовъ не издovolются. Вначалѣ же всего потребни суть ратаевѣ (земледѣльцы), отъ ихъ трудовъ есть хлѣбъ, отъ хлѣба же всѣхъ благихъ главизна... Ратаевѣ безпрестани различна работная ига подѣмлютъ, овогда бо дають серебряная еброки, а иногда ямская собранія, овогда же ина. Елици же отъ даропитательныхъ челоуѣкъ сихъ (т.-е. отъ непріизводящихъ непосредственно своимъ трудомъ) послани бывають царскихъ рѣди собраній (податей), сіиже подля царскаго указа и себѣ много отъ нихъ же собирають.

никого не вооружали противъ него, но царь и бояре „въ сладость послушаше его и почиташе его и любиле всею душею, яко истого си отца“. Какъ высоко стоялъ Стефанъ въ мнѣніи близко знавшихъ его лицъ, это видно между прочимъ и изъ того, что протопопъ Аввакумъ, неимѣвший обычая говорить доброе слово о тѣхъ, которые не согласны были съ нимъ во взглядахъ и поступкахъ, и тотъ, хорошо зная, что Стефанъ въ борьбѣ съ Никономъ „всяко ослабѣлъ“, отзывается однако о немъ съ любовію и глубокимъ уваженіемъ. Въ челобитной къ царю изъ Дауры, Аввакумъ пишетъ: „добро было при протопопѣ Стефанѣ, яко все быша тихо и не мятежно ради его слезъ и рыданія и негордаго ученія: понеже не губилъ никого Стефанъ до смерти, якоже Никонъ, ниже поощрялъ кого на убіеніе“. Рассказывая далѣе о своемъ заключеніи въ Андроньевъ монастырь, гдѣ онъ три дня сидѣлъ безъ пищи и безъ питья, Аввакумъ замѣчаетъ: „тутъ мнѣ пищу принесе ангелъ за молитвъ святаго отца протопопа Стефана“. Нероновъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ, называетъ Стефана „подобнымъ Давидови незлобіемъ и кротостію“⁵⁾.

Еще же сихъ ради посланій—изденій ради коней. Въ ямскія расточенія много сребра расходится. Многа же и яна ратаемъ обидя отъ сего, еже царскіе землемѣрительніи писаріе ѣздить съ южемъ дѣломъ жѣрнымъ, отдѣляющіе царевымъ воиномъ землю въ жѣру и всякому землю въ разнь полагають, и сами много медлятъ и многа бранна у ратаевъ изыдають. И многа царства прочтохомъ, а сего обычая невѣдѣхомъ! Слово рекомендуетъ затѣмъ, какъ слѣдуетъ правильно устроить обременительную и разорительную для крестьянъ ямскую гоньбу, именно оно говоритъ, что ее нужно устроить по подробному и точному росписанію отъ одного города до другаго, причежъ отбываніе этой тяжелой повинности слѣдуетъ вовсе снять съ крестьянъ и возложить ее на горожанъ купцовъ «елицы во градѣхъ продающе и скупоуощи и прикуми богатѣюще... понеже многа прибытка стяжатели суть». Взамѣнъ этого на купцовъ не слѣдуетъ налагать никакихъ другихъ повинностей и даровать имъ право «во вся грады безовсякихъ возданій купующе и продающе... «Симъ же, говоритъ слово, всякъ мятежъ въ земныхъ умалится, и писарежъ умаленіе, сборы престанутъ и мзды неправедныя отлучатся». (Архивъ ист. юрид. свѣдѣній Калачова, 2 тома вторая половина, стр. 43. 50. обзоръ рус. духовн. литер. Филарета, стр. 329—330). Присутствіе подобнаго слова въ сборникѣ, принадлежащемъ Стефану, можетъ говорить за то, что поученія Стефана царю не ограничивались одними только религіозно-нравственными назиданіями, но касались и другихъ предметовъ.

⁵⁾ Матер. для ист. раск. V, 122 и 125; 1, 104.

Сдѣлавшись человѣкомъ сильнымъ и вліятельнымъ у царя и въ средѣ окружающихъ его лицъ, Стефанъ Воинъ-аѣвъ тѣсно сблизился съ извѣстнымъ ревнителемъ благочестія и просвѣщенія, постельничимъ Ѳеодоромъ Ртищевымъ, который „во многія нощи въ домъ его (Стефана) приходя, бесѣдовалъ съ нимъ.“ Во время этихъ бесѣдъ оба ревнителя благочестія обратили свое особенное вниманіе на различные пороки и недостатки, господствовавшіе тогда въ народѣ и въ самомъ духовенствѣ, на различные безпорядки въ церковной жизни, на отсутствіе у насъ церковной проповѣди и под. и рѣшились искать средства возвысить религіозно-нравственную жизнь народа и уничтожить наличные церковные безпорядки. Къ Стефану и Ртищеву скоро присталъ и еще очень видный и вліятельный человѣкъ — новопенасскій архимандритъ Никонъ. Нашлось, конечно, не мало и другихъ лицъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, у которыхъ благія начинанія Стефана находили себѣ полное сочувствіе и поддержку. Очень возможно, что и патріархъ Іосифъ вначалѣ оказывалъ поддержку Стефану, хотя потомъ онъ окончательно разошелся съ нимъ, какъ это увидимъ ниже. Но главная сила ревнителей заключалась въ молодомъ благочестивомъ царѣ, который былъ очень расположенъ къ своему духовнику, къ Ртищеву и къ Никону, вполне сочувствовалъ благимъ начинаніямъ своихъ любимцевъ и готовъ былъ всячески поддержать всѣ тѣ мѣры, которыя они находили необходимыми для насажденія на Руси истиннаго благочестія. Конечно, по инициативѣ ревнителей Алексѣй Михайловичъ издаетъ въ самомъ началѣ своего царствованія рядъ указовъ о соблюденіи постовъ, о правильномъ посѣщеніи всѣми храмовъ Божіихъ, объ уничтоженіи въ народѣ непристойныхъ игрищъ, суевѣрій и др. Но одними указами, какъ вѣрно понимали ревнители благочестія, перевоспитать грубое, порочное и невѣжественное общество, было невозможно, необходимы были энергичные, учительные и ревностные къ своему высокому служенію пастыри, которые бы и словомъ и собственнымъ живымъ примѣромъ дѣйствовали на массу, воспитывая въ ней духъ истиннаго христіанскаго благочестія, тѣмъ болѣе, что сфера личной непосредственной дѣятельности Стефана и Никона почти совсѣмъ не выходила за предѣлы царскаго двора и круга

придворныхъ лицъ, къ народу же и его жизни она не имѣла непосредственнаго отношенія. Въ виду этого Стефанъ Вонифатьевъ, при дѣятельномъ содѣйствіи Ртищева и вѣроятно Никона, изыскиваетъ между тогдашнимъ бѣлымъ духовенствомъ такихъ лицъ, которыя бы заявили себя строгою жизнію, горячею ревностію въ дѣлахъ благочестія, неуклоннымъ исполненіемъ церковныхъ правилъ и постановленій, своею книжностію и учительностію, готовностію на энергическую борьбу съ различными общественными пороками и недостатками. Такихъ лицъ Стефанъ приближаетъ къ себѣ и болѣе выдающихся изъ нихъ, съ одобренія Ртищева и при содѣйствіи государя, ставитъ на видныя протопопскія мѣста въ различныхъ городахъ съ тѣмъ, чтобы они своими поученіями и обличеніями воспитывали народъ въ духъ благочестія, уничтожая господствующіе въ немъ пороки и недостатки, чтобы для всего мѣстнаго духовенства они служили образцомъ надлежащаго исполненія ими своихъ пастырскихъ обязанностей.

Своимъ ближайшимъ помощникомъ и сотрудникомъ въ дѣлѣ публичной церковной проповѣди и водворенія церковныхъ порядковъ въ самой Москвѣ, Стефанъ Вонифатьевъ съ одобренія Ртищева избираетъ нижегородскаго священника Іоанна Неронова, ибо хорошо зналъ „прежде бывшее многостраданіе (Іоанна), и свидѣтельствованное Богомъ его житіе святое, и искусство божественнаго писанія, и рѣчиста, и ревность велию имуща по Бозѣ, и необинующася лицъ сильныхъ, но Пророку Давиду, предъ цари глаголюща и нестыдящася“.

Нероновъ всею своею предшествовавшею жизнію и дѣятельностію какъ нельзя болѣе былъ подготовленъ къ той роли, какую назначалъ ему въ Москвѣ Стефанъ⁹⁾. Какъ только Нероновъ, еще будучи юношей, оставивъ свое родное село, пришелъ въ Вологду (не далеко отъ которой находилась его родина), какъ уже сразу заявилъ себя горячимъ и смѣлымъ ревнителемъ бла-

⁹⁾ Біографія Неронова, написанная вѣроятно современникомъ и изъ которой мы беремъ свѣдѣнія объ немъ, напечатана въ первомъ томѣ Матер. для ист. раск. Н. Субботина.

гочестія. Онъ пришелъ въ городъ на святкахъ „когда неразумніи люди обыкноша собиратися на бѣсовскія игрища паче прочихъ дней, налагающе на лица свои личины различныя страшныя по подобію демонскихъ зраковъ.“ Увидѣвъ ряженныхъ, выходящихъ притомъ изъ архіерейскаго дома, молодой Іоаннъ „разжегся духомъ нача обличати ихъ съ дерзновеніемъ“, за что и былъ очень жестоко избитъ ряжеными. Этотъ первый, не особенно удачный опытъ публичной обличительной дѣятельности, не охладилъ однако ревности Іоанна. Оставивъ негостепріимную Вологду, Іоаннъ удалился въ предѣлы града Устюга, гдѣ „въ нѣкоей веси“ рѣшился обучиться у одного благочестиваго мастера грамоты, безъ которой для него невозможно было проходить съ успѣхомъ служеніе общественнаго обличителя и наставника благочестію. Медленно давалась Іоанну грамота, „единъ букварь учаше лѣто и мѣсяцевъ шесть“, учитель даже опасался за цѣлость его зрѣнія, такъ какъ Іоаннъ „прилежно очима зря въ букварь, непрестанно слезы испущаше“. Но энергія и усидчивость преодолѣли все, разумъ Іоанна наконецъ отверзся и онъ сталъ разумѣть (читать) писанія лучше всѣхъ своихъ сверстниковъ. Оставивъ предѣлы Устюга, Іоаннъ перешелъ въ предѣлы града Юрьевца Повольскаго въ село Никольское, гдѣ и женился на дочери тамошняго священника. Живя у тестя священника, Нероновъ ревностно занимался чтеніемъ и пѣніемъ въ церкви, и въ то же время „видѣвъ іереевъ веситоя, развращенное житіе имущія, непрестанно обличаше ихъ пїянства ради и многого безчинства.“ И на этотъ разъ обличенія не прошли для него даромъ. Священники написали на него доносъ патріарху Филарету Никитичу, причемъ на доносъ подписались не только нѣкоторые мірскіе люди, но и самъ тестъ Іоанна. Тогда Нероновъ отправился въ Троицкую лавру, которой принадлежало село Никольское, и здѣсь явился къ извѣстному исправителю книгъ, архимандриту Діонисію, которому все и рассказалъ о себѣ. Діонисій принялъ въ немъ живое участіе и даже помѣстилъ его въ своей келліи. Живя съ Діонисіемъ „не малое время“, Іоаннъ непрестанно читалъ книги божественнаго писанія и въ то же время съ архимандритомъ „и въ правилѣ келейномъ и во всемошныхъ бдѣніяхъ трудяся“. Это общеніе съ архимандритомъ Діонисіемъ,

человѣкомъ по тогдашнему времени просвѣщеннымъ, учительнымъ, строгимъ ревнителемъ благочестія, требовавшимъ, чтобы въ лаврѣ при богослуженіи читали обязательно поученія Златоуста, не могло остаться безслѣднымъ на развитіе и укрѣпленіе взглядовъ Неронова, какъ ревнителя благочестія. Оно имѣло для него и практическое значеніе. Діонисій далъ Неронову рекомендательную грамоту къ патріарху Филарету Никитичу, въ которой, оправдывая его отъ взведенныхъ на него обвиненій, просилъ патріарха посвятить Неронова во діаконы. Филаретъ Никитичъ исполнилъ просьбу Діонисія и Нероновъ возвратился въ Никольское діаконѣмъ. Здѣсь онъ продолжалъ свое служеніе ревнителя: „егда іереи прихождаху въ церковь піани, тогда Іоаннъ властію, отъ архіерея ему повелѣніюю, отторгаше ихъ отъ святаго алтаря вонъ изъ церкви извождаше безчинующихъ піанственно, и одинъ пояше въ церкви и поучаше народъ.“ Черезъ годъ Нероновъ посвященъ былъ во іереи, но преслѣдуемый недоброжелательствомъ своихъ сослуживцевъ, принужденъ былъ оставить село Никольское и поселиться у священника села Лыскова (недалеко отъ Нижняго-Новгорода), Ананіи, который „зѣло искусенъ бѣ въ божественномъ писаніи“. Нероновъ прожилъ у Ананіи многое время „и извыче отъ него разумѣти, яже о Божественномъ писаніи суть недовѣдомая.“ Завершивъ у Ананіи свое книжное образованіе Нероновъ выступаетъ затѣмъ въ качествѣ самостоятельнаго настоятеля церкви. Онъ переходитъ въ Нижній-Новгородъ, гдѣ въ одной опустѣвшей церкви и начинаетъ священнодѣйствовать. Теперь Нероновъ безъ помѣхи могъ осуществлять на дѣлѣ свой идеалъ истинно пастырскаго служенія. Онъ началъ неопустительно и самымъ истовымъ образомъ совершать въ заброшенной дотолѣ церкви всѣ положенныя богослуженія, которыми и привлекъ къ себѣ богомольцевъ. Тогда онъ сталъ читать народу поученія „съ разсужденіемъ и толковаше всяку рѣчь ясно и зѣло просто слушателемъ своимъ, во еже бы и имъ возможно было внимати и памятовати, и вси пользовахуся поученіемъ его и умилахуся, зряще толикое его тщаніе о спасеніи душъ человѣческихъ, купно и велие смиреніе; ибо поучая народъ, кланяшеся на обѣ страны до земли, съ слезами моля, дабы вси, слышаще, попеченіе имѣли всѣми образы,

что „та церковь посреди торжища стоитъ, и много народъ по вся дни непрестанно въ ней бываетъ, да слышаще его ученіе сладкое народъ отвратятъ сердца своя отъ злыхъ обычаевъ и навикнуть добрыхъ дѣлъ. Ибо въ оная времена въ царствующемъ градѣ Москвѣ, и въ иныхъ російскихъ градахъ изсякло бѣ ученіе, и уклонилися бяху людѣ въ небреженіе и слабость и во многія игрища“.

Поселившись въ Москвѣ, Нероновъ ревностно принялся за любимое и уже привычное ему дѣло народнаго учительства; онъ, какъ и въ Нижнемъ Новгородѣ, сталъ постоянно читать народу отеческія поученія, причемъ „егда прочитаваше народу святыя книги, тогда бываху отъ очю его слезы, яко струя, и едва въ хлипаніи своемъ проглагольваше слово божественнаго писанія; сказываше же всякую рѣчь съ толкованіемъ, дабы разумно было всеѣмъ христіаномъ“. Вмѣстѣ съ церковною проповѣдію въ Казанскомъ соборѣ установлено было и единогласное пѣніе и чтеніе: „также и пѣніе церковное устави пѣти и глаголати единогласно и благочинно“, такъ что Казанскій соборъ явился тогда такъ-сказать образцомъ для всеѣхъ другихъ московскихъ церквей, которыя съ него должны были списывать новые улучшенные церковныя порядки.

Живая устная проповѣдь, дотогѣ было совсѣмъ замолкшая въ Москвѣ, единогласное чинное пѣніе и чтеніе, уже давно забытыя въ московскихъ церквахъ, строгое, неопустительное исполненіе всеѣхъ положенныхъ церковныхъ службъ по чину, истово, возбуждало всеобщее вниманіе и привлекало въ Казанскій соборъ громадныя толпы молящихся. Самъ царь со всею своею семьею нерѣдко приходилъ слушать поученія Неронова, а народу набиралось такъ много, „яко не вмѣщатися имъ и въ паперти церковной, но восходяху и на крыло паперти, и зряще въ окна послушаху пѣнія и чтенія божественныхъ словесъ“. И этихъ невмѣщавшихся въ храмъ Нероновъ не хотѣлъ оставить безъ наученія и назиданія: онъ „написа окрестъ стѣны святыя церкви поучительныя словеса, да всякъ отъ народа приходяй къ церкви, аще и кромѣ пѣнія, не простираетъ ума своего на пустошная міра сего, но да прочитаетъ написанная на стѣнахъ, и пользу душѣ приѣмлетъ“. Въ Москвѣ Нероновъ скоро сталъ рядомъ съ

Стефаномъ, вмѣстѣ съ нимъ онъ являлся въ дворецъ и поучалъ царя и всю царскую семью, члены которой оказали ему особое расположеніе. Какъ человѣкъ очень энергичный, смѣлый и дѣятельный, какъ человѣкъ книжный и учительный, Нероновъ сталъ выдвигаться на первое мѣсто, заслоняя собою Стефана, съ которымъ онъ вступалъ уже въ препирательства и наконецъ окончательно разошелся съ нимъ во взглядѣ на реформу Никона, что впрочемъ никогда не мѣшало ему сохранять къ Стефану личныя, всегда близкія, дружескія отношенія. Таковъ былъ главный сотрудникъ Стефана Вонифатьева, сдѣлавшійся въ Москвѣ самымъ виднымъ, дѣятельнымъ и популярнымъ членомъ кружка ревнителей.

Подобнымъ же характеромъ, т.-е. истовостію въ исполненіи разныхъ церковныхъ службъ, энергичною борьбою съ различными общественными пороками и недостатками отличались и другіе члены кружка ревнителей. Достаточно въ этомъ случаѣ припомнить знаменитаго протопопа Аввакума, его подвиги въ борьбѣ съ нечестіемъ, его многія злостраданія за обличенія людской неправды, людскихъ пороковъ и недостатковъ, его великую способность переносить все, чтобы „грѣшницы ни дѣлали на хребтѣ его“. Познакомившись съ Аввакумомъ, Стефанъ Вонифатьевъ на первый разъ „благословилъ его образомъ Филиппа митрополита, да книгою св. Ерема Сирина, себя пользовать прочитая и люди“, и потомъ, убѣдившись въ горячей ревности Аввакума по благочестію, въ его готовности энергично бороться съ общественными неправдами, пороками и недостатками, Стефанъ назначаетъ Аввакума протопопомъ Юрьевца Повольскаго. Когда Аввакумъ за свои рѣзкія обличенія былъ сильно побитъ въ Юрьевцѣ и бѣжалъ въ Москву, гдѣ явился къ Стефану, тотъ, рассказываетъ Аввакумъ, „на меня учинился печалень: на что-де церковь соборную покинуть? Опять мнѣ горе! Царь пришелъ къ духовнику благословитца ночью; меня увидѣлъ тутъ; опять кручина: на что-де городъ покинуть?“. Понятно недовольство царя и Стефана бѣгствомъ Аввакума изъ Юрьевца; Аввакумъ и поставленъ былъ въ юрьевскіе протопопы именно для борьбы съ царившими тамъ среди духовенства и народа пороками, а онъ при первой непріятности,

ничего не сдѣлавъ, малодушно бросаетъ свой важный, отвѣтственный постъ и бѣжитъ въ Москву.

Книжностію, учительностію, борьбою съ общественными пороками и недостатками отличались и другія лица благодуховенства, выдвинутыя Стефаномъ, и получившія благодаря ему протопопскія мѣста по разнымъ городамъ. Такъ костромской протопопъ Даниилъ за свои ревностныя обличенія былъ подобно Аввакуму изгнанъ изъ Костромы. Объ учительствѣ Логгина сохранилось свидѣтельство у Олсарія, который говоритъ, что Логгинъ въ 1653 году сталъ говорить проповѣди и хотѣлъ ввести этотъ порядокъ въ подвѣдомственномъ ему духовенствѣ, въ чемъ уже и имѣлъ большой успѣхъ. Но патріархъ, узнавъ объ этомъ, воспылалъ гнѣвомъ, отрѣшилъ его отъ мѣста, предалъ анаемѣ и сослалъ въ Сибирь. Извѣстна также челобитная жителей Муромъ къ архіепископу рязанскому и муромскому Мисаилу съ похвалами Логгину и съ просьбою возвратить его паствѣ. Въ челобитной говорилось, что Логгинъ, мужъ учительный, „по вся дни, нощи и часы“ проповѣдывалъ слово Божіе, вразумлялъ невѣжественныхъ, а „враговъ Божіихъ, церковныхъ мятежниковъ, противящихся преданію св. апостолъ, обличалъ и отъ стада Христова отгонялъ“, и что именно эти враги изъ боязни его обличеній ложно оклеветали его, а между тѣмъ, съ удаленіемъ Логгина изъ Муромъ, явилось въ городѣ „въ православной вѣрѣ христіаномъ раздѣленіе“, мятежники возстали на почитателей благочестія, которымъ приходится теперь бѣжать изъ города, почему челобитчики и просятъ воротить въ Муромъ Логгина. О книжности и способности къ учительству романо-борисоглѣбскаго попа Лазаря говоритъ его обширная челобитная противъ новоисправленныхъ книгъ, которая опровергается въ книгѣ: *Жезлы правленія*.

Такимъ образомъ въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича, подъ главенствомъ и руководствомъ его духовника, благовѣщенскаго протопопа Стефана Вонифатьева, образовался кружокъ ревнителей благочестія, въ который вошли люди книжные, учительные, уже заявившіе себя ранѣе строгою благочестивою жизнію, ревностною борьбою съ пороками и недостатками въ средѣ духовенства и народа. Это были, кромѣ самого Стефана

Вонифатьева, известные протопопы: Нероновъ, Аввакумъ, Логгинъ, Лазарь, Даниилъ и вѣроятно другіе. Изъ чернаго духовенства къ кружку ревнителей принадлежалъ Никонъ, какъ его видный и дѣятельный членъ, вѣроятно и епископъ Павелъ коломенскій, а изъ свѣтскихъ лицъ кружокъ пользовался особымъ сочувствіемъ и поддержкою знаменитаго ревнителя просвѣщенія Ѳеодора Ртищева ⁷⁾). Благодаря своему патрону Стефану, ревни-

⁷⁾ Нельзя въ этомъ случаѣ не обратить вниманія на то обстоятельство, что тѣ ревнители, о происхожденіи которыхъ мы только знаемъ, были земляки или по происхожденію, или по мѣсту своей дѣятельности, что нѣкоторые изъ нихъ были вѣроятно лично или по слухамъ знакомы другъ съ другомъ еще до своей встрѣчи въ Москвѣ. Нероновъ, какъ мы видѣли, въ видахъ довершенія своего образованія, поселился у священника села Лыскова (недалеко отъ Нижняго Новгорода), Ананія, который «зѣло искусенъ бѣ въ Божественномъ Писаніи». У Ананія онъ прожилъ долгое время «и извѣче отъ него разумѣти, яже о Божественномъ Писаніи суть недовѣдомая». Въ «повѣсти о блаженной жизни преосвященнѣйшаго Иларіона, митрополита суздальскаго, бывшаго перваго строителя Флорищевскія обители», разсказывается, что отецъ Иларіона священникъ, именемъ Ананія, былъ «зѣло благочестивъ, и Божественнаго Писанія Ветхаго и Новаго Завета добре искусенъ, благъ зѣло и кротокъ», что онъ былъ сначала священникомъ въ нижегородскомъ дѣвичьемъ Зачатьевскомъ монастырѣ, а потомъ перешелъ отсюда въ село Кириково, «яже близъ веси, именуемой Лысково и близъ обители преподобнаго Макарія Желтоводскаго чудотворца». Ананія принялъ монашество подъ именемъ Антонія и Никонъ, еще будучи бѣльцомъ, не разъ бывалъ у Ананія, который и предсказалъ ему тогда, что онъ будетъ патріархомъ (Рукоп. Моск. Румянц. Музея, по указателю Ундольскаго № 418). Не трудно видѣть, что священникъ Ананія, у котораго Нероновъ прожилъ долгое время и у котораго онъ научился разумѣть «яже о Божественномъ Писаніи суть недовѣдомая» и священникъ Ананія «добре искусный въ Божественномъ Писаніи Ветхаго и Новаго Завета», у котораго поучался Никонъ и который предсказалъ ему, что онъ будетъ патріархомъ,—былъ одно и то же лицо. Очень возможно, что Нероновъ и Никонъ встрѣчались у Ананія, или же по слухамъ еще до встрѣчи въ Москвѣ уже знали другъ друга.—То же сказаніе объ Иларіонѣ разсказываетъ, что Иларіонъ былъ женатъ на дочери сосѣдняго священника, Ксенія (которая умерла черезъ полтора года послѣ замужества) и что Ксенія была родная сестра Павла епископа коломенскаго. Значитъ и Павелъ коломенскій былъ родомъ изъ села, сосѣдняго съ Лысковымъ, хорошо зналъ священника Ананію (съ которымъ породнился черезъ свою сестру) и вѣроятно зналъ Неронова и Никона, или лично, или по разсказамъ. Родина протопопа Аввакума, по его собственному свидѣтельству (Матер. VIII, 34) находилась только въ пятнадцати верстахъ отъ родины Никона, такъ что и Аввакумъ могъ лично, или по слухамъ знать Ананію, Павла

тели хорошо были извѣстны царю, царицѣ и членамъ царской семьи, которые вполне сочувствовали направленію и всей дѣятельности кружка, оказывали, особенно нѣкоторымъ его членамъ, свое полное расположеніе и благоволеніе.

Объ общемъ характерѣ дѣятельности кружка Нероновъ въ своей челобитной къ царю изъ Спасокаменнаго монастыря, отъ 6 ноября 1653 года, говоритъ такъ: „они (т.-е. Аввакумъ, Даниилъ, Логгинъ и Лазарь) въ тѣ лѣта безпрестанно къ вамъ, государемъ, на всякія безчинныя извѣщали, и святѣйшимъ патріархомъ блаженныя памяти и прочимъ властямъ о утвержденіи святыхъ церквей, что вамъ, государемъ, вѣстно было. И вы, государи, ко утвержденію церкви, вышняго Бога помощію, десницею своею помощь подавали“. Въ частности про себя лично Нероновъ пишетъ царю: „когда и былъ при твоей государевѣ царской свѣтлости, и ты меня равноапостольный, съ безчестіемъ не отсылалъ, что тебѣ благочестивому государю, о многихъ статьяхъ былъ челомъ и извѣщалъ“.

Въ чемъ же состояли извѣщенія царю и патріархамъ членовъ кружка ревнителей „на всякія безчинныя“, о какихъ „статьяхъ“ полезныхъ ко утвержденію церкви они били челомъ государемъ (т.-е. царю и патріарху) и въ чемъ состояла та помощь ревнителямъ ко утвержденію церкви, которую имъ оказывалъ государь десницею своею?

Дѣятельность кружка ревнителей опредѣлялась наличностію тѣхъ пороковъ и недостатковъ, какіе въ то время существовали въ жизни народа, самого духовенства, какъ бѣлаго, такъ и чернаго, наличностію тогдашнихъ церковныхъ безпорядковъ, отсутствіемъ живой проповѣди и вообще учительности въ духовенствѣ вслѣдствіе его крайняго невѣжества. На борьбу съ обще-

коломенскаго, Неронова, Никона. Вѣроятно не случайно было, что ревнители или по рожденію, или по мѣсту дѣятельности происходили изъ нижегородской области и были люди, уже ранѣе своей встрѣчи въ Москвѣ такъ или иначе знакомые другъ съ другомъ. Къ сожалѣнію мы рѣшительно не знаемъ, откуда былъ родомъ глава кружка—Стефанъ Вонифатѣевъ и почему онъ приблизилъ къ себѣ ревнителей по преимуществу изъ нижегородцевъ. Не лишне указать здѣсь и на то обстоятельство, что Иларіонъ, архіепископъ рязанскій, одинъ изъ главныхъ поборниковъ исправленій Никона, былъ ранѣе священникомъ въ Москвѣ, или въ сѣднемъ селѣ, и хорошо былъ знакомъ тогда съ Аввакумомъ (Матер. V, 342—343).

ственными пороками и недостатками, на борьбу съ дѣвостію и распушенностію духовенства и вооружился кружокъ ревнителей, поставивъ своею задачею водворить въ народъ истинное христіанское благочестіе, уничтожить разные церковныя безпорядки, вызвать къ жизни церковную проповѣдь.

Прежде всего дѣятельность кружка ревнителей была направлена на уничтоженіе различныхъ народныхъ языческихъ игрищъ и суевѣрій, которыя особенно нетерпимы были въ благочестивомъ христіанскомъ обществѣ. Еще лѣтописецъ (Несторъ) жаловался: „видимъ бо игрища утолочена и людей много множество, позоры дѣюще отъ бѣса замышленнаго дѣла, а церкви стоять (пусты); егда же бываетъ годъ молитвы, мало ихъ обрѣтается въ церкви“⁸⁾. Въ 1274 году митрополитъ Кириллъ въ соборныхъ правилахъ возставаъ противъ народныхъ языческихъ игрищъ: „накы же увѣдѣхомъ бѣсовская еще держаще обычая треклятыхъ эллинъ, въ божественныя праздники позоры некакы бѣсовскія творити, съ овистаніемъ, и съ кличемъ и съ воплемъ съзывающе нѣкы скаредныя пѣяница и бѣюще дреколѣмъ до самыя смерти“⁹⁾. Стоглавый соборъ съ своей стороны заявляетъ: „еще же мнози отъ неразумія простая чадъ православныхъ христіанъ во градѣхъ и въ селѣхъ творятъ эллинское бѣсованіе—различныя игры и пѣсанія; въ навечеріи праздника Рождества Христова и противъ праздника Рождества Іоанна Предтечи въ нощи и въ праздникъ весь день мужи и жены и дѣти въ домѣхъ, по удицамъ отходя и поводамъ глумы творятъ всякими играми и пѣснями сатанинскими и многими виды скаредными; подобно же сему творятъ и во святыя вечера и въ навечеріи Богоявленія Господня, и тѣмъ Господа Бога прогнѣвають никимъ же возбраняеми, ни обличаеми, ни наказаемы, ни отъ священниковъ, ни отъ судей истрашаеми, таковыя творятъ неподобныя дѣла, святыми отцы отреченныя“¹⁰⁾. Но обличенія Стоглаваго собора не достигли, какъ и предшествующія, своей цѣли, даже въ самой Москвѣ бѣсовскія игры продолжались по прежнему. Въ 1627 году государь приказалъ

⁸⁾ Полн. собр. лѣтоп. 1, 73.

⁹⁾ Рус. достопамят. 1, 114.

¹⁰⁾ Стоглавъ, изд. Кожанчикова, стр. 261 и слѣд.

бирючу повсюду кликать въ Москвѣ, „чтобъ впередъ, за старое Ваганково, нинѣше люди не сходились на беззвѣщну николи“; и что бѣдущинки этого приказа будутъ биты кнутомъ. И Филаретъ Никитичъ тогда же съ своей стороны объявлялъ въ Москвѣ: „чтобъ съ кобылками не ходили и на игрищахъ мирные люди не сходились, тѣмъ бы смуты православнымъ крестьяномъ не было, и колѣды бы и о всемъ некликали“¹¹⁾. Въ 1636 году патріархъ Іоасафъ, въ памяти тіулу Манойлову, говоритъ: праздниии проводятся всѣми въ Москвѣ не похристіански, такъ какъ и вся протівно творимъ и ругательно праздникомъ Господнимъ, вмѣсто радости духовной воздланіе творять радости бѣсовской... ходяще по улицамъ въ народъ, безчинствующе, пьянствующе, наругающеся праздникомъ святымъ Божиимъ, вмѣсто духовнаго торжества и веселія воспримше игры и кошуны бѣсовскія, повелѣвающе медвѣдичкомъ и скопрахомъ на улицахъ и на торжищахъ и на распутіяхъ сатанинскія игры творити, и въ бубны бати, и въ сурьки ревѣти, и руками плеснати и плясати, и иная неподобная дѣяти; и о тѣхъ праздницѣхъ сходящеся многіе люди не только что младые, но и старые въ толпы ставятся, и бываютъ бои кулачные великіе и до смертнаго убійства, и въ тѣхъ играхъ многіе безъ покаянія пропадаютъ; и всякого беззаконнаго дѣла умножилось; злѣнскихъ блядословій и кошунъ и игръ бѣсовскихъ“¹²⁾. Эти грубыя языческія игрища и забавы процвѣтали кромѣ Москвы и во всѣхъ другихъ городахъ, причемъ они съ нѣкоторыхъ мѣстахъ принимали иногда безобразно-кошунственный характеръ. Нѣкто старецъ иконописецъ Григорій изъ города Вязьмы, въ челобитной государю 1631 года между прочимъ заявляетъ: „и игрища разныя ботомерзкіе бываютъ (въ г. Вязьмѣ), въ началѣ отъ Рождества и до Богоявленія всенощные, на коихъ святыхъ нарицаютъ, и монастыри дѣлаютъ, и архимарита, и келаря и старцовъ нарицаютъ, тамъ же и жемонъ и дѣвокъ много ходятъ и тамо дѣвицы дѣвство діаволу отдаютъ. Другое игрище,—продолжаетъ челобитчикъ, о Троичномъ дни—за городъ на курганы ходять и неподобная творять. Третіе игрище—отъ Петрова дни до Ильина дни: на реляхъ вѣшаются и на крути-

¹¹⁾ А. И. III, № 92, VIII—X.

¹²⁾ А. Э. III, № 264.

шихъ крутятся и многихъ дѣволъ беретъ; и деньги тыхъ благословляютъ при церквахъ погребати. Также о рождествѣ Іоанна Предтечи всю ночь бѣсятся, бочки дѣхтарныя зажигаютъ и съ горъ катаютъ и, вѣники зажегши, скачутъ. Также вѣдуновъ много и свадьбы безъ нихъ не могутъ отправить и одинъ другаго портятъ, а тое на все начальники, посулы берутъ, благословляютъ, и людямъ соблазнъ и пагуба, гдѣ бы вмѣсто сего Бога молити, ежебы сохранилъ и избавилъ въ нынѣшнее послѣднее время отъ еретикъ и отъ много всякаго зла¹²⁾.

Противъ всѣхъ этихъ народныхъ языческихъ игрищъ, грубыхъ и иногда кощунственныхъ народныхъ забавъ и разныхъ суевѣрій сильно и энергично возсталъ кружокъ ревнителей, члены котораго, какъ Нероновъ и Аввакумъ, еще ранѣе боролись съ скомраками и съ разными бѣсовскими игрищами. Недаромъ конечно и Стефанъ Вонифатьевъ настоялъ на томъ, чтобы на царской свадьбѣ не было „ни смѣху никакого, ни кощунъ, ни бѣсовскихъ играний, ни пѣсней студныхъ, ни сопельнаго, ни трубнаго дозлогласованія“,—все это не только во дворцѣ, но и повсюду въ народѣ должно было уничтожиться и замѣниться другимъ—строго христіанскимъ и благочестивымъ препровожденіемъ праздничнаго времени. Въ этихъ именно видахъ, конечно подвляніемъ и по настоянію кружка ревнителей, предпринимается государемъ рядъ законодательныхъ мѣръ, имѣющихъ въ виду насажденіе въ народѣ христіанскаго благочестія. Именно: въ 1646 году, патріархъ Іосифъ, по приказанію государя посылаетъ всему духовному чину въ Москвѣ наказъ, въ которомъ говорить, что царь приказалъ всѣмъ духовнымъ и мірскимъ людямъ въ предстоящій великій постъ „поститься и жити въ чистотѣ со всякимъ воздержаніемъ, и отъ пьянства, и отъ неправды, и отъ всякаго грѣха удалялись“, почему онъ патріархъ и приказываетъ всѣмъ московскимъ протопопамъ и попамъ учинить въ своихъ церквахъ крѣпкій наказъ, чтобы всѣ прихожане, церковники, сами попы и дьяконы въ теченіе всего великаго поста постились и неопустительно посѣщали церковь Божию, и чтобы въ церквахъ стояли всѣ „сострахомъ и трепетомъ и съ любовію въ молчаніи, безъ всякихъ шептовъ, и ничтожъ земнаго не по-

¹²⁾ Эта челобитная старца Григорія напечатана въ приложеніи.

мышляли... молились бы со слезами и со вздыханіемъ смиреннымъ и сокрушеннымъ сердцемъ, безъ злобы и безъ гнѣва, о грѣсѣхъ своихъ". А если дѣти духовныя не будутъ ходить къ покаянію и окажутся непокорны и не послушны своимъ духовнымъ отцамъ, то послѣднимъ про такихъ ослушниковъ надлежитъ докладывать патріарху и „въ ихъ непослушанствѣ и въ безчинствѣ государевъ указъ будетъ“ ¹⁴⁾. Въ слѣдующемъ 1647 году 17 марта государь и патріархъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ уложили, чтобы никто въ воскресные дни отнюдь не работалъ, но чтобы всѣ обязательно посѣщали въ эти дни храмы для молитвы. Всякія работы приказывалось всѣмъ прекращать въ субботу, когда въ соборѣ начнутъ благовѣстити къ вечернѣ, а также прекращать съ этого времени и всякую торговлю, затворять торговые ряды, закрывать торговыя бани и такъ продолжать и въ воскресенье до окончанія церковныхъ службъ. Такъ же повелѣвалось проводить и всѣ господскіе праздники. Этотъ соборный приговоръ былъ разосланъ по всѣмъ епархіямъ и по всѣмъ монастырямъ для исполненія ¹⁵⁾. Наконецъ въ 1648 году издается специальное распоряженіе государя въ видахъ уничтоженія народныхъ языческихъ игрищъ и суевѣрій. Это распоряженіе рассылается по городамъ къ воеводамъ, которымъ предписывается наблюдать за строгимъ выполненіемъ повсюду царскаго указа. Въ указѣ говорилось: государю стало вѣдомо, что мірскіе люди въ господскіе дни и святыхъ въ церкви не ходятъ, что „умножилось въ людехъ во всякихъ пьянство и всякое мятежное бѣсовское дѣйство, глумленіе и скоморотство со всякими бѣсовскими играми“, именно: многіе увлекаются скоморохами и, сходясь по вечерамъ на позорища, слушаютъ здѣсь ихъ богомерзкія скверныя дѣсны и игры; иные чародѣевъ и волхвовъ и богомерзкихъ бабъ приглашаютъ къ малымъ дѣтямъ для бѣсовскаго волхвованія; многіе сходятся на бѣсовское сонмище „и по зарямъ и въ ночи чародѣйствуютъ“; медвѣди водятъ и съ собаками пляшутъ, и зернью, и карты, и шахматы и ладыгами играютъ, и чинятъ безчинное сказаніе и плясаніе, и поютъ бѣсовскіе пѣски, и на святой недѣли жонки и дѣвки на доскахъ скачутъ“;

¹⁴⁾ А. Э. IV, № 321.

¹⁵⁾ А. И. IV, № 6, стр. 28. А. Э. IV, № 19, 324.

на Рождество Христово до Богоявленяго дни люди обоихъ половъ сходятся „въ бѣсовское сонмище“, „играють во всякія бѣсовскія игры“; указываются многія суевѣрія, еще сохранившіяся въ народѣ отъ языческихъ временъ, на развратъ, происходящій во время игрищъ, на частые случаи внезапной смерти, на свадьбы, во время которыхъ бывають „безчинники и сквернословцы и скоморохи, со всякими бѣсовскими играми“. Указъ предписываетъ, чтобы православные христіане отъ такихъ бѣсовскихъ дѣйствъ отстали, чтобы они въ воскресные и праздничные дни неуклонно посѣщали церковь Божию, удалялись отъ чародѣйствъ, пьянства, непристойныхъ игрищъ. Мѣстнымъ властямъ предписывается предпринимать противъ зла строгія и рѣшительныя мѣры, а непослушныхъ бить батогами въ первый и во второй разъ, а въ третій и четвертый отсылать для болѣе серьезной расправы съ ними къ воеводамъ ¹⁶⁾.

Обличая господствующіе въ народѣ пороки и недостатки, языческія игрища, грубыя забавы и суевѣрія, кружокъ ревнителей необходимо долженъ былъ обратить свое вниманіе на жизнь и дѣятельность тогдашняго духовенства, какъ бѣлаго, такъ и чернаго, такъ какъ при лѣнивомъ, порочномъ, пренебрегающемъ своими пастырскими обязанностями духовенствѣ невозможно было и исправленіе самого народа и воспитаніе его въ духъ благочестія.

Еще Стоглавъ говорилъ: „попы и церковные причетники въ церкви всегда пьяни и безъ страха стоять и бранятся, и всякія рѣчи неподобныя всегда исходятъ изъ устъ ихъ, попы же въ церквахъ бьются и дерутся промежъ себя“. Съ своей стороны и міряне, по заявленію Стоглава, входили и стояли въ церквахъ въ шапкахъ, словно „на пиру или въ корчемницѣ; говоръ, ропоть, всякое прекословіе, бесѣды, срамныя словеса, пѣсни божественныя не слушаютъ въ глумленіи“. Эти безобразія не прекратились однако и послѣ Стоглава даже въ самой Москвѣ. Патріархъ Іосафъ, въ памяти тіуну Манойлову 1636 года, заявлялъ, что сами священники бесѣдуютъ въ храмахъ и безчинствуютъ „и мірскія угодія творяще, и чревоугодію своему послѣ-

¹⁶⁾ Иванова: Опис. госуд. архива старыхъ дѣлъ, стр. 296. А. И. IV, № 35.

дующе, и повинующеся пьянству“ не поучаютъ мірскихъ людей благочинію и христіанскому благопробыванію“. Священники служатъ обѣдни безъ часовъ „только отпустомъ начинаютъ“; въ великій постъ священники совершаютъ службы „зѣло по скору“, „лѣнностію и нерадѣніемъ великимъ изнуряютъ время постное“; нѣкоторые священники на пасхѣ вслѣдъ за обѣдней поютъ и вечерню „для своихъ пьянственныхъ нравовъ и лѣнностію содержащихся“; въ воскресные, владычные, богородичные и нарочитыхъ святыхъ праздники священники поютъ заутрени очень поздно и ради этого слишкомъ спѣшно, такъ что положенныя для прочтенія въ назиданіе вѣрующихъ поученія святыхъ отцовъ и житія святыхъ не только не читаютъ, но и возбраняютъ тѣмъ, которые хотѣтъ читать, вслѣдствіе чего предстоящіе уходить изъ церкви безъ всякаго поученія и сильно соблазняются такимъ поведеніемъ своихъ пастырей, а въ народѣ оскудѣваетъ вѣра, ибо „вожди ослѣпоша лѣнностію и нерадѣніемъ исправленія церковная погасиша“. Относясь небрежно и нерадиво къ своимъ пастырскимъ обязанностямъ и служенію, священники вовсе не думаютъ о прекращеніи тѣхъ возмутительныхъ безчинствъ, какія происходятъ въ церквахъ во время богослуженія; мірскіе люди стоятъ въ церквахъ „съ безстрашіемъ и со всякимъ небреженіемъ и во время святаго пѣнія бесѣды творятъ неподобныя съ смѣхотвореніемъ“; поповы и мірскихъ людей дѣти во время богослуженія „во олтари безчинствуютъ“; „во время святаго пѣнія ходятъ по церквамъ шпыни, съ безстрастіемъ, человѣкъ по десятку и болши, и отъ нихъ въ церквахъ великая смута и мятежъ, и въ церквахъ овогда бранятся, овогда и дерутся“; „нѣкоторые, положивше на блюда пелены и свѣчи во время службы ходятъ по церкви, говоря, что собираютъ на созиданіе церкви, а нѣкоторые притворяются малоумными, будучи въ дѣйствительности цѣлоумными; „а нѣкоторые ходятъ во образѣ пустынническомъ и во одеждахъ черныхъ и въ веригахъ, растрепавъ волосы, и нѣкоторые во время святаго пѣнія въ церквахъ ползаютъ, пискъ творяще, и великъ соблазнъ полагаютъ въ простыя человѣцѣхъ“¹⁷⁾. Съ своей стороны и патріархъ Іосифъ заявляетъ, что въ московскихъ церквахъ допускаются разныя

¹⁷⁾ А. Э. III, № 264.

безчинія, доходящія до того, что „въ церкви Божіи приходятъ аки разбойники съ пали, а подъ тѣми пали у нихъ бывають копѣйца желѣзные и бываетъ у нихъ межъ себя драка до крови и дая смирадна“¹⁸⁾. И все это творилось въ московскихъ церквяхъ, такъ снзавъ на глазахъ самого патріарха и всѣхъ властей!... Неизвѣстный, въ челобитной къ патріарху Іосифу, говоритъ: „молимъ ты святей Божій архіерею, призри на святую порученную ти Христомъ церковь его и на вся твоего святи-тельскаго рукоположенія служителя тоя, како именемъ пастыри, а дѣломъ волцы, како нареченіемъ и образомъ учителя, а про-изволеніемъ тяжцы мучители, иже малаго ради покоя своего и предатели суть душамъ человѣческимъ, не настоящей и мало-временной, но грядущей и вѣчной мудъ. Мали бо, государь, обрѣтаются послѣдующе нечестно уставомъ святыхъ отецъ, мнози же нерадиви и лѣнностіи къ славословію Божію, приходятъ измѣняюща лица своя, паче же того владуща нами разума омра-ченнымъ пьянствомъ и бѣсовомъ желѣзнымъ дменемъ и гор-достью, чрезъ обычай вскочутъ безобразно во церковь и, на-чала входа церковнаго несправдѣше, начинаютъ утреню и ве-черню, и тщатся преспѣяти каждо другъ друга во псалмѣхъ и пѣніяхъ, да тѣми обычаи и многихъ, суетъ работающихъ, при-ходити къ себѣ пріобрѣщаютъ“, забывая о томъ, что приходящіе въ церковь имѣють нужду „слышати особъ всякаго псалма, мо-литвы, пѣніе и, коемуждо словеси постѣдую, просити оставленія грѣхомъ“. „Аще ли, государь, многогласно и безъ тихости цер-ковнаго святаго славословія Божіи служба будетъ, то токмо можемъ рещи: сподобихся утрени, или часы, или вечерню слы-шати, нѣсть бо, государь, челоѣвка, иже возможеть внимати отъ многихъ купно глаголемыхъ, но точію единъ Богъ всѣхъ словеса и мысли зрѣть и воздаеть комуждо по прошенію и дѣлу“. „Еще же государь, великій святитель, продолжаетъ неизвѣстный челобитчикъ, священники церковніи, приходящимъ въ церковь Божію безъ страха Божія, молчать, величества рода и славу міра имущихъ бояться и трепещутъ, невѣдуще, яко всякъ страхъ челоѣческаго прещенія въ малъ часъ приходитъ, ярость же гнѣва Божія на грѣшницѣхъ не имать конца. Ко инымъ же

¹⁸⁾ А. Э. IV, № 321.

безчинующимъ въ церкви ласкосердіе же къ нимъ благопокоренія своея ради погибающія чести безчестуемаго Бога и святую его церковь небрегутъ, и дѣти своя духовныя во все лѣтнее время не вопрошаютъ: како пребываютъ и бремена заповѣдей ихъ со усердіемъ ли носяще хранить, но вмѣсто сихъ, противная видающе, молчатъ; предъ ними же бо ходяще (дѣти духовне)? неимутъ постоянія ногамъ, безчинствуютъ, съ похотѣніемъ на жены зрять, скверная, глаголю, тщетная творятъ, изумленнымъ образомъ наскочутъ и другъ друга угрызаютъ, сурово сражаются и до крови бьются, опиваются и объедаются, укоризны родителемъ, другъ другу приносятъ и своя родителя отца и мать безчествуютъ, и, страшно реши предъ тобою великимъ святѣйшимъ отцомъ, да не осквернится святыи твой слухъ, всякаго чрезъ естество именемъ сквернаго блуда себе и другъ друга и отшедшихъ жизни сея отецъ и братію свою и церковнаго чина досяжутъ“¹⁹⁾. Старецъ Григорій, съ своей челобитной государю 1651 года, заявляетъ, что по всѣмъ городамъ въ церкви Христовой происходитъ „великое небреженіе и нестроеніе, а наипаче отъ пастырей, еже посмрадиша виноградъ Христовъ“, ибо они вмѣсто того, чтобы быть образцомъ „овцамъ стада Христова“, только „волну одираютъ и гладныхъ оставляютъ“, вмѣсто того, чтобы насыщать пасомыхъ божественнымъ ученіемъ, они служатъ для нихъ только соблазномъ. Затѣмъ челобитчикъ приводитъ самые соблазнительные факты изъ жизни мѣстнаго—вяземскаго духовенства. По его словамъ соборный протопопъ въ Вязьмѣ женатъ на своей двоюродной сестрѣ, о чемъ и было донесено архіерею, „а онъ на деньги печаль возвергъ“, и дозволилъ протопопу священнодѣйствовать. Ключарь того-же собора взять въ Москвѣ у архіерея грамоту, чтобы „исправить и доглядѣти чину во церквахъ въ вяземскомъ уѣздѣ, и онъ изрядно исправлялъ: на одномъ попу исправилъ 50 рублей, на иномъ 30, на иномъ 10 и на иныхъ по силѣ меншіи вытрясалъ“. А между тѣмъ исправлять дѣйствительно было что: одинъ священникъ, исповѣдавшій женщину, записалъ ея грѣхи, и продалъ эту записку мужу за пять рублей;

¹⁹⁾ Эта очень важная челобитная неизвѣстнаго къ патриарху Іосифу напечатана въ приложеніи.

другой священникъ мало того, что самъ блудникъ „знаемъ людемъ, но и прочая учить, глаголя: что за грѣхъ еже похоть исполнити?“. И такіе то священнодѣйствуютъ ради денежныхъ посуловъ, которые они даютъ, кому слѣдуетъ. Въ самомъ городѣ Вязьмѣ, продолжаетъ челобитчикъ, есть одинъ молодой священникъ, который „своею попадію недоволенъ будучи, съ другою живучи, дѣтище прижилъ и ее замужъ выдалъ, и яко до него приставили, онъ за тое дѣтище корову, да пять рублей денегъ далъ, а протопопъ далъ два уліи пчель, да пять рублей денегъ— и нынѣ священнодѣйствуетъ“.

Жалобы челобитчиковъ-ревнителей касаются не только жизни и дѣятельности бѣлаго духовенства, но и жизни иноческой, въ которой они также усматривали очень многое, требующее исправленія. Неизвѣстный челобитчикъ заявляетъ патриарху Іосифу: „государь, великій святитель, хочу воспомянуги предъ тобою страшнаго внѣ міра, иноческаго житія уставъ, еже пріяша любяще единство. Яко Ілія на Кармилѣ и яко Предтеча въ пустыни—и больше сихъ, яко Іисусъ на горѣ, тако и нынѣ иноцы міра и яже въ немъ отрешися и усердно Христовъ крестъ носить и страсти вседневнаго озлобленія обѣщавшися терпѣти, но невѣмъ, государь, откуда привниде обычай противесь такому обѣщанію: любятъ серебро и золото и украшеніе келейное, имѣютъ влагалища исполнена лишнихъ одеждъ, тщатся притяжати болшая стяжанія и тѣмъ желаютъ мірскія любве достигнути; призываютъ къ себѣ на гостьбу великоименитыхъ властей и сами къ нимъ въ дома ходятъ, словесы блажатъ и, дѣлы являющесе благими, лстятъ; дарованія приносятъ и большая даяти обѣщаются, себѣ же просятъ имѣть власть во обителѣхъ: игуменство, строительство, и келарство и прочія начальства. И пріеимше власть цѣною гиблющаго имѣнія, къ подвластнымъ звѣрообразны являются, сурови и мстиви томители и святыхъ обителей грабители, своихъ дальнихъ и ближнихъ взыскають и обогащаютъ, и всякимъ образомъ обильно дома ихъ исполняютъ монастырскою казною, и сами въ домѣхъ и гостятъ и обнощеваютъ, упивающесе и объедаючи бѣсомъ вождѣлвнымъ пьянствомъ съ женами пирующе; и въ монастырехъ различными пьянства и питія имуще, уставомъ святаго иноческаго житія изумленнымъ пьянствомъ ругаются, и одежды ангельскаго образа

сквернять, и братію возмущаютъ тѣмъ же дѣяти.. И откуда, государь, обычай таковъ властемъ: ненавыише довольно время меншихъ степеней, на большая восходить и како могутъ быти врачево душамъ, неприемше искуса цѣлбы, постригается множи нуждею привлечими, неимуще дневныя одежда и пища и, помале, власти являются, въ мѣре о иночествѣ произволенія добра неимуще, а во иночествѣ откуду таковымъ абіе устроеніе нрава постигнути?“.

Что подобныя челобитныя могли исходить отъ извѣстныхъ намъ ревнителей, это доказывается тѣмъ, что они вели постоянную неустанную борьбу съ пороками, лѣнностью и небрежностью духовенства, всюду рѣзко и сурово обличая его. Нероновъ, живя въ селѣ Никольскомъ „іереевъ веси тоя, развращенное житіе имущія, непрестанно обличаше ихъ пѣанства ради и многого безчинства“, „безчинующихъ пѣанственнѣе іереевъ онъ „отторгаше отъ святаго алтаря и вонъ изъ церкви извождаше“. Аввакумъ, рассказавъ о томъ, какъ жестоко его избила толпа въ Юрьевцѣ, замѣчаетъ: „наипаче же попы и бабы, которыхъ унижалъ отъ блудни вопять: убить вора, блядина сына, да и тѣло собакамъ въ ровъ кинемъ“. Тоже было и съ другими ревнителями, чѣмъ отчасти и объясняется то явленіе, что всѣ они, куда-бы ни появлялись, повсюду создавали себѣ непримиримыхъ враговъ, хотя въ то же время у нихъ являлось и немало послѣдователей и поклонниковъ, которые видѣли въ нихъ людей строго и искренно благочестивыхъ, всецѣло преданныхъ исполненію своихъ пастырскихъ обязанностей. Что ревнители дѣйствительно подавали и царю и патріарху челобитныя, въ которыхъ они указывали на разные замѣченные ими недостатки въ жизни и дѣятельности современнаго духовенства, это подтверждаетъ Нероновъ, когда говоритъ царю, что Аввакумъ, Данилъ, Лазарь и Логгинъ „безпрестанно къ вамъ, государемъ, на всякія безчинныя извѣщали“. Извѣщенія ревнителей царю и патріарху на всякія безчинныя производили свое дѣйствіе. Въ 1646 году патріархъ Іосифъ издаетъ наказъ всему духовному чину въ Москвѣ, которымъ требуетъ, чтобы приходское духовенство своею собственною благочестивою жизнію, строгимъ исполненіемъ разныхъ церковныхъ правилъ и предписаній, рѣвностнымъ исполненіемъ своихъ пастырскихъ обязанностей, служило образцомъ для своихъ прихожанъ. А которые протопопы и дьяконы,

говорить въ заключеніе наказъ „учнуть пити и ходити безчинно“, тѣхъ патріархъ будетъ смирать „большимъ смиреніемъ, да имъ же быти въ великомъ запрещеніи“ ²⁰⁾. Въ 1648 году патріархъ Іосифъ писалъ въ монастырь Саввы Сторожевскаго, что государю и ему, патріарху, вѣдомо учинилось, что въ монастыряхъ умножилось хмѣлново и оттого хмѣльного пьянаго питья монастыри оскудѣли, и общежителство и монастырскій чинъ разрушается, и архимандриты, и игумены, и попы черные и строители, и старцы о церковномъ пѣніи и благочиніи нерадѣютъ, и древнихъ богоносныхъ отецъ преданіе и уставъ не хранятъ, въ церквахъ Божіихъ поютъ поспору, не единогласно со всякимъ безстрашіемъ, и братію на всяко благочестіе не учатъ, и сами въ церкви Божіи мало ходятъ, и съ братією въ трапезѣ не бывають, ядятъ и пьютъ по кельямъ съ большими покои, забывъ свое иноческое общаніе“. Въ виду этого, говоритъ патріаршая грамота, государь, „слышавъ таковое въ своихъ царскихъ богомодіяхъ, въ монастырѣхъ, смятеніе и нерадѣніе, и лѣность, и преизлишное піянство, и нарушеніе всякаго благочестія и древнихъ святыхъ отецъ преданіе и чинъ монастырскій небрегомъ“, велѣлъ во всѣ города по монастырямъ послать свои указы, чтобы въ монастыряхъ „хмѣльное всякое питье: вино, и медъ, и пиво, и хмѣльные квасы отставили и впредь не держали, а мнѣ, богомольцу своему, велѣлъ послать по всѣмъ монастыремъ грамоты таковыя, чтобъ отнюдь въ монастырѣхъ хмѣльного всякаво питья не было, и жилибъ по преданію древнихъ отецъ и по чину монастырскому и уставу, чтобъ отъ такого невоздержанія ево царскія богомолья неоскудѣли и запустѣніябъ монастырей не было, и иноческій чинъ и вси православніи христіане, живущіе во святыхъ обителѣхъ, непогибали душевнѣ, и благочестію нарушенія не было“ ²¹⁾. Противъ монастырскихъ безпорядковъ наконецъ выступилъ и самъ царь непосредственно въ своей грамотѣ отъ 15 іюня 1652 года въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. Въ этой грамотѣ государь заявляетъ, о чемъ ему хорошо стало извѣстно, что въ московскихъ, въ ближнихъ и дальнихъ, въ степныхъ и нестепныхъ

²⁰⁾ А. Э. IV, № 321.

²¹⁾ Иванова; Опис. госуд. архива старыхъ дѣлъ, стр. 302. А. Э. № 325.

монастыряхъ существуютъ слѣдующія злоупотребленія: всѣ монахи и начальствующіе и рядовые держатъ для себя въ монастырскихъ погребахъ и кельяхъ и монастырскихъ вотчинахъ „хмѣльное питье—вино, пиво и медъ“ и отъ ихъ пьянства церкви стоятъ безъ пѣнія; иноки захватываютъ себѣ на трапезѣ хлѣбъ, калачи, рыбу и выносятъ это за монастырь; монастырскія власти во всѣхъ монастыряхъ держатъ у себя дѣтей, братьевъ, племянниковъ, внучатъ, которымъ даютъ монастырскій хлѣбъ и всякій запасъ, а изъ монастырской казны деньги; монастырскія власти посылаютъ въ монастырскія вотчины на жалованье слугъ и, когда тѣ пріѣдутъ съ жалованья, берутъ съ нихъ, какъ сами власти, такъ и ихъ дѣти, племянники, внучата посулы и поминки деньгами, виномъ, медомъ, куницами, а кто имъ не дастъ посуловъ, тѣхъ подвергаютъ побоямъ и дѣлаютъ имъ разныя притѣсненія, берутъ посулы и со всѣхъ монастырскихъ крестьянъ, разоряя ихъ; монастырскіе люди ѣздятъ на пиры въ дома мірскихъ людей, гдѣ бражничаютъ, а за это ссужаютъ такихъ лицъ монастырскимъ хлѣбомъ и казною; въ монастыри пріѣзжаютъ богомольцы (знатные) и власти даютъ имъ въ почестъ деньги, серебряные сосуды и лошадей, чѣмъ разоряютъ монастыри; даютъ гостинцы и всякихъ чиновъ людямъ въ Москвѣ, куда привозятъ изъ монастыря посуловъ и поминокъ рублей на сто и больше; архимандриты и игумены, по призыву разныхъ мірскихъ людей, ѣздить къ нимъ для служенія молебновъ и панихидъ, гдѣ для нихъ устрояются обѣды „и вино и всякое хмѣльное питье имъ подносятъ“, а равно также и всѣ иноки всякій день „для дѣла и не для дѣла“ отпускаются въ городъ; въ Москвѣ и по городамъ иноки священники и простые старцы „поторгомъ и по улицамъ ходятъ и на крестцахъ сидятъ и въ томъ иноческому чину поруганія чинятъ“. Государь приказываетъ уничтожить всѣ эти безпорядки въ монастырской жизни ²¹⁾). Обличая господствующіе въ народѣ, въ тогдашнемъ бѣломъ и черномъ духовенствѣ пороки и недостатки, принимая тѣ или другія мѣры къ ихъ искорененію, кружокъ ревнителей не могъ не коснуться и вопроса о наличныхъ церковныхъ порядкахъ, которые во многомъ требовали неотложнаго исправленія, реформы.

²¹⁾ А. Э. IV, № 328.

Еще 'стоглавый соборъ постановилъ: „псалмовъ бы и псал-
тыри вдругъ не говорили и каноновъ подва вмѣстѣ не канонар-
хали, но поединому, занеже то въ нашемъ православіи великое
безчиніе и грѣхъ, тако творити отцы отречено бысть“. Но не
смотря на такое постановленіе стоглаваго собора „то въ нашемъ
православіи безчиніе и грѣхъ“ продолжались попрежнему, по-
прежнему службы церковныя совершались разомъ нѣсколькими
голосами: одинъ пѣлъ, другой въ это время читалъ, третій го-
ворилъ эктеніи или возгласы, или читали сразу въ нѣсколько
голосовъ и каждый свое особое, не обращая вниманія на дру-
гихъ и даже стараясь ихъ перекричать. Всякая чинность, строй-
ность, а также и всякая назидательность богослуженія, оконча-
тельно терялись—церковная общественная служба при такихъ
порядкахъ не только не назидала, не научала, не настраивала
на молитву предстоящихъ, но напротивъ, приучала ихъ отно-
ситься къ богослуженію совершенно механически, безсмысленно,
чисто внѣшнимъ образомъ, безъ всякаго участія мысли и чув-
ства. Многіе изъ народа стали смотрѣть на посѣщеніе церкви,
какъ на одну формальность, и не только во время богослуженія
держали себя крайне неблагоговѣнно, но и старались ходить въ
тѣ именно церкви, гдѣ служба совершалась съ особою скоростію,
которая достигалась именно многогласіемъ. Съ своей стороны
духовенство, желая заманить въ свои храмы побольше народу,
доводило скорость церковныхъ службъ до крайности, позволяя
въ храмѣ читать сразу въ голосовъ шесть и больше. Эти во-
пьющіе беспорядки въ церковномъ богослуженіи глубоко возму-
щали всѣхъ истинно благочестивыхъ людей и по ихъ жалобамъ
высшія церковныя власти предпринимали противъ злоупотреб-
леній нѣкоторыя мѣры. Патріархъ Гермогенъ, въ своемъ по-
сланіи: „о исправленіи церковнаго пѣнія“, пишетъ: „повѣдаютъ
намъ христіановѣлюбивые люди со слезами, а иніи писаніе приносятъ,
а сказываютъ, что де въ мірекихъ людѣхъ паче во священни-
кахъ и иноческомъ чинѣ вселися великая слабость и небреже-
ніе, о душевномъ спасеніи нерадѣніе, и въ церковномъ пѣніи
великое неисправленіе. По преданію св. апостолъ и по уставу
св. отецъ церковнаго пѣнія не исправляютъ, и говорятъ де въ
голоса въ два и въ три и въ четыре, а индѣ и въ пять, въ

шесть. И то нашего христіанскаго закона чуже²²⁾. Патріархъ Іосифъ, въ памяти тіуу Маноилоу 1636 года, заявляетъ, что въ Москвѣ во всѣхъ церквахъ „чинится мятежъ и соблазны и нарушеніе нашей святыхъ и православныхъ христіанскіхъ непорочныхъ вѣры“, во всѣхъ церквахъ „зѣло по скору пѣніе Божіе“, говорятъ голосовъ въ пять и шесть и болши, совсякимъ небреженіемъ“. Патріархъ запрещаетъ многогласіе, однако сейчасъ же и дѣлаетъ уступку въ пользу укоренившагося злоупотребленія: „а въ деревнѣ бы велѣли говорить, пишеть оны, голоса въ два, а понуждѣ въ три голоса, опрочѣ экзапсалмовъ, а экзапсалмы бы во всѣмъ церквамъ говорили въ одинъ голосъ, а псалтыри и канонѣ въ тѣ поры говорить отнюдѣ невелѣти“. Но злоупотребленія продолжали существовать попрежнему. Неизвѣстный въ челобитной къ патріарху Іосифу говоритъ: „воспомяну тебѣ, государь, и о бездущныхъ гласѣхъ — благовѣсты и звоны по обычаю церковному и по достоянію коегождо дне почину содѣваются, первому другое послѣдуя, звонъ съ благовѣстомъ неслѣсно; царскаго же, государь, пѣнія обычай отъ многихъ небрегомъ и непоряду совершается, якоже преданіа намъ святыхъ отцы, еже бы первыхъ божественныя сладости вкусиша и другихъ совершенію святыхъ службы всѣмъ всякаго егдажемаго и чтемаго и поемаго словеса насыщаются; но точию, государь, именемъ утренняго времени зовется утренняя, или вечерняго времени зовется вечерня, совершается же, государь, ото многогласія въ церквахъ Божіихъ пѣніе образомъ неистоваго пѣнства: къ началному дѣнію другій поемлетъ и третій, даже и до пяти и шести гласовъ купно бываетъ. И сие, государь, бываемое, кто наречетъ святаго церковнаго устава обычай, но воистину, государь, тѣмъ сводимъ на себе гнѣвъ Божій, а не милость. Помысли, государь, великій святитель, аще восхощетъ гостимъ быти у тебѣ царь, и сѣдши съ дѣдѣ вечеряти, восхощещи ли вся уготованная брашна, безобразно смѣсавше, купно представить, но коеждо почину и раду сладкое и сланое, терпкое и мастичное, едино вкушаемо бывають, другое представляемо, и третіе держимо, и другая паки уготовляема, другѣ

²²⁾ Сахарова: Исслѣдованіе о русскомъ церковномъ пѣнопѣніи.

другу последующе благочиніе на трінезу поставляются. Ма-
лаго же, государь, и незанятаго ради и предъ царемъ ко-
нституента всѣмъ предостоящимъ ти заповѣди прещенія испол-
нены полагавши, да нечае царь, вмѣсто широканаго веселія,
исполнится ярости. Боимина, государь, хочеть отъ насъ до-
стойно почитаемъ быти царь царемъ и Господь господеть
Богъ нашъ, и каково чисту и соблагодѣніемъ заповѣди намъ
приносити кваненія жертву въ церквахъ своихъ пречистому
и святому своему имени, яко научили насъ бывше, пріемше
дѣйствіемъ Святаго Духа брѣжосни отцы^к. Вієграєъ Неронова
съ своей стороны говоритъ: „въ оная времена (т. е. когда въ
Москвѣ похъ главенствомъ протоієна Стевана образовался дру-
жокъ ревнителей) отъ неразумѣющихъ божественнаго ученія
внѣде въ святую церковь смущеніе велие, яко чрезъ уставъ и
церковный чинъ не единогласно пѣваху, но въ гласы два, и
три, и въ шесть церковное совершаху пѣніе, другъ друга не-
разумѣюще, что глаголетъ; и отъ самѣхъ священниковъ и при-
чтениковъ шумъ и возмездываніе въ святыхъ церквахъ бываше
страшно зѣло; клирики бо поиху на обѣихъ странахъ псалтырь
и пѣли егдаи церковныя, неопидающе конца лихъ отъ гласа, но
шумно вси причаху, неслезливъ же прочитавше стихи невели-
кая поемашъ, начинаше пѣніи, и невозможно быше слушающему
разумѣти поемаго и чтомаго^к. Но многогласіемъ въ чтеніи, од-
новременностью чтеніи и пѣніи зѣло не ограничивалось, злеупо-
требленія и беспорядки шли далѣе, простирались на самый ха-
рактеръ церковнаго пѣнія. Вієграєъ Неронова говоритъ, что
въ то время въ церквахъ „поиху рѣчи немоги писани суть, но
измѣняюще рѣсенія, ради возмездыванія своего, воспріемше
обычай древнихъ божественныхъ, и вмѣсто еже бы глаголати:
Богъ, Христосъ, Сынъ, снъ поиху: Бого, Христосъ, Спасо и
протія рѣчи измѣняюще, яко дикѣ странно зѣло слышати^к. Съ
особенною силой и настрѣчивостію востаетъ противъ непра-
вильнаго и сквернаго церковнаго пѣнія инокъ Евросимъ, по-
тершій, въ 1881 году, написать „сказаніе о различныхъ ересьхъ
и худосмыслихъ на Господа Бога и на пречистую Богородицу, со-
держанихъ отъ нечестія въ означенныхъ книгахъ“. О состоя-
ніи въ это время церковнаго пѣнія Евросимъ говоритъ слѣ-
дующее: „Духъ Святой повелѣваетъ бо пѣти не просто, но ра-
го“

звучно, слышь не шумомъ, ниже украшеніемъ гласа, по званію
 бы поемое самому поющему, и слушающимъ того пѣнія ра-
 зумъ рѣчей мощно бы вѣдать, а не точію гласъ украшати, о
 силѣ же глаголь небрежи... Въ пѣніи бо напѣмъ точію гласъ
 украшаемъ и знаменныя крѣпки беремъ, а священныя рѣчи
 до конца развращены противу памятныхъ и письменныхъ древ-
 ныхъ и новыхъ книгъ, и источію развращены, но и словенскаго
 нашего языка, въ немъ же родихомся и славященіемъ писаніемъ
 учихомся, чужды, несвойственны и сопротивны. Гдѣбо обратится
 во священномъ псалмѣ нашего природнаго словенскаго діалекта
 сицевыя, несогласныя рѣчи: сонасо, поперу, домои, тѣмъно, и
 мои, восъни, волаемо, и земли, людми, соудая и прочія тако-
 выя странныя глаголы, ихъ же множество невозможно нынѣ
 подробно исчислити за невмѣненіе краткаго писанія сего.
 Учителя пѣнія, ваявшае Евросимъ, берутъ съ ученикомъ, за
 обученіе пѣнію „мзду велию и чаше мѣры“, но если видятъ уче-
 ника „остроумна естествомъ и вскорѣ познающа пѣніе ихъ и
 знающа“, по зависти обыкновенно скрываютъ отъ такихъ учени-
 ковъ „древнихъ мастеровъ добрыя пераваніа и учать пѣніи по
 испорченнымъ“, чтобы ученикъ не предознаеи учителя. Самые
 книги для церковнаго пѣнія были очень испорчены. Много дубо,
 говоритъ Евросимъ, и безчисленна алая опись въ знаменныхъ
 книгахъ: рѣдко такой стихъ обрящется, который бы бѣлъ не
 испорченъ въ рѣчахъ во всякомъ знаменномъ пѣніи. Въ знамен-
 ныхъ книгахъ многое обрѣтается: нѣдѣ рѣчи церковныя,
 и послѣдующему разуму приложены, а во иныхъ мѣстахъ
 нужнѣйшія глаголанія разуму отъяты... Книги харатойны были
 писанныя, и поимѣ пѣтъ то такое, яко глаголаше: на рече,
 а не якоже нынѣ всякіе глаголы буквами латинскими переданы.
 Это удивляется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что ученики они
 зываютъ книги для пѣнія съ поврежденныхъ тетрадей. При этомъ
 они, не зная доброй ни силу рѣчи, ни разумъ слова, ни буквы
 вѣдая, въ той переплетѣ отъ неаученія, аки охъ неастрома
 описываются, вольготныя чого все пѣніе въ переплетѣ совер-
 шалось по крайне испорченнымъ и извращеннымъ книгамъ. Въ
 виду этого Евросимъ, въ замечаніе своего слова, обра-
 щается къ вамъ съ просьбою, вразумитесь: „и вы, господне слуги,
 оны и братья, и мы, бѣдныя, съ вами, поспешимъ къ разуму“.

шию общій совѣтъ; по церковнымъ законамъ любовнаго соединенія; воспичаемся предъ Господомъ, совершившимъ насъ, и прибѣгнемъ и припадемъ къ благочестивому семуодержцу, государю, царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всея Руси, и къ святѣйшему великому господину, въ духовномъ чинѣ отцу и богомольцу его, Іосифу, патриарху московскому и всея Руси и помонимъ, еже бы исправить съ печатныхъ церковныхъ книгъ и съ харатейныхъ книгъ: Ирмолой и Онтая и Стихирари въ существенномъ разумѣ рѣчей и именъ, приказати бы и повелѣти имъ, государемъ, добрымъ пѣвцомъ и знаменщикомъ противу грамматическаго художества и истиннаго разума въ именахъ и глаголахъ и въ прочихъ частяхъ, по согласію точекъ и запятыхъ, и разумъ верхнихъ силъ, зная положити, къ наученію всему православному христіанству, противъ древнихъ переводовъ харатейныхъ²⁴⁾.

Противъ этихъ вопіющихъ безпорядковъ въ церковномъ богослуженіи особенно сильно и энергично возсталъ кружокъ ревнителей. Стефанъ и Ртищевъ „первые уставиша въ своихъ домѣхъ единогласное и согласное пѣніе“, затѣмъ оно введено было Нероновымъ въ Казанскомъ соборѣ, и уже потомъ, благодаря настояніямъ государя, побуждаемаго ревнителями, и во всѣхъ церквахъ²⁵⁾. На соборѣ 1651 года постановлено было

²⁴⁾ Бычкова. Опис. рукоп. сборниковъ импер. публ. библ. № XXIII, 10. Сахарова: Исслѣд. о рус. церк. пѣнописн. Оп. рукоп. Хлудова № 91.

²⁵⁾ Установленіе единогласнаго пѣнія нѣкоторые почему то считают личнымъ дѣломъ Никона. Это мнѣніе несправедливо. Современныя введенія единогласія лица говорятъ, что это было дѣломъ Ртищева и Стефана Вонифатьевича, которые «первые уставиша въ своихъ домѣхъ единогласное и согласное пѣніе, таже потщашася и благочестиваго царя молити, дабы утвердилъ благочинное въ церквахъ правило, еже бы въ единъ гласъ, а не во многія пѣти». Единогласіе установлено было «ово ученіемъ протопоповъ Стефана и Іоанна, (Неронова), оже повелѣніемъ царевымъ, съ чествомъ и особствова и богомудрый архимандритъ Никонъ». Съ одной стороны и Шушеринъ говоритъ, что царь ввелъ единогласіе по совѣту и благословенію своего духовника Стефана и при этомъ замѣчаетъ: «ему же въ томъ богоспасемомъ дѣлѣ велій поборникъ и помощникъ бысть преосвященный Никонъ митрополитъ». Ясно, что установленіе единогласія было дѣломъ Стефана Вонифатьевича. Никонъ же только содѣйствовалъ распространенію и утвержденію этой другими лицами задуманной мѣры. Но это же дѣлали и всѣ другіе члены кружка, почему Аввакумъ, напримѣръ, и остался навсегда горячимъ

„нѣтъ во святыхъ Божіихъ церквахъ чинно и безмятежно, на Москвѣ и во всѣхъ градахъ, единогласно, на вечерняхъ и на павечерницахъ, и на полунощницахъ, и на заутреняхъ, псалмы и псалмырь говоритъ въ одинъ голосъ, тихо и насильно, со всякимъ вниманіемъ, къ царскимъ дверемъ лицомъ“. ²⁰⁾ Благодаря этому соборному постановленію „то въ нашихъ православныхъ великое безчиніе и грѣхъ“, многогласіе въ церковномъ чтеніи и пѣніи, уничтожилось навсегда, церковное богослуженіе съ этого времени стало совершаться у насъ относительно чинно, стройно, болѣе или менѣе вразумительно и назидательно для предстоящихъ.

Утвердивъ единогласіе въ церквахъ, кружокъ ревнителей велѣлъ затѣмъ обратить вниманіе и на необходимость упорядоченія самаго церковнаго пѣнія, на необходимость исправленія церковныхъ нотныхъ книгъ, въ неисправности и испорченности которыхъ заключалась одна изъ главныхъ причинъ безпорядочности церковнаго пѣнія; воззваніе инокъ Евросима въ пользу исправленія нотныхъ книгъ было услышано. Извѣстный Алексѣй Мезенцевъ въ своемъ сочиненіи: „Извѣщеніе требующимъ учиться пѣнію“, сообщаетъ, что послѣ собора 1651 года, утвердившаго и единогласіе и обязательность *мартынаго* пѣнія, по царскому повелѣнію въ Москвѣ „собрано было къ тому знаменному устроенію его царскаго величества во градѣхъ и честныхъ обителѣхъ и селѣхъ разныхъ чиновъ отъ святаго Божія церкви чиноначальниковъ и всякаго церковнаго чина избранныхъ людей 14 человекъ“. Такимъ образомъ для исправленія нотныхъ церковныхъ книгъ собрана была цѣлая коммиссія изъ свѣдущихъ людей, которая должна была привести эти книги въ должный порядокъ. Но со вступленіемъ на патріаршій престолъ Никона дѣло это остановилось. А такъ какъ неисправность и испорченность нотныхъ книгъ была открыто признана и заявлена, то, по свидѣтельству Мезенца, разные мастера пѣнія сами стали, каждый по своему, исправлять на правую рѣчь пѣніе „и во единогласіе непріидоша“. Слѣдствія такого положенія дѣлъ понятны: „во

приверженцемъ единогласія, чего бы никакъ не могло быть, еслибы единогласіе было введено именно Никономъ.

²⁰⁾ А. Э. IV, № 327.

всѣхъ градѣхъ и селѣхъ учинилось велие разгласіе, что и во единой церкви не токмо тріемъ или многимъ, но и двѣма пѣти согласно стало невозможно²¹⁾. И только уже послѣ Никона, при патріархѣ Іоасафѣ, снова возвратились къ прежней мысли собрать въ Москву свѣдущихъ людей, которыми нотныя книги и приведены были въ порядок²²⁾.

Наконецъ кружокъ ревнителей обратилъ свое особое вниманіе на возстановленіе совсѣщъ было замолишнаго на Руси церковнаго учительства. Дѣло въ этомъ отношеніи дошло было уже до того, что и міряне и сами пастыри стали смотрѣть на церковныя поученія, какъ на нѣчто непозволительное и даже вредное. Патріархъ Іоасафъ въ своей памяти тіуну Манойлову въ 1636 году говорить, что мірскіе люди не только церковныя поученія священниковъ презираютъ и непріемлютъ, но и самихъ священниковъ за это поносятъ и укоряютъ. Съ другой стороны и сами священники, торопясь поскорѣе справить службу, не только не читали положенныя отеческія поученія, но и возвращали тѣмъ, которые хотѣли читать ихъ, такъ что предстоящіе уходили изъ церкви безъ всякаго поученія и сильно соблазнялись такимъ поведеніемъ своихъ пастырей. Неизвѣстный въ своей челобитной патріарху Іосифу также сильно жалуется на прекращеніе церковнаго учительства, на полное нерадѣніе въ этомъ отношеніи пастырей церкви, и проситъ патріарха принять мѣры противъ укоренившагося зла. Для поощренія церковнаго учительства при патріархѣ Іосифѣ дѣйствительно предпринимаются нѣкоторыя мѣры, состоящія въ томъ, что при немъ усиленно начинаютъ печатать учительныя отеческія сочиненія, особенно уважаемыя и любимыя народомъ за ихъ назидательный характеръ. Такъ при Іосифѣ печатается (въ 1641 году) Маргаритъ Златоуста и его житіе (въ 1642 г.), поученія Еврема Сирина печатаются три раза (въ 1643 г. и въ 1652 г.) и два раза вмѣстѣ съ поученіями аввы Дороева, печатается Сборникъ изъ 12 учительныхъ словъ (въ 1642 г.), извѣстное поученіе самого патріарха Іосифа и пр. Благодаря изданію учительныхъ сочиненій получалась возможность читать ихъ въ болѣе исправномъ видѣ, нежели какъ они читались въ старинныхъ неисправныхъ и испор-

²¹⁾ Сахарова—Изслѣд. о рус. церковн. писаніи, стр. 28—29.

ченныхъ рукописяхъ,—получалась возможность имѣть ихъ чуть не при каждой церкви. Члены кружка ревнителей, какъ мы знаемъ, отличались учительностію, готовностію всегда и всюду читать народу отеческія учительныя произведенія и толковать ихъ. Нероновъ никогда не разставался съ книгою Маргаритъ, всюду носилъ ее съ собою и не только въ церкви и дома, но на улицахъ и площадяхъ всегда готовъ былъ читать ее народу для его наученія. Такъ поступали и другіе ревнители, причемъ ихъ проповѣдь всюду возбуждала въ народѣ всеобщее вниманіе, дѣлала ихъ популярными, пріобрѣтала имъ множество друзей и послѣдователей,—у нихъ являлись въ этомъ отношеніи подражатели и среди духовенства. Біографъ Неронова говоритъ, что въ Нижнемъ-Новгородѣ „священники мнози, ревнующе іерею Іоанну, начаша износити изъ сокровищъ сердца своего сладость ученія Божественнаго Писанія“. Поученія Логгина создали ему популярность и приверженцевъ, какъ это видно изъ челобитной жителей Мурома къ архіепископу рязанскому Мисаилу, съ просьбою возвратить имъ учительнаго пастыря. Сами высшіе іерархи стали къ концу патріаршества Іосифа требовать отъ подвѣдомственнаго имъ духовенства церковнаго учительства. Такъ ростовскій митрополитъ Іона, въ окружномъ посланіи къ паствѣ, при своемъ вступленіи на митрополию, пишетъ, обращаясь къ духовенству: „училибъ естя люди Божія, кто неприлучится у церкви Божіи, на всякъ день, съ прилежаніемъ. А какъ прилучится вамъ прочитати отъ Божественнаго Писанія поученіе, тогдабъ единъ почиталь, а другій за нимъ толковаль, или кто можетъ чести, да и толкуеть самъ, чтобъ простымъ людямъ было что пріяти отъ васъ“²⁸⁾.

Такимъ образомъ дѣятельность кружка ревнителей благочестія была направлена на искорененіе въ народѣ пороковъ, суевѣрій, неприличныхъ языческаго характера игрищъ, на водвореніе въ обществѣ духа христіанскаго благочестія и религіозности вообще, на исправленіе разныхъ церковныхъ безпорядковъ, на поднятіе совѣсть было замолкшей у насъ церковной проповѣди.

Нетрудно видѣть, что указанная нами дѣятельность кружка ревнителей благочестія, насколько мы ее можемъ знать по не-

²⁸⁾ А. И. IV, № 62.

многимъ дошедшимъ до насъ отъ этого времени свѣдѣніямъ, была дѣятельностію въ извѣстномъ отношеніи преобразовательною, такъ что представители кружка ревнителей, въ глазахъ многихъ невѣжественныхъ лицъ, были ничто иное, какъ безпокойные и опасные новаторы и даже чуть не еретики, стремящіеся измѣнить отеческіе, вѣками освященные и всѣми доселѣ признаваемые порядки и обычаи. Вездѣ, гдѣ только появлялись, съ своимъ неустаннымъ учительствомъ, съ своими обличеніями, съ своимъ строгимъ, истовымъ исполненіемъ всѣхъ церковныхъ службъ и пастырскихъ обязанностей,—вездѣ они встрѣчали, вмѣстѣ съ сочувствіемъ къ себѣ и ко всей ихъ полезной дѣятельности, и рѣшительное нерасположеніе и даже прямую вражду со стороны лицъ, ими обличаемыхъ и особенно со стороны лѣниваго, порочнаго и невѣжественнаго духовенства. Даже среди извѣстной части столичнаго московскаго духовенства, необходимо болѣе образованнаго и развитаго, чѣмъ духовенство провинціальнаго городовъ, а тѣмъ болѣе духовенство сельское,—дѣятельность ревнителей благочестія встрѣчала сильныя порицанія и противодѣйствіе, навлекала на нихъ обвиненіе въ еретичествѣ. Въ 1651 году гавриловскій попъ Иванъ извѣщалъ государя: „говорилъ де ему Никольской попъ Прокофей, гдѣ съ нимъ не сойдется: заводите де вы ханжи ересь новую единогласное пѣніе и людей въ церкви учите, а мы де людей преже сего въ церкви не учивали, а учивали ихъ въ тайнѣ. И говаривалъ де онъ попъ Прокофей: бѣса де и вы имате въ себѣ всѣ ханжи... и протопопъ де благовѣщенскій (Стефанъ Вонифатьевъ) такой же ханжа, сказалъ де онъ: Господа Саваоѳа видѣлъ (?), и онъ де бѣса видѣлъ, а не Бога. А Бога де кто можетъ видѣти во плоти?“ И другіе московскіе священники сильно возмущены были введеніемъ единогласія и требованіемъ отъ нихъ учительства,—они шумѣли и не хотѣли подписываться подъ требованіемъ объ обязательномъ введеніи единогласія во всѣхъ церквахъ. Тотъ же попъ Иванъ заявлялъ, что 11 февраля въ сѣняхъ московской тиунской избы былъ сильный крикъ: „Лукинскій попъ Сава съ товарищи говорилъ такіа рѣчи: мнѣ де къ выбору, который выборъ о единогласіи, руки не прикладывать, напередъ бы де велили руки прикладывать о единогласіи бояромъ и окольнымимъ,

любо де имъ будетъ единогласіе“²⁹⁾. И когда попъ Иванъ сталъ говорить противящимся единогласію, что они не могутъ презирать изволеніе Божіе, уставъ св. отецъ, повелѣніе государя и патріарха, то получилъ такой отвѣтъ отъ шумѣвшихъ іереевъ: „намъ де хотя и умереть, а къ выбору о единогласіи рукъ не прикладывать“. Въ то же время какой то попъ Андрей говоритъ: „чтобъ или съ казанскимъ протопопомъ (т.-е. Нероновымъ) въ единогласномъ пѣніи дали жеребей, и *будетъ его тѣра права*, и они де всѣ учнутъ пѣть (единогласно) и говорить (поученіи)“³⁰⁾.

Съ самаго начала дѣятельность ревнителей (Стефана, Ртищева и Никона), какъ видно, вовсе не расходилась съ дѣятельностью патріарха Іосифа, являлась какъ бы ея отпрыскомъ, ея восполненіемъ. Это было, казалось, то же направленіе, только имѣвшее въ виду специально практическую сторону жизни, область наличныхъ общественныхъ нравовъ, обычаевъ, наличныхъ церковныхъ порядковъ и проч., такъ что дѣятельность ревнителей служила какъ бы только восполненіемъ преобразовательной дѣя-

²⁹⁾ Это на первый взглядъ странное требованіе московскаго приходскаго духовенства, чтобы прежде обязательнаго введенія въ церквахъ единогласія спросили напередъ у бояръ и окольничихъ: любо ли имъ будетъ единогласіе?—по нашему мнѣнію объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что многіе прихожане охотнѣе шли въ тѣ церкви, въ которыхъ служба совершалась очень скоро, ради чего у насъ собственно и возникло многогласіе, дававшее возможность сокращать срокъ службы до послѣдней возможности, хотя въ то же время всѣ требованія церковнаго устава формально выполнялись. Такіе церковные порядки вѣнше благочестивымъ людямъ нравились какъ нельзя болѣе. Введеніе же единогласія, истовое исполненіе церковныхъ службъ, введеніе церковныхъ поученій, необходимо должно было значительно удлиннить всѣ церковныя службы, что сильно могло не понравиться многимъ прихожанамъ, привыкшимъ къ прежнимъ короткимъ службамъ. Въ виду этого опасенія—введеніемъ единогласія возбудить не-удовольствіе своихъ сирыхъ и вліятельныхъ прихожанъ, московское приходское духовенство и требуетъ, чтобы напередъ спросили бояръ и окольничихъ—любо ли имъ будетъ единогласіе.

³⁰⁾ Зап. рус. археол. общ. II, 394—396. Въ приведенныхъ заявленіяхъ московскаго духовенства нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что главными новаторами, виновниками введенія единогласія и церковныхъ поученій признаются Стефанъ и Нерововъ, а не Никонъ, о которомъ даже вовсе и не упоминается, что было бы невозможно, еслибы онъ дѣйствительно въ то время былъ, какъ нѣкоторые думаютъ, главнымъ виновникомъ введенія у насъ единогласія и церковныхъ поученій.

тельности патриарха Иосифа. Въ воззрѣніяхъ первыхъ дѣятелей кружка ревнителей: Стефана, Ртищева и потомъ Никона, не могло быть ничего особенно враждебнаго тѣмъ новымъ вѣніямъ, которые проявились при Иосифѣ, такъ какъ глава кружка, Стефанъ, несомнѣнно самъ содѣйствовалъ появленію и укрѣпленію въ Москвѣ этихъ вѣній, онъ былъ близкимъ другомъ Ртищева, въ бесѣдахъ съ нимъ проводилъ иногда ночи, съ нимъ совѣтовался при выборѣ лицъ для поставленія на протопопскія мѣста въ разныхъ городахъ. Съ своей стороны и Ртищевъ, устроив около Москвы Андреевскій монастырь и вызывая въ него ученыхъ, южно-русскихъ монаховъ, дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ, конечно, съ согласія и одобренія Стефана. Точно также и царь, не совѣтовавшись предварительно съ своимъ уважаемымъ духовникомъ, не рѣшился бы на такую небывалую мѣру, какъ вызовъ въ Москву ученыхъ кіевлянъ для книжныхъ исправленій, безъ одобренія своего духовника не рѣшился бы онъ и на учрежденіе въ Москвѣ школы, въ которой бы образованные кіевляне и греки учили москвичей разнымъ наукамъ. Несомнѣнно, что все это дѣлалось и Ртищевымъ, и царемъ съ вѣдома и согласія Стефана, который, слѣдовательно, лично вовсе не былъ противникомъ науки, образованія и книжныхъ исправленій. То же самое доказывается между прочимъ и тѣмъ, что книга о Вѣрѣ, написанная кіевляниномъ Назанаиломъ, игуменомъ кіевского Михайловскаго монастыря, была, въ 1648 году, напечатана въ Москвѣ, по свидѣтельству дьякона Ѳедора, „тщательствомъ благого духовника царя Стефана Вонифатьевича“. Правда, когда въ Москвѣ появились кіевляне и ихъ ученики, то они, по наблюденію москвичей, свысока стали трамбовать учительныхъ и благочестивыхъ московскихъ протопоповъ: „всѣхъ они (кіевляне съ своими учениками) укоряють, и ни во что ставятъ благочестивыхъ протопоповъ Ивана (Неронова) и Стефана (Вонифатьева) и иныхъ: враки де они вракують; слушать у нихъ нечего, и себѣ имени невѣдаютъ; учать де—просто ничего не знаютъ, чему учать“³¹⁾.

³¹⁾ «Дѣло по доносу чернеца Саула на бояръ Ивана Васильевича Засѣкаго на Луку Тимофѣева, сына Голосова, да Благовѣщенскаго собора на дьячка Константина Иванова, что они къ нему въ келью приходили и про еретичество говорили. 158 года, апрѣля въ 3 день, извѣщала околиничему Ивану Ондрѣевичу

Дѣйствительно, съ прибытіемъ въ Москву ученыхъ кіевлянъ необходимо должно было произойти сравненіе, сличеніе старой московской учености съ новою кіевскою, причемъ представители и приверженцы кіевской учености естественно старались уронить въ общественномъ мнѣніи старую московскую ученость и ея представителей, учительныхъ протопоповъ Стефана и Неронова. Но это обстоятельство, кажется, очень мало затрогивало Стефана, который самъ содѣйствовалъ вызову въ Москву ученыхъ кіевлянъ и не имѣлъ вообще особыхъ притязаній на ученость и учительность, такъ что въ интересахъ оживленія въ

Милославскому чернецъ Саулъ: есть де за нимъ государево дѣло, чтобъ про тотъ его извѣтъ сказалъ государю, и околнничей Иванъ Одрѣвичъ сказывалъ про то государю. И марта въ 5 день сказалъ чернецъ Саулъ предъ государемъ: нынѣшней де зимы, а о кою пору, того не упомянуть, приходили къ нему въ келью Иванъ Васильевъ, сынъ Засѣцкой, да Лучка Тимофѣевъ, сынъ Голосовъ, да Благовѣщенскаго собора дьячекъ Костка Ивановъ, и межъ себя шептали: учится де у кіевлянъ Ѳеодоръ Ртищевъ греческой грамотѣ, а въ той де грамотѣ и еретичество есть, а болринъ де Борисъ Ивановичъ держитъ отца духовнаго для прилики людской, а еретичество де знаетъ и держится. А Степанъ Алябьевъ распрашиванъ, а въ распросѣ сказалъ: какъ де былъ на Москвѣ старецъ Арсеній греченинъ, который сосланъ на Соловки, погнъ Степанъ хотѣлъ было у него поучиться полатини, и какъ тотъ старецъ сосланъ на Соловки, и онъ де и учиться пересталъ и азбуку изодралъ, потому что учили ему говорить родимцы его и Лучка Голосовъ, да Ивашко Засѣцкой: перестанъ де учиться полатини, дурно де; а какое дурно того не сказали; а разговоровъ де онъ съ ними—Лучкою и Ивашкомъ никакихъ не говаривалъ, а Лучка де говаривалъ: латинской де языкъ незнакомъ и многія въ немъ ереси.—Дьячекъ Костка Ивановъ въ распросѣ сказалъ: нынѣшнего году на масляницѣ, а въ который день, того не упомянуть, провозжали де протопопа (Стефана Вонифатьева) Лучка Голосовъ, да Ивашко Засѣцкой, да онъ Костка отъ Благовѣщенія къ нему на дворъ и, проводя его, пришли къ воротной кельѣ къ старцу Сауду и сѣли на лавкѣ и говорили де ему Косткѣ Лучка и Ивашко: извѣсти де протопопу, что де онъ, Лучка, у кіевскихъ чернецовъ учиться не хочетъ, старцы де не добрые, онъ де въ нихъ добра не позналъ, и добраго ученія у нихъ нѣтъ: нынѣ де онъ манитъ Ѳеодору Ртищеву, боимъ его, а впредь де учиться никакъ не хочу. Да тотъ же де Лучка говорилъ: кто де по латини научится, и тотъ де съ праваго пути совратится; да и о томъ бы онъ Костентинъ вспомнулъ протопопу: поѣхалъ де учиться Порфирко Зеркальниковъ, да Иванъ Озеровъ, а грамоту де проѣзжую Ѳеодоръ промыслилъ доучиваться у старцевъ у кіевлянъ по латини, и какъ де выучатся и будутъ назадъ, и отъ нихъ де будутъ великія хлопоты, и чтобъ де ихъ до Кіева не допустить и воротить назадъ; и такъ де они всѣхъ укоряютъ и ни во что ставятъ благочестивыхъ протопоповъ: Ивана (Неронова) и Степана (Вонифатьева) и иныхъ:

Москвѣ публичной проповѣди, пожелать имѣть при себѣ другое лицо, болѣе его ученое и краснорѣчивѣе. Бюграфъ Неронова прямо говоритъ, что „Стефанъ протопопъ, аще и збѣло въдо ревностъ имѣяше о благочестіи, обаче въ Божественномъ Писаніи не до конца худоꙋ быше: того ради желаше избрати себѣ въ помощь мужа, въ словесѣхъ рѣчиста и въ святыхъ книгахъ искусѣнша“. Въ виду этого умный и непритязательный Стефанъ легко мирился съ кievскою ученостію и съ кievскими учеными, какъ онъ впоследствии легко мирился съ преобразовательною дѣятельностію Никона и даже успѣивался помирить съ нею своихъ пылкихъ и неразумно-ревностныхъ друзей⁴²⁾. Что же касается

враки де они вракують, слушать у нихъ нечего, и себѣ имени не въдають, учать де, про то ничего не знаютъ, чему учать. Да онъ же Костка слышалъ во 157 году по дѣту отъ пола Ѧоми, а живутъ де они во рѣу подъ Троицею, и прикидывалъ къ тому полу Ѧоми для правика, и Ѧома де поѣтъ говорить: едѣи да не маудъ какъ де бытъ, дѣти де его духовные отъ него просятъ въ Кіевъ учиться по латини. И онъ де Костя молвилъ ему: не отпускай де Бога ради, Богъ де на твоѣй душѣ того възметъ. И Ѧома де молвилъ: азъ бы де радъ ихъ не отпустить, да онѣ безъ пристани со слезами просятъ, и его мало слушають и ни во что ставятъ. Да тѣмъ Лука и Иванъа говоритъ: говоритъ де кievляне: мамъ бы де до Свѣтлаго воскресѣня дождѣ, а то де чаетъ, что съ Москвою не поидѣмъ. А про боярина де про Бориса Ивановича Морозова слышалъ онъ у нихъ говорили межъ собою тихонько: Борись де Ивановичъ держитъ отца духовнаго для прилики людской, а кievляне де началъ жаловать, а то де знатно дѣло, что туда уклонился къ таковымъ же ересямъ. Да Костя жъ допрашивалъ: что онѣ съ ними почиталъ, и онъ сарзалъ же уломить, и чтобы де мастахъ и Сахъ: съ отѣи на онъ. И Сахъ на очидѣи говоритъ: онъ де Костя съ ними говорилъ и на ухо шепталъ, да и то де говорили, чтобъ Богъ ихъ всѣхъ снесъ. И Костка молвилъ: въ томъ де виноватъ, что запаматовалъ тѣ де слова, что Богъ ихъ всѣхъ снесъ вмѣстѣ, говорили, а говорилъ де онъ съ ними и шепталъ, что онъ тѣ ихъ рѣчи извѣстилъ протопопу, и я ему извѣстилъ... (Вольной Москов. Архивъ мѣншт. иностранныхъ дѣлъ, дѣла приказныя, 1650 года, связка 246, № 31. Конца дѣла, къ сожалѣнію, нѣтъ).

*) Совсѣмъ иначе; тѣмъ Стефанъ, долженъ былъ отнестись къ обличеніямъ кievлянъ и ихъ учениковъ Нероновъ. Онъ именно и былъ тотъ мужъ „въ словесѣхъ рѣчистый и въ святыхъ книгахъ искусѣншій“, котораго Стефанъ избралъ для публичной церковной проповѣди въ Москвѣ, такъ какъ онъ еще въ Нижнемъ-Новгородѣ составилъ себѣ громкую репутацію выдающагося и очень свѣдущаго проповѣдника. Эту репутацію талантливаго „и въ святыхъ книгахъ искусѣншаго“ проповѣдника Нероновъ съ честію поддерживалъ и въ Москвѣ. Слушать его проповѣди въ Казанскомъ соборѣ приходили иногда самъ царь, царѣна и бояре, причѣмъ въ соборъ всегда собиравалась масса народу послушать „сладкаго“ учѣнѣ

Ртищевъ, то онъ, какъ дѣйствио, былъ главнымъ дѣятеомъ въ вызовѣ въ Москву ученыхъ киевлянъ и самымъ горячимъ поборникомъ развитія у насъ образованія, Точно также и Никонъ, переселившись въ Москву, скоро подчинился здѣсь новымъ вѣдѣніямъ, обдѣлился съ его представителями и наконецъ вполне пролился мыслію о необходимости церковныхъ исправленій въ духѣ Іосифа. Такимъ образомъ всѣ три главные извѣстные намъ ревнителѣ вовсе не были принципиальными противниками Іосифа и имъ намѣченныхъ исправленій, а между тѣмъ, несмотря на это, между патріархомъ Іосифомъ и Стефаномъ Вонифатьевичемъ съ теченіемъ времени произошегъ окончательный разрывъ, такъ что Стефанъ Вонифатьевичъ даже публично позволялъ себѣ называть Іосифа патріарха „не пастыремъ, а волкомъ“, поносилъ онъ и всѣхъ другихъ властей „бранными словами“, и ихъ, какъ и патріарха, называлъ также „волками и губителями“. Къ сожалѣнію документъ, который сообщаетъ намъ о столкновеніи Стефана съ патріархомъ и властями, не говоритъ, за что именно Стефанъ называлъ патріарха и властей „волками и губителями“²²). Но кажется мы не ошибемся, если объяснимъ это столкновение такимъ образомъ: Стефанъ „вѣдо ведую ревность имѣяше о благочестіи“ требовалъ отъ патріарха Іосифа и другихъ властей неотложныхъ и энергичныхъ преобразованій прежде всего и главнымъ образомъ въ сферѣ наличныхъ церковныхъ порядковъ, которые во многомъ уже давно соблазняли истинно благочестивыхъ людей, вызывая съ ихъ стороны горькія жалобы и сѣтованія, требовалъ отъ властей внимательнаго неустаннаго на-

Іоаннова. Вѣдѣтъ съ Стефаномъ Нероновъ даже ямался во дворецъ и здѣсь „прострадаху учении духовниа: и приѣмаше благословеніе отъ нихъ царь и царица и словеса ихъ душеполезныхъ послушаху въ сладость“. И вдругъ киевляне и ихъ московскіе ученики дерзко заявляютъ, что Нероновъ „враки аракуеть, что слушать у него нечего, что хотя онъ и учитъ, однако самъ хорошо не знаетъ чему учить“. Это было дровишнимъ оскорбленіемъ для Іоанна, который конечно не могъ же сознаваться, что и онъ подобно Стефану, то же „не до конца худогъ“ въ Божественномъ Писаніи, и что онъ дѣйствительно хорошо не знаетъ того, чему учить. Понятное дѣло, что для Неронова гораздо легче было заподозрить и отвергнуть всю современную кievскую и греческую ученость, нежели признаться въ своей собственной научной несостоятельности.

²²) Этотъ документъ—челобитная патріарха Іосифа къ царю, очень важная—приводится нами ниже и печатается въ приложеніи.

блюденія за жизнью и дѣятельностію подвѣдомственнаго имъ духовенства, чтобы оно ревностно и истово исполняло свои пастырскія обязанности, требовалъ ихъ особыхъ усиленныхъ заботъ о религиозно-нравственномъ воспитаніи всего вообще народа, зараженнаго многими пороками и суевѣріями, настаивалъ, чтобы на этой именно дѣятельности сосредоточены были прежде всего заботы и усилія церковныхъ властей, которыя сами должны были, по его мнѣнію, являть собою образецъ истиннаго архипастырскаго служенія, подавать собою примѣръ подчиненнымъ имъ пастырямъ въ надлежащемъ выполненіи ими своихъ пастырскихъ обязанностей. Но кажется, ни патріархъ Іосифъ, ни власти не проявляли особенной охоты и ревности исполнять требованія Стефана, или потому, что вообще имъ не сочувствовали, или потому, что не хотѣли подчиниться водительству царскаго духовника, іерархически имъ подчиненнаго, тѣмъ болѣе, что въ его требованіяхъ находили косвенное порицаніе своей предшествующей архипастырской дѣятельности. Тогда Стефанъ, пользуясь своимъ вліяніемъ на государя, сталъ проводить свои планы помимо патріарха и властей, съ помощію царскихъ указовъ и при содѣйствіи выдвинутыхъ имъ ревнителей: Неронова, Аввакума и другихъ, вслѣдствіе чего онъ необходимо сталъ въ натянутыя отношенія къ патріарху и всѣмъ властямъ,—его дѣятельность стала обособляться отъ дѣятельности Іосифа. Не встрѣтивъ желанной поддержки своимъ планамъ у патріарха и властей, Стефанъ въ замѣнъ того нашелъ себѣ горячее сочувствіе въ Нероновѣ, Аввакумѣ, Данилѣ и др., которые вполне раздѣляли его взгляды и готовы были всячески постоять за нихъ. Естественно, что Стефанъ тѣсно сблизился съ этими вполне сочувствующими ему лицами, которыя и сдѣлались скоро его близкими друзьями³⁴⁾. Новые друзья Стефана, особенно пылкій, энергичный и учительный Нероновъ, уже по самой живости своей натуры не могли оставаться на второмъ планѣ, не только привнесли съ собою

³⁴⁾ Дьяконъ Федоръ говоритъ, что Никонъ всѣхъ, «кои не приложили рукъ своихъ ко униженію его врагѣмъ и возбраняли ему много, еже би не раздѣляхъ церкви Христовы,—казанскій протопопъ Іоаннъ Нероновъ, востромской протопопъ Даниилъ, куромскій протопопъ Логинъ, друзи бѣныя царева духовника *Аввакума Озерскаго*, *Владимѣрнскаго протопопа* и нѣмъ мнози отцы и снѣхъ всѣхъ Никона иучилъ»... (Матер. для ист. раск. а. VI, стр. 187).

кругъ воззрѣній, во многомъ отличныхъ отъ воззрѣній Стефана и Никона, но и старался придать имъ преобладающее руководящее значеніе, хотѣлъ, чтобы ими опредѣлялась вся дѣятельность кружка ревнителѣй, вслѣдствіе чего необходимо должна была съ теченіемъ времени вскрыться рознь въ воззрѣніяхъ самихъ ревнителѣй и повести къ отдѣленію московскихъ ревнителѣй отъ ревнителѣй пришлыхъ, провинціальныхъ. Дѣло въ томъ, что въ лицѣ пришлыхъ въ Москву провинціальныхъ ревнителѣй, каковы Нероновъ, Аввакумъ, Лазарь и др. выступала на сцену старая Русь, совершенно чуждая новѣйшимъ московскимъ культурнымъ движеніямъ, Русь исключительно провинціальная, выросшая и воспитывавшаяся на Псалтыри, на житіяхъ святыхъ, на старыхъ толстыхъ московскихъ сборникахъ и ихъ содержимомъ, совершенно не знавшая и даже не хотѣвшая знать и признавать никакой иной мудрости и науки, кромѣ завѣщаннаго ей старыми московскими книжниками, которымъ только она и вѣрила и предъ которыми преклонялась. Это была Русь, еще прочно державшаяся всѣхъ дѣдовскихъ вѣрованій, обычаевъ и традицій, крѣпко вѣровавшая въ ихъ незыблемость и спасительность, и потому крайне стойкая въ своихъ вѣрованіяхъ, убѣжденіяхъ и идеалахъ, крайне неподатливая на всякую новину, враждебная всему, что стремится освободиться отъ узъ вѣковаго, хотя бы уже и отжившаго обычая, отъ привычнаго, вѣками освященнаго строя понятій, хотя бы уже заявившихъ свою дальнѣйшую непригодность. Но если эта старая Русь, совершенно еще нетронутая новѣйшими московскими вѣяніями, и не обладала научнымъ образованіемъ и развитіемъ, воспиталась съ помощію простаго односторонняго начечества, если кругъ самаго ея христіанскаго пониманія былъ крайне узокъ, а иногда и прямо неправиленъ, если она затруднялась иногда подмѣтить въ Псалтыри простую типографскую ошибку, а о Святой Троицѣ не затруднялась богословствовать неправо,—за то она готова была на мученичество за свои вѣрованія и убѣжденія. Какъ мало въ ней было правильнаго теоретическаго развитія, способности къ отвлеченному и критическому мышленію, такъ наоборотъ въ ея представителяхъ очень много было характера, энергии, стойкости, способности всемъ жертвовать, все претерпѣть за свои, незыблемыя убѣжденія. Этими своими качествами они способны были про-

изводить на всѣхъ, и особенно на простую массу, въ высшей степени сильное впечатлѣніе, способны были самымъ своимъ несостоятельнымъ вѣрованіямъ и убѣжденіямъ придать характеръ истинности и святости: на смерть идутъ за свое ученіе—одного этого уже достаточно для массы, чтобы видѣть въ ихъ ученіи, не разбирая и не оцѣнивая его по существу, святую непрерываемую истину,—за неправое дѣло, въ которое сами не вѣрятъ, люди не кладутъ добровольно головы своей на плаху, не даютъ выпрѣзывать у себя языки, не идутъ спокойно на костеръ.

Вотъ такіе-то люди, сгруппировавшись около Стефана, какъ своего центра, постепенно перебираются въ Москву, становятся здѣсь благодаря Стефану извѣстными самому царю и царской семьѣ, приобретаютъ въ высшихъ кругахъ московскаго общества извѣстность и вліяніе и начинаютъ заявлять притязаніе на руководящую роль въ церковныхъ дѣлахъ, хотятъ проводить и въ Москвѣ свои отжившія воззрѣнія, вовсе не думая поступаться ими даже предъ Стефаномъ, съ которымъ они уже вступаютъ въ пренія и состязанія. Нероновъ въ 1654 году писалъ къ Стефану: „не толи мнѣлишь, государь мой союзниче, священнопротопопъ Стефанъ Воинъ-аѣевичъ, что я тебѣ, живучи на Москвѣ, стужалъ и много тебѣ жестоко и противно говорилъ“¹⁴⁾. Принципіальная рознь между Стефаномъ и его провинціальными друзьями необходимо должна была обнаружиться въ Москвѣ при ихъ ближайшемъ взаимномъ знакомствѣ, когда они ближе взошлись въ воззрѣнія другъ друга. Но до тѣхъ поръ, пока новыя московскія вѣянія не сформировались окончательно и не нашли себѣ опредѣленнаго выраженія въ церковной реформѣ Никона, провинціальныя ревнители еще держались Стефана и Никона, хотя и тогда уже, какъ мы видѣли, дозволяли себѣ жестоко и противно говорить Стефану. Какъ же скоро Никонъ

¹⁴⁾ Матер. для истор. раск. 1, 77. И съ Никономъ у Неронова, еще до патриаршества перваго, уже были неладн. На это намекаетъ самъ Нероновъ, когда въ письмѣ своемъ къ царю изъ Спасо-каменнаго монастыря отъ 27 февр. 1654 г. говоритъ: «по приказу епска, священнопротопопа Стефана Воинъ-аѣевича, мною покореніе и любовь показывалъ азъ къ Никону патриарху, еще же онъ былъ въ архимандритѣхъ и въ митрополитѣхъ и живыхъ словъ ему, господину, не говорилъ, но все по истиннѣ истинну, моля его, да не слушаетъ клеветниковъ» (ibid. 1, 67—68).

вступилъ на патріаршій престолъ и энергично сталъ предлагать дѣло церковнаго исправленія, начатаго его предшественникомъ, а Стефанъ рѣшительно сталъ въ этомъ дѣлѣ на сторону Никона, ревнители провинціалы отстранились отъ Стефана, перестали слушать его совѣтовъ и пошли своимъ собственнымъ путемъ. Въ пылѣхъ Стефана сдержатъ пылъ и заносчивость своихъ друзей, образумить ихъ на счетъ происходящаго въ Москвѣ, примирить ихъ съ новыми московскими вѣдѣніями, вызванными новыми настоятельными запросами жизни, оказываются совершенно напрасными. Они уже не слушаютъ болѣе своего патрона, укоряютъ его въ слабости и податливости и, не разрывая личныхъ связей съ нимъ, образовываютъ свой собственный кружокъ изъ единомышленниковъ съ ними лицъ и, дѣйствуя уже исключительно на свой собственный страхъ и вопреки всѣмъ настойчивымъ совѣтамъ Стефана, они выступаютъ яркими противниками церковныхъ исправленій Никона и производятъ въ русской церкви расколъ.

Въ чемъ же теперь заключаются особенности въ воззрѣніяхъ этихъ провинціальныхъ ревнителей, которые заставили ихъ сначала отдѣлиться отъ Стефана, а потомъ выступить яркими противниками церковной реформы Никона, и наконецъ противниками цѣлой вселенской церкви?

Кружокъ провинціальныхъ ревнителей благочестія признавалъ недостатки современной церковной жизни и долгъ пастырей энергично бороться съ ними, но съ то же время, во взглядѣ на русскую церковь вообще и на отношеніе ея къ другимъ православнымъ церквамъ, онъ стоялъ на почвѣ тѣхъ исторически сложившихся воззрѣній, которыя были высказаны нашими книжниками еще въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣка, и по которымъ русской церкви отводилось первое мѣсто въ ряду другихъ православныхъ церквей, которыми Русь признавалась единственною хранительницею и опорой чистаго, ни въ чемъ не поврежденнаго православія, уже нѣсколько замутившагося у самихъ грековъ. Москва — это третій Римъ, заступившій мѣсто новаго Рима — Константинополя, въ дѣлѣ православія русскіе заняли мѣсто прежнихъ грековъ, такъ какъ только у однихъ русскихъ сохранилась теперь правая и въ чемъ неизмѣнная вѣра, только на одной Руси, сравнительно со всѣми другими странами, „боль-

шее есть православіе и высшее христіанство“, только одна русская держава цвѣтеть теперь „современнымъ благочестіемъ, какъ свѣтъ солнечный“; тогда какъ у самихъ грековъ „вѣра православная испроказия Махметовою прелестію отъ безбожныхъ турокъ“, вслѣдствіе чего она стала у нихъ ниже и несовершеннѣе во всемъ совершенной вѣры русской. На почвѣ этихъ именно возрѣшій, высказанныхъ еще въ началѣ XVI вѣка по преимуществу старцемъ Елеазарова монастыря Филоосемъ, и стояли провинціальныя ревнители²⁴⁾. Правда, ревнители допускали, что въ русской церковной жизни есть свои недостатки и по-

²⁴⁾ Старецъ Елеазарова монастыря Филоосей, въ посланіи къ великому князю говорить: «иже отъ вышняя и всемоушны, вся содержащая десница Божія, имъ же царіе царствуютъ и имъ же величій величаются и силіи пишуть правду, — тебѣ пресвѣтлѣйшему и высокостолѣйшему государю и великому князю православному христіанскому царю и владнцѣ всѣхъ, браздодержателю святыхъ Божіихъ престолѣ святыхъ вселенскія и апостольскія церкви пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго ея усненія, *иже вместо римскія и константинопольскія просіаишу*. Старога убо Рима церкви надеса невѣріемъ аполлиаріевы ереси; второго же Рима Константинова града церкви агаріеи внуци сѣкирами и оскорди разсѣюша двери. Сія же нинѣ *третьяго новаго Рима* державнаго твоего царствія святая соборная апостольская церковь, иже въ концѣхъ вселенныя въ православнѣй христіанской вѣрѣ, во всей поднебеснѣй наче солнца свѣтитсѣ. И да вѣсть твоя держава, благочестивый царю, яко вся царства православныя христіанскія вѣры снидошасѣ въ твое едино царство, единъ ты во всей поднебеснѣй христіаномъ царь... Не преступай, царю, заповѣди, еже положиша твои праотцы великій Константинъ и блаженный Владимиръ «великій Богомзбранный Ярославъ и прочіи блаженнии святїи, ихъ же корени и до тебе... Блюди и внемли, благочестивый царю, яко вся христіанская царства снидошасѣ въ твое едино, *яко два Рима падоша, а третій стоимъ, а четвертому не быти*: уже твое христіанское царство нинѣ не останется, по великому Богослову». (Прав. Соб. 1863 г. кн. 1. То же самое Филоосей замышляетъ и въ посланіи къ дьяку Мисюрю — тамъ же 1861 г. кн. 2). На почвѣ этихъ Филоосевскихъ возрѣшій о призваніи Рима и ея значеніи въ ряду другихъ христіанскихъ царствъ и стояли ревнители благочестія, которые, выступивъ потомъ противниками церковной реформы Николая, повторяють сѣ своихъ сочиненіяхъ, слова старца Филоосея. Аввакумъ говорить: «мерзость запустѣнія, не преходящо священство и прелесть антихриста на святомъ мѣстѣ поставится, сирѣчь на олтаріи неправославная служба, еже видимъ нинѣ обихишесѣ. *Нинго же отступленія уже нинѣ не будутъ: вездѣ бо бысть, послѣдняя Русь здѣ*». (Матер. для исторіи раскола Н. Субботина, т. V, 227). Никита говорить: «иждоже тебѣ, великому государю, яко великій Римъ надеса аполлиаріевою ерсію, второй же Римъ, еже есть Константинополь, агарянскими внуци отъ безбожныхъ турокъ обладаемъ: твоежъ государево, великое російское

гръбности, но эти недостатки и погрѣшности заключаются не въ самыхъ церковныхъ обрядахъ и чинахъ, а только въ неправильномъ, или небрежномъ выполненіи ихъ пастырянъ церкви, которые дѣйствительно и нуждаются въ наученіи, или исправленіи. Сама же русская церковь, по мнѣнію ревнителей, до самыхъ послѣднихъ обрядовыхъ мелочей всегда оставалась и остается вѣрною во всемъ истинному православію, никогда ни въ чемъ не измѣняла ему, ни въ чемъ, даже въ самомъ незначительномъ обрядѣ, ничего не потеряла изъ него, такъ какъ на Руси всегда твердо и неизмѣнно держались той мысли, что „не точію въ вѣрѣ, но ни въ малѣйшей частицѣ канонѣ и пѣсней, что ни у ка-

рство, *третій Римъ*, и отсюду все христіанское благочестіе въ него едино собрался, и отъ тебѣ благочестиваго царя превеликій Государь господствующихъ и царь царствующихъ Христосъ Богъ нашъ своей таланти съ прикупомъ всемлетъ». Лазарь, обращаясь къ государю, говоритъ: «греческое царство мною уже иде іедино твое стоитъ никому роду не останется» (Ibid. IV, 158—159, 252, 258). Дьяконъ Федоръ говоритъ: «воя царство, государь, въ конецъ стояшася, свирѣчь въ твое богохранимое государство; здѣсь истинная православная христіанская вѣра». Въ другомъ мѣстѣ онъ же говоритъ: «мерзость запустѣнія неправедное священство и прелестъ антихристовъ на святомъ мѣстѣ, воставится, свирѣчь на олтари неправославная служба, еме и видимъ нигдѣ сбѣжшася. Иного уже отступленія нигдѣ не будетъ: вездѣ бо бысть; послѣднее Русьхѣ» (ibid. VI, 85, 66). Одошедекіе челобитники заявляютъ: «единъ на всей вселеннѣй младика и блюститель непорочныя вѣры христіанскія, самодержавный великій государь царь благочестіемъ всѣхъ превзыдетъ, и все благочестіе въ твое государство едино царство собралася, и третій Римъ, благочестія ради, твое государство московское царство именоваша». Ibid. III, 247). Инокъ Сергій пишетъ: «ветхій Римъ надеся аполинаріевою ересію, вторнй Римъ, уже есть Константинополь, агаринскіи винуды отъ безбожннхъ турокъ обладаемъ, великоежъ російское царство, третій Римъ, благочестіемъ всѣхъ превзыде и все благочестіе въ него воедино собралъ, и единъ російскій подъ небесемъ христіанскій царь именуется во всей вселеннѣй» (ibid. IV, 158—159, 309). Инокъ Авраамій пишетъ: «наша убо святая вселенская апостольская церковь небесоподобная, вмѣсто римской и константинопольской, богоспасаемаго царствующаго града московскѣй державы, всесвѣткой Россіи, иже по всей вселеннѣй, паче солнца свѣтитъ и благочестивою вѣрою сіять, яко вся христіанская царства преидоша въ конецъ и снисдошася воедино царство нашего государя: по пророческимъ бо книгамъ, то-есть ромейское царство, два убо Рима падоша, а третій стоитъ, а четвертому небыть... Пишетъ бо и свѣтій Онуфрей; Елизарьева монастыря, яко греческое царство разорися, и не созиждется. Снъ вся случашася грѣхъ ради нашихъ, понеже они предаша греческую вѣру въ латинство, ослѣденія гордостію буйства своего, еретическимъ ученіемъ посядаемае; вѣру святую изложнша» (ibid. VII, 86—87).

кого слова, ни у какой рѣчи не убавить, не прибавить ни единого слова не должно“, „что православнымъ нужно умирать за едину букву азъ“. Если же русская церковь въ нѣкоторыхъ своихъ церковныхъ чинахъ и обрядахъ и порѣзилась съ современною греческою церковію, то это потому, что позднѣйшіе греки не остались во всемъ вѣрны православію, но кое-что утерли изъ него, допустивъ у себя разныя новшества, вследствие чего у современныхъ грековъ самое православіе сдѣлалось „пестро“, а благочестія у нихъ „и слѣду нѣтъ“. Въ виду этого все церковное греческое, идущее на Русь, должно, по мнѣнію ревнителей, подвергаться самой строгой и тщательной провѣркѣ русскимъ, и только то, что найдетъ себѣ оправданіе въ русской церковной жизни и практикѣ, можетъ быть отъ грековъ принимаемо и русскою церковію; все же, что у грековъ несогласно съ русскимъ, должно быть безусловно отвергнуто, какъ чуждое православію, какъ привзошедшее въ греческую церковную жизнь въ позднѣйшее время подъ вліяніемъ иновѣрія и главнымъ образомъ латинства, ибо единственно вѣрный критерій для опредѣленія того, что истинно православно и что нѣтъ, теперь находится не у грековъ, а только у русскихъ. Поэтому вносить въ русскую церковную жизнь что-либо греческое, несогласное съ русскимъ, исправлять русскіе церковные чины и обряды по образцу современныхъ греческихъ, значило, по мнѣнію ревнителей, завѣдомо развращать чистое, ничѣмъ и никогда не оскверненное русское православіе, значило вносить въ него латинскія ереси.

Точно такъ же ревнители благочестія признавали, что въ русскихъ церковныхъ книгахъ находятся нѣкоторыя ошибки и погрѣшности, внесенныя въ нихъ невѣжественными и небрежными переписчиками, и что съ этой стороны русскія книги дѣйствительно нуждаются въ исправленіи. Но они рѣшительно не допускали той мысли, чтобы русскія церковныя книги были очень испорчены и притомъ настолько, что заключали въ себѣ чуть не ереси, чтобы ихъ слѣдовало исправлять или вновь переводить по греческимъ печатнымъ книгамъ. Если ревнители и признавали греческія книги, то только древнія рукописныя, а не новыя печатныя, которыя печатались въ иновѣрныхъ земляхъ и въ которыхъ, какъ это признавали и сами греки, латиняне и люте-

ране вносили свои ереси²⁷⁾. Въ виду этого русскимъ никакъ не слѣдуетъ приниматъ греческихъ книгъ и во всякомъ случаѣ для опредѣленія достоинства и пригодности греческихъ книгъ, ихъ необходимо провѣрять имѣющимися у русскихъ славянскими переводами, и все, несогласное съ ними въ греческихъ книгахъ, рѣшительно отбрасывать, какъ неправославное, внесенное въ нихъ еретиками. Греческія книги потому именно и порознились съ русскими, что онѣ подверглись у грековъ искаженіямъ со стороны еретиковъ, вслѣдствіе чего исправлять русскія книги по греческимъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онѣ съ ними не сходятся, значило, очевидно, только портить русскія книги, вносить въ нихъ тѣ именно ереси, которыя уже успѣли внести еретики въ книги греческія.

Наконецъ ревнители крайне подозрительно и недоброжелательно относились къ ученымъ выходцамъ: грекамъ и киевлянамъ, и никакъ не желали допускать ихъ до какого-либо участія въ на-

²⁷⁾ Въ этомъ отношеніи особенно важно заявленіе палеопатрасскаго митрополита Теофана, который будучи въ Москвѣ, писалъ въ челобитной государю: «буди вѣдомо, православный царю, что веліе есть нынѣ безсиліе во всемъ родѣ православныхъ христіанъ и боренія отъ еретиковъ, потому что *имѣють папезежъ и лютори греческую печать, и печатають повсядневно богословныя книги святыхъ отецъ, и въ тѣхъ книгахъ вмѣщаютъ лютое зело — поганую свою ересь...* И то чинитца, державный царю, для того, что турки не позволяютъ намъ печатать книги въ Царѣ-градѣ, понеже и нѣмцы, которые пребываютъ въ Царѣ-градѣ, мѣшаютъ отъ зависти своей и осиливаютъ они своею мздою... Сердцевѣдецъ есть Господь свидѣтель, что веліе веселіе и радость воспріяла душа моя, что Богъ сподобилъ меня и видѣлъ такова православнаго царя и благочестіе веліе и *вспомянулъ смуты, что имѣють христіане отъ еретиковъ и смущаются мнози въ умахъ, прочитавши тѣхъ составленыхъ книгъ и надвѣютца, что такое есть составленіе святыхъ отецъ и падаютъ въ прелесть ихъ и похибають.* Въ виду этого Теофанъ проситъ царя: «да повелиши быть греческой печати (въ Москвѣ) и пріѣхать греческому учителю учить русскихъ людей философіи и богословія греческаго языка и по русскому, тогда будутъ переводить многіе книги греческіе на русскій языкъ, которые не переведены и будетъ великое надобѣ на обѣ стороны и великая доброта, да и *грекы освободятся отъ лукавства еретиковъ... сдѣся исполнятся древніе книги, будутъ ихъ печатать и переводить на русскій языкъ прямо, подлинно и благочестиво...* (Эта любопытная челобитная палеопатрасскаго митрополита Теофана напечатана нами въ полномъ видѣ въ статьѣ: Слѣдственное дѣло объ Арсеніѣ грекѣ и ссылка его въ Соловецкій монастырь. «Чт. Общ. Любителей Духовн. Просв.» 1881 г. июль).

иныхъ церковныхъ дѣлахъ. Нероновъ, въ одной своей челобитной государю, взываетъ, „и пани молимъ ты, государя, иностранныхъ иноковъ, кромѣ Богомъ избранныхъ истинѣ неразвратниковъ, копѣхъ истинѣ и благочестію ругателей, и ересемъ вводителѣй, въ совѣтъ пріяти не буди, дондеже, государь, искусными мужи искусили истинѣ ихъ“. Ревнители хорошо знали, что между учеными греками и кіевлянами не мало находилось и такихъ, которые, получивъ образованіе въ западныхъ, по преимуществу въ латинскихъ школахъ, заразились тамъ латинскими мнѣніями и становились открытыми или тайными приверженцами латинства; поэтому они постоянно опасались, какъ бы и на Русь не проникли эти иностранные иноки „истинѣ и благочестію ругатели и ересей вводители“. Простое благоразуміе, казалось имъ, требуетъ отъ правительства, чтобы оно зорко слѣдило за всѣмъ оставшимся въ Москвѣ ученымъ грекомъ и кіевляниномъ, и ни подъ какимъ видомъ не допускало бы его до участія въ русскихъ церковныхъ дѣлахъ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока объ нихъ не получится полной увѣренности, что они и по убѣжденіямъ, и по жизни дѣйствительно люди строго православные. Такое осторожное отношеніе къ ученымъ выходцамъ, грекамъ и кіевлянамъ, тѣмъ болѣе необходимо, что самая жизнь большинства выходцевъ казалась русскимъ во всѣхъ отношеніяхъ очень подозрительною, такъ какъ она не укладывалась въ тѣ рамки благочестивой жизни, какія вѣками выработаны были для нея на Руси ²⁹⁾. „Зримъ бо въ нихъ (въ выходцахъ), государь, пишетъ царю Нероновъ, ни едину отъ добродѣтелей: христова бо смиренія не имутъ, но сатанинскую гордость и вмѣсто поста многоиденіе и пїянство любятъ, вмѣсто же, еже Христа, истаяти тѣло, мягкость и буйство любятъ, крестнаго же знаменія на лица истинное изобразити не хотятъ, и сложенію переть бласловїи противяся, яко врази истинѣ и ругатели, на колѣнкахъ же поклонитися Господеви отъ покоя ради не хотятъ, и гл҃у ешиваючи самосмышленїемъ, разумъ божественнаго писанія лукаво скрываючи оноевольнѣ блудутъ на прелесть безумнымъ человекомъ ³⁰⁾“.

²⁹⁾ О выходцахъ на Русь съ востока, объ ихъ жизни въ Москвѣ, о впечатлѣніи, какое они произвели на русскихъ см. нашу книгу: *Характеръ отношеній Россїи къ православному востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ*, глава IV.

³⁰⁾ Матер. для ист. раск. 1, 67.

Такимъ образомъ провинціальныя ревнители вопреки своимъ московскимъ друзьямъ Стефану, Никону и Ртищеву, смотрѣли на русскія церковныя книги, чины и обряды, какъ на заветную и неприкосновенную святыню, которую всячески слѣдуетъ беречь и хранить въ ея неизмѣнномъ видѣ, такъ какъ всякая перемѣна въ нихъ была бы претѣненіемъ самой вѣры, искаженіемъ чистаго, ничѣмъ не затемненнаго доселѣ русскаго православія и вела къ гибели православія въ цѣломъ мірѣ (ибо четвертому Риму не быть), къ несомнѣнному уничтоженію самаго московскаго царства. Поэтому ревнители были принципиальными противниками всякихъ перемѣнъ и существенныхъ исправленій въ нашихъ церковныхъ книгахъ, чинахъ и обрядахъ, были рѣшительными противниками и ученыхъ грековъ и кіевлянъ, такъ какъ въ общеніи съ ними, въ готовности правительства оцѣновать ихъ совѣтамъ и указаніямъ въ дѣлахъ церковныхъ, видѣли угрозу, серьезную опасность чистотѣ русскаго православія. Если же ревнители и стремились произвести нѣкоторыя улучшения въ религіозно-нравственной жизни общества, уничтожить нѣкоторые церковные безпорядки и злоупотребленія, съ цѣлю возвести русскую церковную и религіозно-нравственную жизнь на ту высоту, которая бы соотвѣтствовала представленію о русской церкви, какъ о единой теперь хранительницѣ чистаго, ни въ чемъ не поврежденнаго православія, о русскомъ государствѣ, какъ о единомъ теперь православномъ царствѣ въ цѣломъ мірѣ; то они хотѣли достигнуть этой цѣли исключительно только русскими силами, не сходя съ русской почвы, опираясь исключительно на русскую и освященную вѣками заветную старину, не измѣняя тѣмъ принципамъ и традиціямъ, которыми доселѣ оцѣновалась русская жизнь. Они вовсе не допускали мысли, чтобы русская жизнь нуждалась въ обновленіи, въ коренномъ переустройствѣ, въ оживленіи и проиновеніи ея новыми началами, въ введеніи въ нее новыхъ культурныхъ элементовъ, вслѣдствіе полной несостоятельности и дѣйствительной непригодности старыхъ.

Такъ случилось, что въ то самое время, когда, при патриархѣ Іосифѣ, въ высшихъ и передовыхъ кругахъ правительственной Москвы уже совершился тотъ великій переломъ въ духовной жизни, вслѣдствіе котораго прежнія основы и устои русской жизни стали признаваться нѣкоторыми несостоятельными и не-

пригодными болѣе, когда съ особою силою проявилось у насъ стремленіе съ помощію тѣснаго сближенія съ образованными кіевлянами и греками, внести въ нашу духовную жизнь новые культурные элементы, построить ее на новыхъ началахъ, отчасти прямо враждебныхъ традиціямъ и воззрѣніямъ старой Руси; въ это самое время старая Русь, со всѣмъ строемъ старыхъ понятій, съ старыми идеалами и цѣлями, въ лицѣ Неронова, Аввакума и др. является въ Москву, занимаетъ здѣсь видное положеніе, становится, благодаря счастливымъ обстоятельствамъ, крупною вліятельною силою и заявляетъ притязанія руководить и направлять всю нашу общественную и особенно церковную жизнь. При такихъ обстоятельствахъ вполне естественно было, что старое и новое направленіе въ русской жизни враждебно столкнулись въ Москвѣ, и между ними произошла ожесточенная борьба за право дальнѣйшаго существованія.

Кружокъ ревнителей (до его раздѣленія по вступленіи Никона на патріаршій престолъ) находился въ довольно благопріятныхъ условіяхъ для выполненія своихъ плановъ относительно русской церкви и общества. Во главѣ его стоялъ сильный и вліятельный царскій духовникъ, пользовавшійся полнымъ расположеніемъ молодого благочестиваго царя и всей царской семьи, имѣвшій обширныя и сильныя связи съ придворной аристократіей. Члены кружка, руководимые Стефаномъ Вонифатьевымъ, выделялись изъ массы зауряднаго духовенства выдающимися личными качествами, книжностію, учительностію, ревностію и энергіею въ служеніи своему дѣлу. Благодаря сочувствію и поддержкѣ царя и лицъ, его окружающихъ, кружокъ мало-по-малу дѣлается крупною, видною силою, начинаетъ оказывать замѣтное вліяніе и давленіе на ходъ всѣхъ церковныхъ дѣлъ. Среди его обсуждались и рѣшались разные церковные вопросы, изыскивались мѣры къ исправленію церковной и общественной жизни, и выработанныя имъ рѣшенія благодаря царю приводились въ исполненіе, становились обязательными, закономъ для всѣхъ. Даже такіе дѣла, какъ назначенія митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ, архимандритовъ и протопоповъ предварительно обсуждались членами кружка, ибо царь, отъ котораго собственно зависѣли назначенія, дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ по совѣту и указаніямъ своего духовника, а тотъ съ своей стороны, отдавалъ

эти вопросы на обсужденіе въ средѣ кружка ⁴⁰⁾. Водѣдствіе этого руководство всею церковною жизнью стало переходить въ руки кружка ревнителей благочестія, которые фактически дѣлались управителями всей русской церкви. Понятно, что патріархъ и и всѣ власти, которымъ по праву принадлежала инициатива во всѣхъ церковныхъ дѣлахъ, отъ которыхъ собственно должны были исходить всѣ церковныя мѣропріятія и постановленія, оказались стоящими въ сторонѣ,—инициатива въ церковныхъ дѣлахъ стала ускользать изъ рукъ властей и переходить къ ревнителямъ, которые дѣлаются все смѣлѣе, энергичнѣе и требовательнѣе. Властямъ приходилось теперь одобрять и вводить въ церковную практику то, что вырабатывалось въ средѣ кружка, что придумывали вліятельные у царя и при дворѣ ревнители, гордые своимъ вліяніемъ и силою. Понятно, какъ непріятно должны были чувствовать себя власти, у которыхъ власть осязательно начинала ускользать изъ рукъ и относительно которыхъ ревнители, состоявшіе по преимуществу изъ благаго духовенства, часто не скупились на рѣзкія обличенія ⁴¹⁾. Но особенно сильно должны

⁴⁰⁾ Нероновъ говоритъ, обличая въ послѣдствіи Никона: «а которые боголюбцы посланы государемъ блаженные памяти къ Іосифу патріарху, чтобъ ему поставить, по его государеву совѣту, новыхъ митрополиты, и во архіепископы, и епископы, иныхъ во архимандриты и игумены и протопопы, а ты (Никонъ) съ государевымъ духовникомъ съ протопопомъ Стефаномъ тогда былъ въ совѣтѣхъ, и не прикословилъ ни гдѣ, а на поставленіи ихъ не говорилъ: неаксіосъ, сирѣчь недостойнъ» (ibid. I, 47).

⁴¹⁾ Біографъ Неронова говоритъ про него: «съ велиемъ бо дерзновеніемъ обличае всѣхъ, еликихъ видяше небогоугодная дѣлающихъ, а наименѣе властей духовныхъ, въ своемъ званіи не пребывающихъ.» Патріархъ Іоасафъ говорилъ въ послѣдствіи Григорію: «Григоріе! престани прои нѣти со архіереями. Григорій же отвѣщавъ рече: владыко святы! аще и смерть пріяти, готовъ есмь правды ради,—не стыжуся глаголати предъ цари и владыки». (Матер. для ист. раск. т. I, стр. 282, 295). Лазарь пишетъ государю: «а нынѣшніи пастыри пригодны ли люди? И лучший ихъ пошъ былъ. А по правиламъ святыхъ отецъ въ мірѣ бывъшъ пошъ, ктому не бистъ пошомъ, нетоимо архіереомъ. А и пошъ есть власть, въ пошъ ево турчезинъ ставилъ: и тотъ турскій поставленникъ можетъ ли быти и пошъ? И таковыхъ власти межъ собою невидятъ: какъ, како таковыи пастыри могутъ добри быти? Чрезъ правила святыхъ отецъ чинъ на себя восхищаютъ! не дверьми входятъ во святую церковь, но дирою влзятъ, яко татіе». (ibid. IV, 262). Дьяконъ Федоръ говоритъ: «а они (русскіе современные ему архіереи) вси мирсіи пошъ бывше, кромѣ малыхъ; и каковы сами преступники отеческихъ преданій и

былъ чувствовать это и сознавать самъ патріархъ, педъ бокомъ и на глазахъ котораго родилась и выросла эта враждебная ему сила, прозившая, чего не могъ не видѣть Іосифъ, уничтожить все то доброе и лучшее, что было сдѣлано и что еще дѣлалось во время его патріаршества въ видахъ возвысить умственно-религіозную жизнь русскихъ, опираясь на южно-русскую литературу, на образованныхъ кіевлянъ и грековъ, на перенесеніе съ помощью послѣднихъ науки и образованія въ Москву, благодаря учрежденію здѣсь правильно устроенной школы. Все болѣе старѣвшій и терявшій значеніе патріархъ не былъ въ состояніи ни повліять на кружокъ, ни подчинить его себѣ, ни остановить его дѣятельность, а въ то же время не хотѣлъ и подчиняться водительству враждебныхъ ему ревнителей, о которыхъ онъ былъ очень не высокаго мнѣнія: „возстали, говорилъ онъ, лицемѣры, имущіи образъ благочестія, силы же его отвергшіися“. По обычаю людей слабыхъ и безхарактерныхъ Іосифъ для противодѣйствія кружку ревнителей прибѣгнулъ къ послѣднему и въ то время рѣдко удающемуся средству: онъ старался, на сколько это было ему возможно, тормозить и задерживать все, что исходило изъ кружка, хотя бы это было вполнѣ законное и полезное. Такъ, напримѣръ, онъ поступилъ въ дѣлѣ введенія кружкомъ единогласнаго пѣнія и чтенія въ церквахъ.

Вопросъ о единогласіи уже давно былъ рѣшенъ голосомъ всей русской церкви на стоглавомъ соборѣ въ смыслѣ рѣшительнаго осужденія многогласія. Кружокъ ревнителей, вообще относившійся къ постановленіямъ стоглаваго собора съ особеннымъ уваженіемъ и почтеніемъ, рѣшился ввести въ церквахъ, которыми завѣдывали ревнители (сначала у Стефана и Ртищева, а потомъ и у Неронова въ Казанскомъ соборѣ) единогласное пѣніе и чтеніе, причемъ, кажется, вовсе не позаботились испросить на это особаго разрѣшенія у патріарха. Въ этомъ Іосифъ

законовъ, таковыхъ же и въ причетъ поставляюще, не искусныхъ писанію простяковъ, воровъ же и піяницъ, и гнусное житіе отъ юности проходящихъ многихъ и пр.» И въ другомъ мѣстѣ онъ же пишетъ: «злыя архіереи поставляются славы ради, и чести и богатства міра сего, и гордостью надуваются, и святительскою властью величаются, и преобразуются въ апостолы христовы. И то не диво есть братіе! И самъ сатана преобразуется въ ангела свѣтла, ему же они послѣдуютъ своими дѣлеса злыми». (Ibid. VI, 68 и 260)

увидѣлъ посягательство со стороны ревнителей на свои патріаршія права, и рѣшительно выступилъ въ вопросѣ о единогласіи противъ ревнителей, по выраженію Шушерина, „за обыкновенность тому доброму дѣлу прикословіе творяше“. Прекословіе Іосифа и тому доброму дѣлу „вытекало конечно не изъ противодѣйствія самому дѣлу ⁴²⁾, а изъ нежеланія его подчиниться водительству кружка, поступиться въ его пользу своими правами—Іосифъ видѣлъ въ ревнителяхъ людей самовольныхъ, не считающихъ нужнымъ испрашивать разрѣшенія у патріарха даже по чисто-церковнымъ вопросамъ. Не желая подчиниться настояніямъ кружка Іосифъ рѣшился передать вопросъ о единогласіи (вмѣстѣ съ тремя другими) на усмотрѣніе константинопольскаго патріарха, чтобы ввести потомъ единогласіе не въ силу требованій кружка, а ради рѣшенія этого вопроса въ положительномъ смыслѣ константинопольскимъ патріархомъ. Это очевидное нежеланіе Іосифа исполнять даже воплѣть законныя и справедливыя требованія кружка, это его стремленіе, въ видахъ противодѣйствія кружку притязательныхъ и властныхъ ревнителей, выдвинуть въ домашнихъ такъ-сказать дѣлахъ русской церкви авторитетъ константинопольскаго патріарха и его голосъ поставить выше голоса цѣлаго собора русскихъ іерарховъ, должно было сильно раздражить кружокъ, многіе члены котораго никакъ не хотѣли допускать грековъ до участія въ русскихъ церковныхъ дѣлахъ, а тѣмъ болѣе руководиться ихъ совѣтами и указаніями. Въ виду этого враждебнаго отношенія между кружкомъ и патріархомъ становились почти неизбежны, тѣмъ болѣе, что ревнители не стѣснялись высказывать по адресу патріарха рѣзкія обвиненія и укоры за его нерадѣніе о церкви и паствѣ. Это торжественно подтверждаетъ самъ патріархъ Іосифъ, который въ своемъ соборномъ уложеніи 1651 г. о единогласіи, говоритъ: „азъ слышахъ, яко мнози на мя износятъ укоры, раняще насъ,

⁴²⁾ Это видно изъ того, что еще въ 1648 году патріархъ Іосифъ писалъ въ Саввинъ монастырь обязательную грамоту, въ которой между прочимъ говорятъ: „архимандриты и игумены и нопы черныи и строители и старцы о церковномъ извѣстїи и благочинїи не радѣють и древнихъ богоносныхъ отецъ преданїе и уставъ не хранять, въ церквахъ Божїихъ ноутъ по спору не *единогласно со всякимъ безстрашїемъ*“. Ивановъ—Описаніе госуд. архива старыхъ дѣлъ стр. 302, А. Э. IV, № 325.

ихъ же отвѣтъ готовъ имуще на судищи Христовѣ устремился умолчать, еще и сотворихъ. Третіе бо се лѣто есть біему рѣсвѣдникъ терпя клеветныя раны, доводенъ сый, яко имамъ послуха Господа, тайнамъ совѣтника; едма же видялъ мнози молчаніе наше на извѣстіе клеветниковъ вѣрують, а не задолго-терпѣніе мѣша наше молчаніе, по занеже немѣхомъ ли силы разверзти уста ко истинѣ⁴³⁾. Разъ вражда между патріархомъ и ревнителями дошла даже до открытаго соблазнительнаго столкновенія между главою кружка Стефаномъ Вонифатьевичемъ, самимъ патріархомъ Іосифомъ и властями, которые держали сторону патріарха. Это видно изъ челобитной патріарха Іосифа отъ 11 февраля 1649 года къ государю, въ которой онъ, отъ своего лица и отъ лица всего освященнаго собора, жалуется на Стефана въ томъ, что тотъ говорилъ государю „будто въ московскомъ государствѣ нѣтъ церкви Божіи, а меня богомольца твоего называлъ волкомъ, а не пастыремъ, такожъ называлъ и насъ, богомольцовъ твоихъ митрополитовъ, архіепископовъ, и епископа, и весь освященный соборъ бранными словами и словами и губителями, и тѣмъ насъ, богомольцовъ твоихъ, меня патріарха и насъ богомольцовъ твоихъ — освященный соборъ, бранилъ и безчестилъ“. Затѣмъ патріархъ заявляетъ: въ удолженной книгѣ писано: кто изречетъ на соборную и апостольскую церковь какіе хульные словеса, да смертію умереть, а онъ Стефанъ, не только что на соборную и апостольскую церковь хулу принесть, и на всѣ Божіи церкви, и насъ, богомольцовъ твоихъ, обезчестилъ“. Въ виду этого патріархъ проситъ царя созвать соборъ для суда надъ Стефаномъ⁴⁴⁾. Но эта челобитная патріарха на Стефана Вонифатьевича не имѣла никакихъ послѣдствій, ему допрежнему приходилось выслушивать рѣзанія и обидныя для него и всѣхъ властей обличенія и укорины ревнителей, приходилось проводить въ церковную жизнь такія постановленія, которыя вырабатывались въ средѣ враждебнаго и неинтереснаго

⁴³⁾ Дѣло патріарха Никона, Гиббенета, т. II, стр. 471.

⁴⁴⁾ Это очень важная и любопытная челобитная патріарха Іосифа къ всего освященнаго собора на благовѣщенскаго протопопа Стефана Вонифатьева, писанная на двухъ неподлеженныхъ столбахъ, найдена нами между неразобранными бумагами главнаго Московскаго архіва министерства иностранныхъ дѣлъ и печатается въ приложеніи.

ему кружка. Наконецъ патріархъ Іосифъ, кажется, потерялъ всякое значеніе и вліяніе въ дѣлахъ церковныхъ, онъ самъ считалъ свое положеніе очень шаткимъ и постоянно опасался, что царь низведетъ его съ патріаршества и поставитъ на его мѣсто другаго избранника, угодника и креатуру кружка ревнителей. По словамъ самого царя Іосифъ, въ послѣднее время, постоянно говорилъ своимъ приближеннымъ: „перемѣнить меня, скинуть меня хотятъ, а буде и не отставятъ, я и самъ за соромъ объ отставкѣ стану бить челомъ“. Такъ дѣло шло вплоть до самой смерти Іосифа.

Обзоръ важнѣйшихъ событій времени патріаршества Іосифа приводитъ насъ къ слѣдующимъ положеніямъ:

Тѣ важныя учительныя и общеобразовательныя книги, которыя издаются у насъ въ первый разъ при патріархѣ Іосифѣ, каковы: Кириллова книга, книга о Вѣрѣ, малый Катихизисъ, славянская грамматика (Смотрицкаго), были, какъ мы видѣли, южно-русскаго происхожденія, представляютъ изъ себя, за самыми ничтожными исключеніями, только простую перепечатку сочиненій южно-русскихъ авторовъ. Этотъ фактъ служитъ яркимъ и вѣскимъ доказательствомъ того, что въ передовомъ московскомъ обществѣ, стоявшемъ около патріарха Іосифа, явилось сознаніе несостоятельности и дальнѣйшей непригодности старой московской учености, сознаніе необходимости отъ старыхъ московскихъ сборниковъ и ихъ содержимаго, перейти къ усиленнымъ заимствованіямъ изъ ученой кievской литературы, такъ какъ старая московская книжность уже не могла болѣе удовлетворять народившимся новымъ потребностямъ и запросамъ жизни. То же самое сознаніе недостаточности стараго московскаго обученія по псалтыри, непригодности старой московской учености, приобретающейся только съ помощью односторонняго начетчества, проявилось при Іосифѣ въ дѣятельномъ стремленіи завести въ Москвѣ настоящую школу, въ которой бы подъ руководствомъ образованныхъ кievлянъ и грековъ русскіе могли получать правильное научное образованіе. Объ устройствѣ въ Москвѣ школы хлопочатъ и свѣтское правительство, и патріархъ Іосифъ, и частное лицо Ртищевъ. Ясно отсюда, что переломъ въ нашей духовной жизни, вызвавшій критическое отношеніе къ прошлому, сознаніе его несостоятельности и необходимости

реформы, начался еще при Иосифѣ, такъ что Никону приходилось идти тѣмъ именно путемъ, который уже былъ намѣченъ при его предшественникѣ.

Патріархъ Иосифъ, въ своихъ посланіяхъ къ датскому принцу Вольдемару, заявлялъ, что истинное православіе находится только у грековъ и русскихъ и у ихъ единовѣрцевъ, что русская церковь по дѣламъ вѣры всегда сносится съ четырьмя восточными патріархами. Въ напечатанныхъ при Иосифѣ книгахъ торжественно заявлялось и доказывалось, что греки вполне и во всемъ православны, что турецкое иго нисколько не повредило древняго греческаго благочестія, такъ что греки и доселѣ держатъ ненарушимо не только правую вѣру, но и древніе церковные чины и обряды. Но этого мало. Для рѣшенія нѣкоторыхъ возникшихъ у насъ церковныхъ вопросовъ патріархъ Иосифъ прямо обратился къ авторитету константинопольскаго патріарха, самими дѣлами показывая, что голосъ константинопольской церкви, въ случаѣ возникновенія у насъ разныхъ вопросовъ и недоумѣній, долженъ имѣть для русской церкви руководящее и прямо рѣшающее значеніе. Не трудно видѣть, что и съ этой стороны патріархъ Иосифъ былъ прямымъ предшественникомъ Никона, который, опираясь въ своей реформаторской дѣятельности главнымъ образомъ на авторитетъ греческой церкви, только продолжалъ идти по тому пути, на который уже рѣшительно вступилъ его предшественникъ патріархъ Иосифъ.

Книжные справщики времени патріарха Иосифа съ особенною силою и настойчивостію заявляли, что древніе славянскіе переводы церковныхъ книгъ очень неисправны, благодаря неискусству древнихъ переводчиковъ, невѣжеству и небрежности позднѣйшихъ переписчиковъ, такъ что на основаніи только славянскихъ переводовъ никакъ нельзя напечатать вполне исправныхъ церковныхъ книгъ. Чтобы достигнуть этой цѣли, необходимо, по мнѣнію Иосифовскихъ справщиковъ, обратиться къ греческому тексту и поручить нижнюю справу людямъ, научно образованнымъ, вполне основательно знающимъ языкъ греческій и славянский. При Иосифѣ действительно вызваны были въ Москву ученые киевляне для исправленія книгъ съ греческаго языка, между прочимъ для той же цѣли оставленъ былъ въ Москвѣ и ученый грекъ Арсеній и, что особенно важно, уже при Иосифѣ

въ Москвѣ начали исправлять нѣкоторыя церковныя книги съ греческихъ. Ясно отсюда, что и въ дѣлѣ книжныхъ исправленій патриархъ Іосифъ былъ прямымъ предшественникомъ Никона, который, и съ этой стороны, былъ только продолжателемъ того, основаніе чему было положено и что уже фактически было начато при его предшественникѣ.

При патриархѣ Іосифѣ, во вторую половину патриаршества, образовался въ Москвѣ кружокъ ревнителей благочестія, который указывалъ и обличалъ существующіе церковные безпорядки, господствующіе пороки и недостатки въ жизни народа и духовенства. Этотъ кружокъ ревнителей, по своимъ взглядамъ и убѣжденіямъ, оказался въ концѣ рѣшительно враждебнымъ тому новому направленію въ жизни, которое проявилось при Іосифѣ, вслѣдствіе чего уже при Іосифѣ началось столкновеніе старой и новой Руси, такъ что послѣдующая борьба Никона патриарха съ ревнителями изъ-за церковныхъ исправленій является только продолженіемъ предшествовавшей борьбы Іосифа съ тѣми же ревнителями.

Сопоставляя теперь все сказанное нами о времени патриаршества Іосифа необходимо придти къ тому заключенію, что обычныя ходячія у нѣкоторыхъ нашихъ историковъ и полемистовъ съ расколомъ представленія о патриаршествѣ Іосифа, какъ о времени господства у насъ крайняго невѣжества, какъ о времени усиленной порчи церковныхъ книгъ, времени полной церковной распущенности, прочнаго водверженія разныхъ церковныхъ безпорядковъ, когда всею церковною жизнью и книжными исправленіями заведывала кляка невѣжественныхъ протопоповъ, выражавшихся въ довѣріе очень слабаго и прастарѣлаго патриарха, оказываются не совсѣмъ вѣрными. Такое ошибочное представленіе о времени патриаршества Іосифа сложилось, намъ кажется, главнымъ образомъ, благодаря усиленному желанію, особенно нѣкоторыхъ нашихъ полемистовъ съ расколомъ, выставить время Іосифа и время Никона, какъ двѣ противоположности, причисляя на долю одного выходящи исключительно мрачныя краски, для яркости картины нарочно усиленные, на долю другого — исключительно свѣтлыя краски, которыя никакъ не допускали въ картинѣ присутствія какихъ-либо тѣней, а тѣмъ болѣе пятенъ. Въ действительности же оказывается, что патриархъ Іосифъ вовсе

не былъ противоположностію Никона, а его прямымъ предшественникомъ не только по времени, но и по всей своей дѣятельности, такъ что между временемъ Іосифа и Никона является тѣсная органическая связь; Никонъ въ своей дѣятельности только продолжалъ то, начало чему было положено при его предшественникѣ.

Но если ошибаются наши православные полемисты, когда они считаютъ патріарха Іосифа чуть не приверженцемъ старообрядства, то еще болѣе ошибочно думаютъ наши старообрядцы, когда они ссылаются на время Іосифа, какъ на золотое свое время, когда они заявляютъ свои сѣтованія только на Никона, который будтобы лично выдумалъ всю церковную реформу и произвелъ ее на свой страхъ. Справедливость требуетъ отъ старообрядцевъ перенести свои сѣтованія съ Никона на личность и время Іосифа, когда уже намѣчена и начата была та реформа, только энергичнымъ продолжателемъ которой въ сферѣ книжныхъ изправленій явился потомъ Никонъ. Это будетъ тѣмъ болѣе справедливо, что будущіе главари раскола уже ссорились и боролись съ патріархомъ Іосифомъ точно такъ же, какъ они продолжали потомъ ссориться и бороться съ Никономъ. Справедливость требуетъ признать и то, что если Никонъ патріархъ смѣялся говорилъ о ревнителяхъ: „знаю-су я пустосвятовъ тѣхъ“, то вѣдь и Іосифъ патріархъ объ нихъ же говорилъ: „возстали лицемѣры, имущіи образъ благочестія, силы же его отвергшіися“.

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ СТАТЬѢ О ПАТРІАРХѢ НИКОНѢ.

Въ дополненіе къ нашимъ статьямъ о „Патріархѣ Никонѣ“, мы рѣшились напечатать тѣ немногіе документы, на которые мы ссылались въ нашихъ статьяхъ, но которые нигдѣ еще не были доселѣ напечатаны *. Эти документы имѣютъ нѣкоторую научную важность, такъ что обнародованіе ихъ дѣло далеко не лишнее.

Первый документъ — челобитная патріарха Іосифа Государю на царскаго духовника Благовѣщенскаго протопопа Стефана Воинскаго, — важенъ потому, что совершенно измѣняетъ прежде существовавшій взглядъ на тѣ отношенія, какія будто бы были между патріархомъ Іосифомъ и протопопомъ Стефаномъ съ его друзьями: Нероновымъ, Аввакумомъ, Лазаремъ, Даніиломъ и др. Обыкновенно дѣло представляли такъ, что Стефанъ и его друзья были люди преданные Іосифу, пользовавшіеся его взаимнымъ расположеніемъ и довѣріемъ. Настоящій документъ показываетъ,

* Исключеніе составляетъ первый документъ, который совершенно для насъ неожиданно оказался напечатаннымъ въ ноябрьской книжкѣ «Братскаго Слова» за 1886 годъ. Кто доставилъ г. Субботину списокъ съ документа, подлинникъ котораго онъ самъ никогда не видалъ и о самомъ существованіи котораго онъ узналъ отъ насъ, онъ почему-то не говоритъ, а только глухо заявляетъ: «челобитная заимствована изъ столбцовъ (какихъ?), хранящихся въ «Архивѣ Министерства Иностраннхъ Дѣлъ (?)».

что въ дѣйствительности было далеко не такъ: Стефанъ враждовалъ съ Іосифомъ, публично называлъ его волкомъ, а не пастыремъ, архіереевъ называлъ губителями и волками, поносилъ бранными словами и весь освященный соборъ, такъ что патріархъ Іосифъ требовалъ отъ государя приложить къ поступку Стефана ту статью Уложенія, которая говоритъ: „кто изречетъ на соборную и апостольскую церковь какія хулыны словеса, да смертію умереть“. Въ виду этого смотрѣть на Стефана и его друзей, какъ на сторонниковъ, почитателей и приверженцевъ Іосифа, оказывается дѣломъ рѣшительно невозможнымъ.

Второй документъ — челобитная неизвѣстнаго къ патріарху Іосифу. Эта челобитная важна въ томъ отношеніи, что въ ярыхъ чертахъ рисуется предъ нами важнѣйшіе недостатки тогдашней церковной жизни, которыми крайне соблазнялись люди благочестивые, настаивавшіе на искорененіи этихъ безпорядковъ. Нашъ челобитчикъ указываетъ на слѣдующіе недостатки въ современной ему церковной жизни: а) пастыри церкви приступаютъ къ совершенію церковныхъ службъ, не справивши напередъ положеннаго начала и всячески стараются вопреки чинности и назидательности богослуженія окончить его возможно скорѣе, съ цѣлію привлечь къ себѣ скорою службою побольше лѣнливыхъ и нерадивыхъ прихожанъ. б) Въ церквахъ не читаются положенныя поученія изъ святыхъ отцовъ и учителей церкви, не читаются и житія святыхъ, почему молящіеся возвращаются домой безъ всякаго назиданія. в) Священники не обличаютъ тѣхъ знатныхъ лицъ, которыя, приходя въ церковь, стоятъ безъ страха Божія, не останавливаютъ тѣхъ, которые безчинствуютъ въ церкви, не обличаютъ и не исправляютъ своихъ дѣтей духовныхъ, видя ихъ порочную жизнь, грубые и развращенные поступки. г) Сами священники и діаконы даже въ олтаряхъ совершаютъ безчинныя поступки. е) Монашествующіе не соблюдаютъ своихъ обѣтовъ и живутъ не по монастырскому уставу: они любятъ стяжанія, заискиваютъ всячески предъ знатными властными лицами, стараются чрезъ нихъ получить какія-либо начальническія должности въ монастырѣ и, получивъ ихъ, начинаютъ притѣснять подчиненныхъ, расточать монастырское имущество, жить въ монастырѣ и внѣ его не по монашески. Въ заключеніе челобитчикъ проситъ патріарха Іосифа исправить все „хромое“.

Третій документъ — челобитная иконописца старца Григорія 1651 года къ царю Алексію Михайловичу. Въ своей челобитной старецъ Григорій предостерегаетъ прежде всего царя отъ козней еретиковъ, особенно іезуитовъ. Одинъ изъ нихъ будто бы уже проникъ въ московскую Русь подъ видомъ грека, а теперь туда же направились еще шесть іезуитовъ. Затѣмъ челобитчикъ переходитъ къ жалобамъ на духовенство, особенно на мѣстное-вяземское, въ жизни и дѣятельности котораго онъ указываетъ разные пороки и недостатки, причемъ приводитъ разные частные случаи. Указываетъ челобитчикъ и на существованіе въ народѣ разныхъ игрищъ языческаго и даже кощунственнаго характера. Въ послѣднемъ отношеніи у него есть такое указаніе, какого мы нигдѣ болѣе не встрѣчали. Челобитчикъ говоритъ: „игрища разные и мерзкія бываютъ вначалѣ отъ Рождества Христова и до Богоявленія всенощные, на коихъ святыхъ нарицають, и монастыри дѣлають, и архимарита, и келаря и старцовъ нарицають, тамъ же и женокъ и дѣвокъ много ходять, и тамо дѣвицы дѣвство діаволу отдають“.

Двѣ послѣднія челобитныя,—неизвѣстнаго и старца Григорія важны не только потому, что въ нихъ очень ярко изображаются разные церковные безпорядки, пороки и недостатки въ жизни народа и самого духовенства, какъ бѣлаго такъ и чернаго; но и потому еще, что онѣ даютъ видѣть, какого рода реформы въ церковной жизни многіе требовали тогда и ожидали отъ высшей духовной власти, именно: требовали реформы только въ наличныхъ церковныхъ порядкахъ, желали улучшенія религіозно-нравственной жизни общества, а не книжныхъ и обрядовыхъ исправленій.

Четвертый документъ, — грамота царя Михаила Феодоровича къ Іосифу архіепископу суздальскому и торусскому, прибывшему въ Москву въ 1625 году изъ южной Россіи, и получившему у насъ въ управленіе суздальскую архіепископію. Въ ней довольно подробно описываются разные возмутительные поступки Іосифа, за которые онъ наконецъ лишенъ былъ сана и сосланъ въ заточеніе въ Соловецкій монастырь. Эта грамота можетъ служить отчасти объясненіемъ того недовѣрія, съ какимъ многіе относились въ Москвѣ къ выходцамъ кіевлянамъ.

№ 1.

Челобитная патриарха Іосифа 1649 года, февраля 11, государю Алексѣю Михайловичу на царскаго духовника, Благовѣщенскаго протопопа Стефана Вонифатьевича, съ жалобою, что Стефанъ публично поносилъ бранными словами его патриарха и весь освященный соборъ.

„Государю благочестивому и христіюлюбивому, царю и великому князю Алексѣю Михайловичу, всеа Русіи, бѣють челомъ богомолцы твои государевы: Іосифъ патриархъ, и митрополиты, и архіепископы, и епискупъ, и архимандриты, и игумены, и протопопы, и весь освященный соборъ на благовѣщенскаго протопопа Стефана Нифантьева: въ нынѣшнемъ, государь, во 157 году, февраля въ 11 день, указалъ ты, благочестивый и христіюлюбивый государь царь, мнѣ, богомолцу своему, и намъ, богомолцомъ своимъ, быть у себя, государя, въ середней. И тотъ благовѣщенской протопопъ Стефанъ билъ челомъ тебѣ, благочестивому государю, на меня, богомолца твоего, и на насъ, на весь освященный соборъ, а говоритъ: будто въ московскомъ государствѣ нѣтъ церкви Божіи, а меня богомолца твоего называлъ волкомъ, а не пастыремъ; такожъ называлъ и насъ, богомолцевъ твоихъ, митрополитовъ, и архіепискуповъ, и епискупа, и весь освященный соборъ бранными словами, и волками и губителями, и тѣмъ насъ, богомолцовъ твоихъ, меня, патриарха, и насъ, богомолцовъ твоихъ, освященный соборъ, бранилъ и безчестилъ. А въ твоёмъ, государь, царствующемъ градѣ Москвѣ святая соборная первопрестолная церковь, всего государства мати всѣмъ церквамъ, въ ней же вы, благочестивые государи, цари и великіе князи, своими царскими вѣнцы вѣнчаются, и святители поставляютца, и весь миръ ею просвѣщается, сіяетъ аки столпъ до небеси, никогда не поколебимъ и нерушима, право и истинно, якоже изначала приняла божественный уставъ, такожъ и всѣ божія церкви стоятъ по правиломъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ и по истинному христіанскому закону. А нынѣ, по твоему государеву указу и по приговору, уложена въ московскомъ государствѣ Уложенная книга, а за тою Уложенною книгою сидѣтъ ты, благочестивый государь, со мною, богомолцомъ своимъ патриархомъ, и съ нами, богомолцы своими, со всемъ освященнымъ соборомъ, и съ боярми, и съ своими государевыми думными людьми, и изъ городовъ со всякими выборными людьми, и ко Уложенной книгѣ о всякихъ дѣлахъ я, патриархъ, и мы, богомолцы твои, весь освященный соборъ, и

боляре и всякихъ чиновъ выборные люди руки свои приложили, а въ той твоей государевой въ Уложенной книгѣ написано: кто изречетъ на соборную и апостольскую церковь какіе хульные словеса, да смертію умереть. А онъ, Стефанъ, не токмо что на соборную и апостольскую церковь хулу принесъ и на вси Божіи церкви, и насъ, богомолцовъ твоихъ, обезшестилъ. Милостивый благочестивый великій государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всеа Русіи! Пожалуй насъ, богомолцовъ своихъ, невели, государь, своей государевой Уложенной книги нарушить, и вели, государь, намъ, богомолцомъ своимъ, по правиломъ святыхъ апостоловъ и святыхъ отецъ и по заповѣдямъ прежнихъ благочестивыхъ царей, дати на него, Стефана, соборъ. Царь-государь смилуйся²⁾!

№ 2.

Челобитная неизвѣтнаго къ патріарху Іосифу съ просьбою предпринять мѣры противъ разныхъ укоренившихся церковныхъ безпорядковъ.

„Нѣсть намъ, еже не касаемыхъ вѣщатися, ни, выспрь пребывающимъ, долными наставлятися; но благодати ради всесвятатаго и животворящаго Духа, ко общей спасенію нашего ползѣ, святолипаго ти величества отовсюду, пресвятѣйшій Божій архіерею, собирая различни добродѣтели во свою душу, и тѣми красуися; мене же, грубоумнаго твоего богомолца, да не постигнетъ гнѣва твоего, за дерзновение мое, ярости. Святія соборныя апостольскія церкви пастырь, и Христова корабля, носящаго всѣхъ христіанъ спасеніе, нормичю, святѣйшему Іосифу патріарху московскому и всеа Росіи, да будетъ отъ Господа Бога милость его, за молитвъ пречистыя его Матере и великихъ святителей и чудотворцевъ, первопрестольникъ твоихъ, Петра и Алексѣя и Іоны, и всякаго благихъ подвиговъ твоего прошеніе да исполнить. Ты же, великій государь и святѣйшій патріархъ Іосифъ московскій и всеа Росіи, выну предъ святымъ твоимъ лицомъ имѣя первопрестольники твоя, великія святители въ таковѣи и по отшествіи ихъ отъ насъ ко Христу славѣ, помышляя шествіи своего поприща по стезямъ ихъ исправляти, вся бо, государь, тѣхъ великихъ святителей и чудотворцевъ тебѣ Богомъ предана, первое: престолъ святительства и первенство во святителяхъ, и тоя же святія Божія церкви закона Божія правленіе, гдѣ же онѣхъ великихъ труды и всенощная пѣнія бяху, тамо благоволи

²⁾ Эта челобитная, написанная на двухъ несклеенныхъ столбцахъ, найдена нами между неразобранными дѣлами Моск. Архива Министер. Иностр. Дѣлъ.

тебѣ Богъ стати; идѣже тѣхъ великихъ отецъ бяху нозѣ неподвижнымъ стоянѣмъ претружены о надеждѣ нетруднаго во вѣки со Христомъ пребыванія, тамо баше и святаго ихъ въ житіи покоя домъ, въ немъ же твое о Боѣзъ пребываніе. Днесъ реку же радостнѣ, яко не оставлено ни едино трудолюбнаго ихъ житія мѣсто, но имутъ отъ Бога власть и нынѣ блюсти и назирати, и всегда невидимо съ тобою пребывать во своихъ обителехъ, въ нихъ же пребыша многа лѣта, просяще отъ Бога миръ церквамъ, и наслѣдія своему престолу, на немъ же да утвердитъ твое владычество въ мирѣ и тишинѣ на многа лѣта Христосъ Богъ. Сего ради, государь, простри руку твою послушаніемъ разсуднымъ, и приими разумнаго слова трость, и напитаи ея свѣтящимся смиренномудріемъ, да возможеша живовписати на благочестивыхъ сердцахъ, яко на хартіяхъ, божественнаго сѣмени слова, слово бо Его живодѣйственно и, трудомъ твоего сѣянія, возможеть плоды въ сытость всѣмъ человѣкомъ принести. Первее, молимъ тя, святой Божій архіерею, призри на святую, порученную ти Христомъ церковь его и на вся твоего святительскаго рукоположенія служителя тоя, како именемъ пастьри, а дѣломъ волцы, како нареченіемъ и образомъ учителя, а произволеніемъ тяжны мучители, иже малаго ради своего покоя и предатели суть душамъ человѣческимъ, не настоящей и маловременной, но грядущей и вѣчной мѣѣ. Мали бо, государь, обрѣтаются послѣдующе негѣстно уставомъ святыхъ отецъ, мнози же нерадиви и лѣности къ славословію Божию: приходятъ измѣняюща лица своя, паче же того владуща нами разума омраченнымъ пьянствомъ, и бѣсовомъ желѣннымъ дменемъ и гордостію, чрезъ обычей вскочутъ безобразно во церковь и, начала входа церковнаго не справльше, начинаютъ утреню и вечерню. И тшатся преспѣяти каждо другъ друга во псалмѣхъ и пѣніихъ, да тѣми обычаи, и многихъ, суетъ работающихъ, приходити къ себѣ пріобрящутъ, забывше о семъ, или многи и неразумѣющая, яко всѣмъ пришедшимъ во святую Божию церковь нужда слышати особъ всякаго псалма, молитвы пѣнія, и, коемуждо словеси послѣдуя, просити оставленія грѣховъ. Силь образомъ сподобляемся, — церковнаго пѣнія истинно послушающе, здѣсь безбѣднаго жительства и оцамо вѣчныя жизни. Аще ли, государь, многогласно и безъ тихости церковнаго святаго славословія Божія служба будетъ, то токмо можетъ рещи: сподобихся утрени, или часы, или вечерню слышати. Нѣсть бо, государь, человѣка, иже возможеть внимати отъ многихъ купно глаголемыхъ, но точію единъ Богъ всѣхъ словеса и мысли зреть и воздасть каждому по прошенію и дѣлу. Еще же, государь великій святитель, зѣдо страшно въ домѣхъ Божіихъ зрится, еже хранилища и нѣдра церковныя исполнена Божественнаго

писанія книгъ имуще въ себѣ о праздницехъ смотрѣніи Божіа, еже ради нашего спасенія торжественная составлены святыми отцы словеса, и о праздницехъ пречистые его Богоматери, и предтечи его великаго пророка Іоанна и прочихъ святыхъ пророкъ, и святыхъ славныхъ и всехвальныхъ его ученикъ и апостолъ преестественныхъ (?) ихъ до конца вселенны дѣянїи и подвигъ; къ симъ же: повѣсти о несповѣдимыхъ страданїихъ святыхъ мученикъ, иже о имени насъ ради пострадавшаго Христа сладкъ и радостно претерпѣша; и по сихъ: великихъ свѣтитъ и вселенны учителей святительскаго лика житїа и достохвальная ихъ на высотѣ смиренномудрая ученїа; и преподобныхъ и богоносныхъ отецъ общаго житїа и пустыннаго скитанїа вседневнаго ихъ страданїа прологи, и, просто рещи, всѣхъ святыхъ, отъ вѣка угодившихъ Богу мужей и женъ на вселеннѣй просїавшихъ, житїа исполнены ползы и страха нерадивымъ душамъ. И таково Божественное писаніе имуще, лѣностно прочитають, и, требующимъ таковыя жизнедательныя пища, со оскуднѣніемъ подають, образомъ имущихъ неправеднаго собранїа мамону, иже, отъ глада едва дышущимъ, подати не хотятъ отъ страшнаго имѣнїа Божественныхъ писанїй приставницы къ нему. Таковыя бѣдѣ посѣченїе (?) по Спасову словеси, неплодныя смоковницы (?) иже рече: плода не имущее древо посѣчени и вметаемо бываетъ во огнь.—Еще же воспомяну тебѣ, государь, и о бездушныхъ гласѣхъ: благовѣсты и звоны по обычаю церковному и по достоянію коегождо дне почину содѣваются, первому другое послѣдуя—звонъ съ благовѣстомъ несмѣсно; царскаго же, государь, пѣнїа обычай отъ многихъ небрегомъ и не пояду совершается, якоже предаша намъ святїи отцы: еже бы первыхъ Божественныя сладости вкусивше и другихъ совершенїю святїа службы всѣмъ всякаго глаголемаго и чтомаго и поемаго словеси насыщатися, но точїю, государь, именемъ утренняго времени зовется утренняя, или вечерняго времени зовется вечерня, совершаежеся, государь, ото многогласїа въ церквахъ Божїихъ пѣни образомъ неистоваго пьянства: къ началному пѣнію другїй поемлетъ, и третїй, и до пяти, и до шести гласовъ купно бываетъ. И сїце, государь, бываемое, кто наречетъ святаго церковнаго устава обычаи, но воистину, государь, тѣмъ сводимъ на себе гнѣвъ Божїй, а не милость. Помысли, государь великій святитель, аще восхоцетъ гостимъ быти у тебѣ царь, и сѣдши съ нимъ вечеряти, восхоцещи ли вся уготованная брашна, безобразно смѣсивше, купно представить, но коеждо по чину и ряду: сладкое и сланое, терпкое жъ и мастичное, едино вкушаемо бывають, другое представляемо, и третїе держимо, и другая паки уготовляема, другъ другу послѣдующе, благочинно на трапезу поставляются. Малаго-же, государь, и незнапаго ради и предъ царемъ

неистовства, всѣмъ предстоящимъ ти, заповѣди прещенія исполнены полагаеши, да не како царь, вмѣсто пировнаго веселія, исполнится ярости; коли же, государь, хощеть отъ насъ достойно почитаемъ быти Царь царемъ и Господь господемъ, Богъ нашъ, и каково чисту и со благочиніемъ заповѣда намъ принести хваленія жертву во церквахъ своихъ пречистому и святому своему имени, яко научиша насъ, свыше приѣмше, дѣйствіемъ Святаго Духа, богоносни отцы.—Еще же, государь великій святитель, священники церковни, приходищимъ въ церковь Божию безъ страха Божія, молчатъ, величества рода и славу міра ищущихъ, боятся и трепещутъ, невѣдуше, яко всякъ страхъ челоувѣческаго прещенія въ малъ часъ приходитъ, ярость же гнѣва Божія на грѣшницѣхъ не имать конца. Ко нѣмъ же, безчинующимъ въ церкви, ласкосердіе жъ къ нимъ, благопокоренія своея ради погибающія чести, безчестуема Бога и святую его церковь, не берегутъ. И дѣти своя духовныя во вселѣнное время не вопрошаютъ, како пребываютъ и бремена заповѣдей ихъ со усердіемъ ли носяще хранить, но вмѣсто сихъ, противная видяще, молчатъ: предъ ними же бо ходяща не имуть постоянія ногамъ, безчиношествуютъ, съ похотѣніемъ на жены зрять, скверная, глаголю тщетная творять, изумленнымъ образомъ наскочутъ и другъ друга угрызаютъ, сурово сражаются и до крови бьются, опиваются и объедаются, укоризны родителямъ, другъ другу приносятъ, и своя родителя—отца и матеръ безчествуютъ, и, страшно рещи предъ тобою великимъ святѣйшимъ отцемъ, да не осквернится святой твой слухъ,—всякаго чрезъ естество именемъ сквернаго блуда себе и другъ друга и отшедшихъ жизни сея отецъ и братію свою и церковнаго чина досягутъ. Еще же, государь, зѣло умилено и страха исполнено слышаніе, яко во святыхъ Божіихъ церквахъ и во алтарѣхъ священники и діакони мнози отъ горе (?) таковая дерзаютъ рещи, о нихъ же что испросимъ отъ тебе, великаго Божія архіерея, на исправленіе, не вѣмы, уста бо, государь, священныхъ мужей долѣтъ выну ни славу Божию и съ молитвы о всѣмъ мірѣ, а не на клятву на сквернословіе, и мнози, носяще благочестіе образъ, совершаютъ дѣюще злобу. Еще же государь великій святитель, хощу вспомнути предъ тобою страшнаго виѣ міра иноческаго житія уставъ, еже приѣша любяще единство. Яко Ілія на Кармиѣ, и яко Претеча въ пустынѣ и, болше сихъ, яко Іисусъ на горѣ, тако и нынѣ иноцы міра и яже въ немъ отрекшеся, и усердно Христовъ крестъ носити, и страсти всенедвнаго озлобленія обѣщавшися терпѣти,—но не вѣмъ, государь, откуда привиде обычей противесъ таковому обѣщанію: любятъ сребро и злато и украшеніе келейное, имѣють влагалища исполнена лишнихъ одеждъ, тщатся притяжати болшая стяжанія, и тѣмъ желаютъ мірскія

любве достигнути. Призываютъ къ себѣ на гостѣбу великоименитыхъ властей, и сами къ нимъ въ дома ходятъ, словесы блажать и дѣла являющесе благими, лстать, дарованія приносятъ и большая даяти общаются, себѣ просятъ имѣти власть во обителѣхъ: игуменство, строительство, и келарство, и прочія начальства и, пріемше власть цѣною гибнущаго имѣнія, къ подвластнымъ звѣрообразни являються, сурови и мстиви томители, и святыхъ обителей грабители. своихъ далнихъ и ближнихъ взыскують, питають и обогащаютъ, и всякимъ образомъ обильно дома ихъ исполняютъ монастырскою казною, и сами въ домѣхъ и гостятъ и обществуютъ, ушвающесе и объадающисе бѣсомъ вождѣлѣннымъ пьянствомъ съ женами пирующе, и въ монастырехъ различными пьянствы, и питія имуще, уставомъ святаго иноческаго житія изумленнымъ пьянствомъ ругаются, и одежды аггельскаго образа скверняютъ и братію возмущаютъ таяже дѣяти. И что, государь, тако можеть очистити согрѣшенія наша, яко иноческое житіе! Не точію бо, государь, отложенію власть иночество, но всея своя воля,—о семъ довольно написано въ книгѣ собранія правилъ святаго Никона, въ 37-й главѣ. И откуда, государь, обычай таковъ властемъ: не навикше довольно время меншихъ степеней, на большая восходятъ, и како могутъ быть врачеве душамъ, неприемше искуса цѣлбы, постригаются множи недуждею (?) привлачими, неимуще дневныя одежда и пища и, помале, власти являються, въ мѣре о иночествѣ произволенія добра не имуще, а во иночествѣ откуда таковымъ абіе устройство нрава постигнути? Преже бывшіи святіи наставники спасенія нашего,—ихъ же и по отшествіи Богъ показа намъ хранителей святыхъ обителей и странамъ христіанскимъ, и тии многобогъзаненными труды и подвиги учителя и пастыри нарекошася. И о семъ молимъ твою святую душу, великій государь святитель, подвижнися о церквахъ Божіихъ и о святыхъ и честныхъ монастырѣхъ, пріими, государь, ревность ученія первопрестольникъ твоихъ великихъ святителей: Петра и Алексѣя и Іоны, тии бо на всяко дѣло области своя по вѣсѣмъ градомъ трудолюбно сами церкви Божіи назирали, како во всей славѣ стоять, и монастыри, паче же живущихъ въ нихъ наставникомъ и наставляемыхъ, како безъ смущенія и страха пребываютъ. Исправи, государь, хромое, да не како до конца совратится, но да исцѣлеть. Не трудно бо, государь, тебѣ шествовати, путь воздаяніемъ спасенія мзды посыпана. Аминь ³⁾.

³⁾ Рукопись библіотеки московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, № 482—962. лл. 439—445.

№ 3.

Челобитная старца Григорія иконописца 1651 года царю Алексѣю Михайловичу съ просьбою исправить различные недостатки, пороки и суетвѣрія, особенно процвѣтавшіе среди духовенства и народа г. Вязьмы.

Благочестивому царю и государю и великому князю Алексію Михайловичу всеа Русіи самодержцу. Тайнства царева добро есть хранить и соблюдать, божественная же словеса, еже сокрывать, бѣдно и пакостно, тѣмъ же и азъ многожды невидимою понуждаемъ силою, еже возвѣстити, что врагъ и супостатъ многими козньми хощеть превратити православныхъ вѣру черезъ своихъ угодниковъ влыхъ человекъ еретикъ, иже въ твою царскую державу, свою одежду измѣняючи, многіе входятъ и свою ересь сѣють, а наипаче иезуиты, что и намъ вѣдомо, иже здѣ на Москвѣ единъ 50 годъ (въ пятидесятомъ году?) былъ, грекомъ себе нарицавъ, и еще шесть ихъ въ большую Русію пустились, шобы свою ересь всѣяти. И исполняется имъ Христова словеса: обидѣй, да обидитъ, еще: и скверный да осквернится, еще: и праведный правду да творитъ; еще: и святыи да святятся, еще: такожь и ты державный царю, яко началъ еси правду и прилежаніе о вѣрѣ православной и ревность о церкви Христовой, но и до конца исправить, иже по иныхъ городахъ великое небреженіе и нестроеніе, а наипаче отъ пастырей, еже посмрадиша виноградъ Христовъ, шобы имѣли образъ быти овцамъ стада Христова: волну одирають и гладныхъ оставляють, еже бы ученіемъ божественнымъ насыщати, но паче соблазнъ бываютъ. и не по правилу святыхъ отецъ священнической чинъ имѣють, отъ чего и въ малой Русіи унея явился, иже не по правилу имѣша святительскій чинъ и папѣ поклонилися, а онъ ихъ разрешилъ. Такоже и здѣ въ большой Русіи, а наипаче что и намъ вѣдомо: иже въ городе Вязме вначалѣ соборной церкви протопопа сестру имѣеть за собою двуродную, и пастыру ихъ возвѣщено о немъ, а онъ на денги печаль повергъ, и тѣмъ ему благословиша священствовати. А другой—ключаръ тое соборное церкви, взявъ здѣ на Москвѣ, грамоту у своего пастыра, еже исправить и догледѣти чину во церквахъ у вяземскомъ уездѣ, и онъ изрядно исправлялъ: на одномъ попу исправилъ 50 рублей, на иномъ 30, на иномъ десять, и на иныхъ по силѣ меншіи вытресалъ. А иной погъ, сповѣдавши женщину, ее мужу грѣхы написавши, торгъ сотворилъ и пяти рублей прошалъ и грѣхы то ее обя-

вилъ; а другой попъ недосытъ того што самъ блудникъ, знаемъ людемъ, но и прочая учить глаголя: что за грѣхъ еже похотѣ исполнити, но и священная дѣйствуетъ надѣясь на денги. И отъ денегъ много зла: иже посулы берутъ, и на Господа Бога не помнячи, недостойныхъ достойными творять. А о церковномъ единогласіи, яко Господь Богъ тебе, государя царя, вразумить, ижѣ попы, на денги уповающе, глаголютъ: никто не можетъ намъ единогласіи воевести, такожь и табаку не токмо мужескій полъ, но и женскій и дѣвки явие пють, а все небреженіемъ начальниковъ за денги благословеніе имѣють. Такоже и игрища разные и мерскіе бывають вначалѣ отъ Рождества Христова и до Богоявленія всенощныя, на коихъ святыхъ нарицають, и монастыри дѣлають, и архимарита, и келаря, и старцовъ нарицають, тамъ же и жены и дѣвокъ много ходять, и тамо дѣвицы дѣвство діаволу отдають. Другое игрище о Троицномъ дни: за городъ на кургана ходять и неподобная творять. Третіе игрище отъ Петра дни до Ильина дни: на реляхъ вѣшаются и на крутящихъ крутятся, и многихъ диаволъ беретъ, и денги тыхъ благословляють при церкви погребати. Такоже о рождествѣ Іоанна Предтечи всю ночь бѣсятоя, бочки дегтярныя зажигаютъ, изъгоръ катають и, вѣйки зажегши, скачутъ. Такожь вѣдумовъ много и свадбы безъ нихъ не могутъ отпразднати, и одинъ другого портятъ. А на тое на все начальники, посулы беручи, благословляють, и людемъ соблазнъ и пагуба, гдѣ бы вмѣсто сего Бога молити, еже бы сохранилъ и избавилъ въ нынѣшнее послѣднее время отъ еретикъ и отъ иного всякаго зла. Но и ты, государь, царь и великій князь, Алексѣй Михайловичъ всеа Русіи, яко имѣяй ревность по Господь Боаъ, еже начать благочестіе, и до конца соверши, да и прочіи страны слышаще прославятъ Господа Бога, и такового бы челоуѣка изыскати на исправленіе по иныхъ городахъ, еже не своего искати, но Божія, и неналица зрѣти, и посуловъ бы не брати. Но и еще вспомяну: въ Вязмѣ городѣ попъ молодой соудовою што внего жива, сваеѣ поподи недоволенъ будучи, в'другою живучи, дѣтище прижилъ, и ее замужъ выдалъ, и яко до него приставили, онъ за тое дѣтище норову да пять рублей денегъ далъ, а протопопъ далъ два уліи пчолъ, да пять рублей денегъ, и нынѣ священнодѣйствуетъ. Также пиявицъ, кои упившися умирають, и попы тыхъ при церкви погребаютъ черезъ правила святыхъ отецъ. И поинныхъ городахъ: также много неисправленія, а еретия, тоестъ члнжники, тое слышаще, радуются, и для того они съ боольшую Русію, свою одежку оти'ннвши, ходять, и удобъ могутъ поповъ и людей небрежливыхъ отъ православныя вѣры отвратити, а наипаче въ нынѣшнее послѣднее время, што вси своего си ищутъ, а не Божія. Тыхъ-же и азъ грѣшный и воихъ послѣдній,

не хотѣхъ дерзнути о семъ возвѣстити твоему царскому величеству, вѣдый, яко тысяща мене лучшій есть здѣ на Москвѣ божіихъ угодниковъ, но, невидимою силою понуждаемъ, дерзнухъ сія возвѣсти, но и бояся, паче да негоршая постражду, яноже въ лѣтъ здѣ на Москвѣ страдахъ, и отъ смерти дважды возвращахся. Но и паче вѣдый твою царскую свѣтлость и величество по благочестіи ревнителя и многая исправленія содѣлавша, что слышаще и въ малой Русіи православные радуются и Господа Бога прославляютъ, такожде и мы радуемся и Господа Бога молимъ, да Господь Богъ подастъ на многолѣтнее тебе царя государя царствовать въ сія послѣдняя времена“⁴⁾.

№ 4.

Грамота царя Михаила Феодоровича къ суздальскому и торусскому архіепископу Іосифу, съ обличеніемъ преступленій архіепископа и съ объявленіемъ ему, что онъ лишается архіепископскаго сана и ссылается на покаяніе въ Соловецкій монастырь.

„⁵⁾ . . . патріарха Филарета Никитича московскаго и всея Русіи было жалованье и милость, какъ еси къ намъ пріѣхалъ изъ Литвы, а сказалъ епископъ Володимерскій. и грамоту ставленую на свое епископство привезъ святѣйшаго Θεодана патріарха іерусалимскаго, а сказалъ, что ты пріѣхалъ къ намъ изъ Литвы отъ гоненья латынскаго, желая быти въ нашемъ государствѣ совершеннымъ христіаниномъ. И мы тебя пожаловали, приняли милостивно, и о гоненье твоемъ поскорбѣли, и пожаловавъ тебя многимъ нашимъ жалованьемъ денгами и платьемъ, а для тебя и всѣхъ твоихъ людей, которые съ тобою пріѣхали пожаловали нашимъ жалованьемъ, и учинили тебя архіепископомъ суздальскимъ и торускимъ, а то архіепископство въ нашемъ государствѣ по степени другое мѣсто. И ты наше царское и отпа нашего, великаго государя, жалованье; но паче же священная церковная преданія презрѣлъ, и почалъ жити слабое

⁴⁾ Эта челобитная найдена нами между неразобранными дѣлами Московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. По поводу этой челобитной былъ допросъ въ Москвѣ вяземскимъ протопопу и ключарю, которые отрицали справедливость довѣса на нихъ, причемъ писавшій челобитную называется старцемъ Григоріемъ иконописцемъ, подавшимъ свою челобитную въ 1651 году.

⁵⁾ Нѣсколько начальныхъ словъ грамоты кѣмъ-то въ подлинникѣ оторвано.

и невоздержанное житіе, и о церкви божиі и о священной па-
ствѣ, елико достоитъ епископомъ, радѣти неучаѣ. А послѣ того
пріѣхали изъ Литвы литвинъ Ондрюша ярматцкой съ женою, и
ты намъ объ немъ билъ челомъ, а сказалъ, что онъ, Ондрюша
ярматцкой, тебѣ зять, а жена іво тебѣ сестра, и мы для тебя и
Ондрюшу ярматцкаго и жену іво пожаловали многимъ нашимъ
жалованьемъ денгами и платьемъ, и помѣстьемъ устроили. И
ты какъ своего епископства (санъ?) растлѣннымъ своимъ житъ-
емъ и невоздержаньемъ презрѣлъ, и священная апостоль-
ская правила и святыхъ отецъ преданія ни во что обратилъ....
И мы, великій государь, и отецъ нашъ, великій государь
святѣйшій патріархъ Ф. Никитичъ московскій и всеа Русіи,
тебя во всемъ щадили, и наказывалъ тебя отецъ нашъ, ве-
ликій государь, милостивно, точію словомъ наказательнымъ
съ пощадѣніемъ и милостію, а неранами наказанія, ниже сра-
мотою, не яко раба, но яко сына возлюбленна.... И въ то-
лико лѣтъ, какъ еси пріѣхалъ въ наше государство, нима-
ло непоискала еси отъ скверныхъ дѣлъ обращенія, и о сво-
емъ спасеніи нимаю не poradъ еси, и ко истинне притещи
невосхотѣлъ еси. Да тебѣжъ били челомъ человѣкъ твой Федка
и иные, чтобъ ты ихъ совершилъ и истиннымъ святымъ креще-
ніемъ въ три погруженія, какъ повелѣваетъ святая апостоль-
ская церковь, и ты ихъ отъ того возбранялъ, а иныхъ мучилъ
и ни единого не исправилъ, и намъ и отцу нашему о томъ не
извѣстилъ; да и самъ де еси крещень несовершенно — обливанъ
полатынскому обычаю, а не въ три погруженія крещень. Да и
многое на тебя несповство люди твои, которые съ тобою вы-
ѣхали и у тебя жили, извѣщали чего не токмо нести и глаголати
стыдно. А строитель твой Варламъ Соколовской также, ѣздачи
отъ тебя понизовымъ городомъ, многихъ людей мучилъ и по-
бивалъ до смерти и вѣшалъ безъ покаянья, и дѣвъ и женъ
осквернялъ. И мы слыша о тебѣ и о души твоей поскорбѣли,
а нашего государскаго гнѣву и опалы на тебя безъ сыску не-
положили, а велѣли о тебѣ поискати и разсудити по священ-
нымъ преданіемъ отцу нашему и богомолцу, святѣйшему Іоасафу
патріарху московскому и всеа Русіи, и яже о немъ освящен-
ному собору. И святѣйшій патріархъ Іоасафъ, и митрополиты,
и архіепископы, и епископы и весь освященный соборъ про
тебя сыскивали, и намъ извѣщали, что ты по апостольскимъ
преданіемъ и святыхъ отецъ правиломъ не токмо епископъ быти
достоинъ, ниже совершенъ христіанинъ нарешися негоденъ. И
мы, великій государь, какъ есмя обилии отъ прародителей на-
шихъ великихъ государей священная преданіи соблюдати непретк-
новенно, также и нынѣ ихъ святительскому совѣту согласуемъ
и священныхъ предѣлъ непререкуемъ, и отомъ есмя со отцемъ

нашимъ и богомолцемъ, святѣйшимъ патриархомъ Іосафомъ московскимъ и всеа Русіи, и съ митрополиты, и архіепископы, и епископы, и съ бояры нашими, и думными людьми совѣтовали, и по нашему царскому повелѣнію и разсужденіемъ священникъ и царскихъ правилъ архіепископомъ тебѣ быти непригожъ, потому что твое ~~лихоимственное и нечистое житіе~~ стало многимъ явно и блзнительно и церкви божіи чюжи, и для твоего исправленія велѣли есмя тебѣ быти покаянія ради въ обители у всемилостиваго Бога на Соловецкомъ ~~морскомъ острову въ чину~~ кающихся, и тыбѣ о томъ вѣдалъ и у человеколюбиваго Бога о своихъ многихъ претяновеній милости просилъ, яко да милостивъ будетъ тебѣ всецѣдрый Богъ здѣ и въ будущемъ вѣце, понеже нѣсть грѣхъ побуждающъ божіе человеколюбіе. А пища тебѣ и одежда во обители всемилостиваго Спаса будетъ монастырская нескудно⁶⁾.

⁶⁾ Эта грамота найдена нами между неразобранными дѣлами Моск. арх. мин. иностр. дѣлъ.

Ак. 2473 —

3 —

Цѣна съ пересылкою 1 руб. 30 коп.

СКЛАДЪ КНИГИ У АВТОРА:

Сергіевскій посадъ московской губерніи, у *Проф. Н. Θ. Кантарева*.

У НЕГО ЖЕ ПРОДАЕТСЯ КНИГА:

Характеръ отношеній Россіи къ православному востоку въ XVI и XVII столѣтія. Цѣна 3 руб., съ пересылкою 3 руб. 50 коп.

